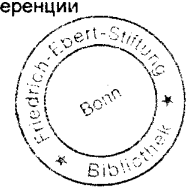
Центр исследований проблем мира и развития "Форум"
Центр кавказских исследований
Фонд имени Фридриха Эберта

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ — ЗАКАВКАЗЬЕ: ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

A 98 - 08792

Материалы международной конференции
24 — 26 октября 1997 г.
Сочи



Компания Гриф-Ф
Москва
1997

Ответственные редакторы:
Воркунова О. А.
Искандарян А. М.

Редактор:
Степанова В. П.

Конференция организована при финансовой поддержке Московского представительства Фонда имени Фридриха Эберта

Редакция не несет ответственности за содержание публикуемых докладов, достоверность использованных в них материалов, а также выводы, обобщения, прогнозы и т. д., предлагаемые авторами.

ISBN 5-85211-031-0

© Центр Форум, 1997

Содержание

А. Искандарян
Становление политических систем в странах Закавказья: постсоветский синдром и политическая культура 5

О. Воркунова
Политика России в конфликтах на Кавказе 18

Д. Малышева
Проблемы стабильности на Кавказе и международный опыт урегулирования и разрешения конфликтов 27

Л. Воронков
Предотвращение внутренних конфликтов и европейская архитектура безопасности 45

Д.Шперлинг
Конфликты на Кавказе: политика разрядки — выход из нестабильности 63

К. Геворгян
Каспийская нефть как политический фактор 77

С. Власов
Политика Украины в регионе Кавказа 88

М. Баснукаев
Россия и Чечня: истоки конфликта и проблемы разрешения 98

Г. Гогсадзе
Грузия: этнополитические конфликты и вопросы государственного строительства 113

О. Зоидзе
Постсоветская Грузия: проблемы национального единства и становления государственности 123

Ю. Анчабадзе
Грузия-Абхазия: уроки войны 134

А. Юнусов
Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития 144

Г. Авакян
Влияние карабахского фактора на формирование политической идентичности в Армении 166

Сведения об авторах

Предисловие

В октябре 1997 г. в Сочи состоялась конференция "Северный Кавказ — Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития".

В ней приняли участие высококвалифицированные специалисты в области конфликтологии, этнологии, политологии и международных отношений из России, Украины, Германии, Грузии, Армении, Азербайджана, а также республик Северного Кавказа.

Конференция была организована Центром исследований проблем мира и развития "Форум" и Центром кавказских исследований при содействии Московского представительства Фонда имени Фридриха Эберта.

В данном сборнике представлена часть докладов, прочитанных на конференции. Авторы освещают проблемы посткоммунистического развития на Кавказе, перспективы становления гражданских обществ, разрешения конфликтов в регионе.

Предлагаемые вниманию читателя материалы конференции отражают широкий спектр мнений и позиций авторов, в том числе из конфликтных зон региона.

А. Искандарян

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ: ПОСТСОВЕТСКИЙ СИНДРОМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

С распадом СССР в новых независимых государствах началось становление политических систем. Новые системы оказались чрезвычайно разнообразны, и следует предположить, что многообразие это закономерно обусловлено различием национальных традиций, политической культуры и этнокультурных особенностей соответствующих стран. Конечно, нивелирующее влияние советской политической системы сказалось на том, что многие проблемы оказались общими для всех постсоветских государств, но общность не следует переоценивать. По мере развития становится все более очевидным, что Эстония, стряхивая советские "одежды", становится все ближе к Северной Европе, а Таджикистан — к Афганистану, чем Эстония и Таджикистан — друг к другу. Даже такие близкие страны, как Киргизия и Узбекистан, демонстрируют принципиально разные пути становления политических систем.

Внешним выражением постсоветской структуры, несомненно, являются оставшиеся от советской власти системы властной вертикали. Поскольку в момент ее создания реальное управление республиками осуществлялось из Москвы через комитеты КПСС, конституции союзных республик, да и конституция СССР были, по сути, бутафорскими образованиями и не должны были соответствовать требованиям функциональности. Сразу после обретения независимости выяснилось, что в новых условиях эта нефункциональность стала мешать государственному строительству. В частности, для всех республик был характерен громоздкий недейственный парламент и столь же громоздкая малоуправляемая структура исполнительной власти в регионах. Однако к настоящему времени проблема создания более или менее действенных (или, по крайней мере, не особенно "вредных") законодательных органов и властных структур решена почти во всех постсоветских странах. В некоторых из них эта

проблема решается роспуском парламента, как в Казахстане, в других — его подменой другим, невыборным органом, как в Белоруссии, в третьих — расстрелом законодательного органа, как в России. Во всяком случае, она решается наиболее адекватным для данной страны образом, будь то установление парламентской демократии с элементами сегрегации по этническому признаку, как в Латвии, или конституирование классического патерналистского общества, как в Туркмении.

Более того, следует предположить, что в большинстве случаев речь идет не о создании, а о восстановлении характерных для этих обществ политических организмов, так или иначе сохранявшихся при советской власти, несмотря на видимое единообразие политических структур. Эта тема требует отдельного исследования, но очевидно, что в Советском Союзе при внешне жесткой, унитарной системе политической власти — обкомы КПСС, местные советы, КГБ и пр. — в разных регионах эти институты наполнялись совершенно разным содержанием. Если в республиках Центральной Азии комитеты партии и сельсоветы представляли собой типичные для политической культуры соответствующих народов структуры феодальной администрации со сложной системой представительства различных территориальных кланов и субэтнических групп, то в Закавказье они были, скорее, некоторым официальным прикрытием полукриминальных протобуржуазных элит. В этом смысле в некоторых регионах бывшего СССР эти особенности даже не трансформировались в новые, а просто поменяли внешние признаки и идеологический антураж, в реальности не изменившись даже на персональном уровне.

Оказались неоправданными ожидания как западных наблюдателей, так и постсоветских политиков первой, "наивной" волны, что на смену советскому тоталитаризму моментально придут либеральная модель развития и гражданское общество западного типа. Эти ожидания базировались на понимании либеральных ценностей как естественных и глобальных. Если следовать этой логике, устранение навязанной народам бывшего Советского Союза политической системы само по себе должно привести к возвращению этих народов в естественное состояние

демократии. Однако уже первые годы независимости постсоветских стран выявили тот, в общем, бесспорный факт, что сложная система сдержек и противовесов, существующая в западных странах, отнюдь не является самоочевидной, а формируется в процессе долгой истории развития политической культуры, только конечным результатом которого может стать представительная демократия. Лишним доказательством вышесказанного является то, что демократии (фактические, а не формальные) реально существуют всего в примерно тридцати из двухсот стран мира. При том, что формальные атрибуты демократии присутствуют в большинстве стран, под их прикрытием существуют совершенно разные режимы, скорее соответствующие национальным и цивилизационным моделям политической культуры данных стран, чем "Декларации прав человека и гражданина". Парламент в Египте — это совсем не то, что парламент во Франции, а политические партии Японии реально осуществляют совершенно иные функции нежели таковые в США.

Если же говорить конкретно о закавказских государствах, то проблема формирования в них более или менее демократических политических систем осложнялась двумя обстоятельствами. Первое из них — полное отсутствие демократических традиций. Территория Закавказья вошла в состав Российской империи в начале XIX века и никаким, даже ограниченным самоуправлением, как, например, Великое Княжество Финляндия или Королевство Польское, не обладало. До вхождения в состав России представительной демократии в Закавказье тоже не было. Грузия была до российского завоевания монархией, Армения и Азербайджан входили в состав Персии, не отличавшейся либерализмом западного типа. Советское время также не способствовало зарождению в обществе демократических традиций. Кроме того, существующие проблемы были усугублены таким моральным состоянием общества и граждан, последовательно выработанном социализмом, при котором любые противоречия сравнительно легко приводят к массовому насилию и кровопролитию.

Вторым, очень важным фактором, осложняющим государст-

венное строительство, явилось отсутствие традиций существования национального государства вообще. Если не считать неудачный опыт государственностей 1918 — 1921 гг., не успевший как-то отразиться на формировании политической культуры соответствующих народов как минимум ввиду его кратковременности, единственной страной, которая имела государственность в новое время, была Грузия, потерявшая независимость почти двести лет назад. Последнее армянское государство существовало 700 лет назад и то не на территории нынешней Армении; собственно азербайджанского национального государства не существовало никогда.

Соответственно, нынешний этап развития обществ в Закавказье можно сравнить с эпохой становления национальных государств в Европе, примерно XV — XIX века. Прямые аналогии тут неуместны, однако и в тогдашней Европе поначалу речь шла о строительстве централизованной государственной системы и только потом — о медленной трансформации государств от хаоса к авторитаризму и далее — к имплантации либерализма параллельно с рыночной системой. Беда постсоветских республик в том, что строительство государства, внедрение рыночных систем, создание политических институтов, поиски аутентичных моделей политической культуры, даже новую ментальность у населения, привыкшего жить в составе империй, приходится вести одновременно и в короткие исторические сроки. Даже не говоря о странах Балтии, где восстанавливаются политические системы, которые помнят еще живущие ныне люди, Закавказье находится отнюдь не в лучшем положении в сравнении с другими государствами постсоветского пространства. В Центральной Азии например традиции политической культуры, характерной для Среднего Востока, существовали еще непосредственно перед Октябрьской революцией в своеобразных формах государственности (Бухарский эмират и Хивинское ханство). Кроме того, политические системы среднеазиатских республик и Казахстана не подвергались тому демонтированию, которому подверглись советские властные структуры стран Закавказья в результате антисоветских революций — их в Центральной Азии просто не было. Создание этноцентричных

режимов в этих странах началось еще в советское время и плавно перешло в новую геополитическую эпоху. Экономическая же составляющая движения от знаменитого азиатского способа производства к рыночной экономике, можно, с некоторой долей допущения, сказать, еще и не начала возникать. В России сейчас можно наблюдать процесс трансформации советской государственности в российскую, сопровождающийся свойственными для этой страны сложностями, связанными опять-таки с изменением ментальности населения, вынужденного изживать комплекс "великой империи", но во всяком случае имеющий мало общего с проблемами строительства государства с нуля. По крайней мере проблема создания собственных МИД, армии, полиции, финансовой системы и т. д. перед Россией не стоит. Скорее, речь здесь идет об "ужимании" существовавшего государства в рамки новых границ и смены идеологического антуража и экономической системы. В Закавказье же даже будущая графика государственного языка и его название зачастую утверждаются после долгих политических дебатов.

Тем не менее, как ни парадоксально это будет звучать, государственное строительство в странах Закавказья идет на удивление быстро и успешно. В мире достаточно примеров того, как превращение территорий в государства продолжалось десятки, если не сотни лет. И речь идет отнюдь не только о Германии периода Тридцатилетней войны или Италии времен Рисорджименто. И в современном мире существует достаточное количество стран, которые из всех атрибутов государственности обладают только одним — международной признанностью. Не говоря уже об абсолютно децентрализованных Ливане и Афганистане, или о существующих только на политически корректной карте Западной Сахаре или Тиморе, можно привести в пример целый ряд стран, значительная часть граждан которых не подозревает, в каком государстве они проживают. В некоторых случаях даже очень сильное внешнее давление не помогает созданию реального государства: Босния и сейчас фактически является не одной, а как минимум двумя странами, объединенными совершенно искусственно в псевдофедерацию.

Во всех трех закавказских странах складываются политические системы, проведены конституционные реформы, достаточно стабильны финансовые системы. Созданы централизованные властные вертикали. Начинают формироваться и институты гражданского общества, действуют оппозиционные партии, что по меркам стран СНГ далеко не само собой разумеется. Постепенно консолидируются политические режимы, возникшие после распада СССР. Структуризуется механизм взаимодействия основных правящих групп и лоббистских структур. Оформились рамки правящих групп и обслуживающих их интеллектуальных центров. Определился механизм принятия решений (или иллюзий таковых). Выработан механизм влияния на общественное мнение путем подчинения правящим группам СМИ, особенно электронных. Вырабатывается механизм ротации элит. Происходит сращивание экономических и политических элит, что приводит к тому, что политические группы начинают выражать реальные экономические и финансовые интересы элитных групп бизнеса. Классическая оппозиция становится элементом власти. Выборы обеспечили легитимность и реальную несменяемость властей. Это, в свою очередь, приводит к пониманию необходимости компромисса между властью и оппозицией. Необходимость эта усугубляется сращиванием "отраслевых" и соответствующих региональных лобби. Складывается система некоего "коллективного руководства", характерного для позднебрежневского Советского Союза и устраивающая почти все системные элитные группы.

Некоторые черты складывающихся политических систем стран Закавказья несомненно обнаруживают сходство. Прежде всего, это собственно складывающаяся схема властной вертикали. Эта схема, которую иногда называют "полуторапартийной", обязательно включает в себя так называемую партию власти. Речь здесь идет не о формально правящих Армянском общенациональном движении, Союзе граждан Грузии или "Ени Азербайджане", а гораздо шире — о том, зачастую неоформленном объединении людей и структур, реально допущенных к властной вертикали. Официальные вышеперечисленные "партии, находящиеся у власти", могут выполнять всего лишь функцию подготовки кадров управленцев среднего звена или профсоюза

для госслужащих. Последние тенденции показывают, что эти партии уже не выполняют и этих функций, превращаясь в полубутафорские образования. Можно предположить, что так называемые политические партии, являвшиеся в период распада Союза на самом деле широкими политическими фронтами с крайне аморфной структурой, и не могут превратиться в партии западного типа, полностью выполнив свою роль разрушающего тарана и структуры для выявления и подготовки новых политических элит еще на стадии развала СССР. На сегодняшний день реальная власть сосредоточена в руках государственных аппаратов, военной и бизнес элит, а также руководителей регионов стран Закавказья. Эти процессы не оригинальны, они имеют аналогии во всех странах СНГ — и в России Газпром является гораздо в большем смысле влиятельной политической партией, чем даже "Наш дом Россия". Аналогии можно найти и в тех странах мира, которые вступили на путь экономической и политической трансформации после второй мировой войны. В таких странах вне пределов классического Запада, как Южная Корея, Япония или Чили, политическая система складывалась похожим образом.

Бурная политическая оппозиция во всех трех закавказских странах оказывает мало влияния на реальную политику своих государств хотя бы потому, что отражает скорее идейные разногласия, существующие в обществе, чем представляет интересы реальных слоев населения и элитных групп. Эти реальные интересы представляют различные группы (иногда их называют кланами) внутри партий власти. Они, в отличие от классических партий, аккумулируют в себе интересы различных бизнес групп, которые, в силу неразвитости рынка, тесно связаны с фракциями в государственном аппарате. Возможно, в перспективе эти группы способны превратиться в зачатки политических партий будущего. Во всяком случае их потенциал в этом смысле гораздо выше, чем у оппозиционных партий, которые представляют собой скорее клубы интеллектуалов или группы маргиналов, более настроенных на взятие власти, чем на собственно позитивные экономические программы. В постсоветских странах оппозиционеры легко отличаются от властей идеологи-

чески и зачастую не противопоставляют последним интересы каких- либо страт населения. Они чаще всего и декларируют себя в качестве защитников интересов всего народа, то есть самих себя. На Западе как правило политические партии трудноразличимы идеологически, но гораздо легче идентифицируются различными группами населения, как представляющие их интересы.

Лишним подтверждением этого тезиса может служить специфический феномен, не обретший еще названия, представляющий собой оппозиционеров, ставших таковыми в силу того, что они по тем или другим причинам были изгнаны из чиновничьей корпорации. В Армении, например, ввиду отсутствия термина, таких людей в отличие от чисто идеологических оппозиционеров принято называть искаженным русским словом "обиженник".

Однако политические системы стран Закавказья имеют и значительные отличия, продиктованные различиями в исходной политической культуре, истории, ментальности народов, населяющих страну. Эта тема заслуживает отдельного исследования, но отличия складывающихся политических моделей возможно являются проецированием на современную политическую реальность глубоких культурологических различий народов, которые только из Москвы видятся как монолит — "кавказская национальность".

Наиболее классическим примером клановой структуры властной вертикали является Азербайджан. В прессе часто пишут о том, что при "дворе" в Азербайджане царствует нахичеванский клан. На самом деле, клан этот не столько нахичеванский, сколько "армянский", т. е. этнических азербайджанцев — выходцев из Армении и, отчасти, из Грузии. Система ротации элит строится по территориальному, субэтническому или родственному признаку, что приближает эту закавказскую страну к политическим системам родственных ей народов Центральной Азии. Во всяком случае это не позволяет оппозиционным политическим партиям надеяться на приход к власти нединастическим путем и тормозит развитие страны по "европейскому" пути. Тем не менее хоть и недолгий, но опыт резких

общественных трансформаций не дает возможности режиму вести себя так, как если бы оппозиции не было вообще, как это делают некоторые режимы в Средней Азии. В силу некоторых особенностей досоветского и подсоветского развития этой республики, степень модернизированности социальной структуры Азербайджана не сравнить, например, с туркменской. С другой стороны, создана жесткая система, не позволяющая пополнять управленческие структуры, исходя из соображений квалифицированности, образования, способностей и т. д. Если признавать тезис, что реальные изменения могут зарождаться только изнутри партии власти, политическая система в Азербайджане не слишком расположена к модернизации. Однако Азербайджан уже неоднократно в постсоветской истории показывал возможности резких перемен.

Армянская система ротации политических элит гораздо более отлажена. Если говорить о высших сферах государственной власти, то они формируются из достаточно узкого круга единомышленников, пришедших к власти еще во время революции 1988 — 1990 гг. Средние управленческие слои в республике также практически сформированы и оформляются в некую политическую касту, впрочем, пока еще достаточно гибкую в части рекрутирования в свою среду новых членов. Проблемы этой страны в основном связаны с практически полным отсутствием соответствующих традиций. Опыта государственного строительства в постсоветской Армении нет вообще, и население привыкло воспринимать власть только как оккупационную. В течение долгих столетий отсутствия государственности территория Армении находилась в составе Оттоманской и Российской империй. Армяне привыкли воспринимать государственные институты как нечто чужеродное, привнесенное извне. Как органичные, национальные воспринимались те институты, которые заменяли государственные функции в массовом сознании, — такие, как церковь, системы родственной социальной поддержки и солидарности, интеллектуальные "клубы" и пр. Хорошей иллюстрацией к этому служит тот факт, что в отличие, например, от России, Украины или Узбекистана, где очень распространены обвинения со стороны интеллектуалов в адрес

церковных иерархов и шире — самих институтов церкви — в сотрудничестве с властями и КГБ, в Армении это представить невозможно: церковь является неприкосновенной в массовом сознании. И это при том, что государственные чиновники подвергаются всем возможным нападкам и обвинениям.

Усугубляет эту психологическую отстраненность от государства еще и тот способ, при помощи которого пришла к власти нынешняя политическая элита. В Армении произошла, пусть и бескровная, но революция, с характерными для последней признаками, как-то демонстрации, забастовки, голодовки, массовые митинги и т. д. Поскольку этот опыт достаточно свеж, революционные методы решения социальных, экономических и др. проблем кажутся населению достаточно приемлемыми, тем более, что в массовом сознании не вполне сложилось представление о легитимности вновь созданного национального государства, в отличие от советской империи.

В результате в Армении наблюдается катастрофическое отчуждение власти от народа, и особенно, интеллигенции. Еще одним феноменом этой страны является и то, что в ней есть политические партии (партия?), представляющие интересы реальной части населения. В данном случае речь идет о населении других стран, т. е. об интересах диаспоры. Партия "Дашнакцутюн" достаточно популярна и в самой Армении, и это, вне зависимости от подлинности чисто юридических обвинений в ее адрес, является главной причиной запрещения ее деятельности в пределах республики.

Если говорить о Грузии, то, в отличие от своих практически моноциональных соседей, она является поликультурной страной. Это обстоятельство касается и политической культуры: Грузию явно можно поделить на несколько этнотерриториальных ареалов с выраженными различиями в политической культуре населения. Представляется, что и кровавые этнополитические конфликты, сотрясавшие эту страну, также в значительной степени отражают цивилизационные различия, существующие в рамках грузинского государства.

Но крайне важным для Грузии оказался тип политической ментальности, сыгравший свою роль в ходе событий конца 80-х — начала 90-х гг. Отсутствие демократических традиций вкупе

с достаточно абстрактным символом независимости породили феномен радикальной оппозиции. Идеал государственности пришлось возводить к средним векам и не успевшему реально отразиться на развитии политической культуры периоду 1918 — 1921 гг. Эти явления существовали и в других странах, но в Грузии радикальная оппозиция смогла прийти к власти в лице режима Гамсахурдиа, превратившего непримиримость и поиск врагов в стержень внешней и внутренней политики. Радикализм и националистическая риторика вкупе с непрофессионализмом привели Грузию практически к состоянию гражданской войны, а отнюдь не к немедленному торжеству демократии, которая, по Гамсахурдиа, должна была наступить сразу после победы над "рукой Кремля". Можно предположить, что Гамсахурдиа был не причиной постигших Грузию бедствий, а показателем состояния политического сознания народа.

История становления и строительства государств на месте распавшегося Союза показывает, что политическая и отчасти экономическая стабилизация — объективный процесс, характерный для всех стран СНГ. Пожалуй, только Таджикистану удается до сих пор не подавать никаких признаков стабилизации. Во всех остальных странах постепенно формируются политические институты, создаются властные вертикали, а затем правительства самостоятельно или под давлением международных финансовых организаций приходят к необходимости экономических реформ. Жесткая бюджетная и финансовая политика рано или поздно начинает давать свои плоды. Экономики начинают приспосабливаться к дезинтеграции бывшего единого экономического пространства. Рыночная экономика строит связи по своим законам, и эти связи не обязательно совпадают с теми, которые навязывались экономикой директивной.

Очень важно отдавать себе отчет в том, что нынешний период этнополитического развития Закавказья — период определения национальной идентификации и становления национальных государств. На этом этапе могут (но не должны) сложиться необходимые условия для развития демократии. Существенно, что выбор между "осколком" империи и национальным государством безальтернативен, в отличие от выбора между тотали-

таризмом и демократией. Что бы ни говорили нынешние лидеры, именно построение стабильных государств является ближайшей целью наций Закавказья.

Стабильность государства и экономические реформы, в свою очередь, могут привести к медленному формированию среднего класса и осознанию им своих интересов. Особенно это важно для такого конфликтогенного региона, как Кавказ. В условиях, когда общество осознает слишком высокую цену дестабилизации, создается запас времени для формирования исторической инерции свободного от тоталитаризма существования.

Судя по всему, закавказские модели — конечно, если процесс не будет насильственно прерван — будут достаточно централизованными, но с сохранением свободы прессы и бурной политической оппозиции, ограниченно, впрочем, влияющей на исполнительную власть. Медленные изменения, связанные с дальнейшим развитием гражданского общества, при этом могут продолжаться, давая шанс трем странам Закавказья эволюционировать в сторону развития сложных институтов, характерных для развитых демократий.

Правда, очень велик вес внешних обстоятельств, этнополитических конфликтов и отношений с соседями, но это уже тема другой статьи.

Библиография

1. Спорные границы на Кавказе. (Под ред. Бруно Коппитерса). М. 1996.
2. Crisis Management in the CIS: Wither Russia? eds. Haans-Georg Ehrhart / Anna Kreikemeyer/ Andrei. V. Zagorski. Nomos. Baden-Baden. 1995.
3. The Former Soviet Union and European Security: Between Integration and Re-Nationalization. eds. Haans-Georg Ehrhart / Anna Kreikemeyer/ Andrei. V. Zagorski. Nomos. Baden-Baden. 1993.
4. Morton Halperin, David Scheffer, Patricia Small. Self-Determination in the New World Order. Carnegie Endowment for International Peace. Washington. 1992.
5. Tedd Gurr and Jack Goldstone. Comparisons and Policy Implications. In: Revolutions of the Late Twentieth Century. eds. Jack Goldstone, Tedd Gurr, Farrokh Moshiri. Westview Press, San Francisco.
6. Charles Fairbanks. The Postcommunist Wars. Journal of Democracy. 1995, 4 October.
7. Suzanne Goldenberg. Pride of Small Nations. The Caucasus and Post-Soviet Disorder. London and New Jersey. 1994.
8. Suat Ilhan. Geopolitic Development and the Turkish World. In: Eurasian Studies. Ankara. 1995.

О. Воркунова

ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНФЛИКТАХ НА КАВКАЗЕ

В результате серьезных геополитических изменений в мире и, прежде всего, на европейском континенте в конце 80-х — начале 90-х гг. произошло заметное ослабление международных позиций России. Сузились сферы ее традиционного влияния, что особо заметно проявилось на фоне общего роста напряженности на южных границах страны. Распад Советского Союза обострил проблему государственных границ; система единых пограничных войск прекратила свое существование.

Новое российское руководство было поставлено перед необходимостью выработки стратегии в отношении стран ближнего зарубежья. Однако отсутствие общей концепции развития РФ осложняло и разработку прагматической доктрины внешней политики, которая должна была выстроить четкую шкалу приоритетов, определить долгосрочные национальные интересы и средства их реализации.

Неудивительно поэтому, что в течение первых лет существования нового социально-территориального образования под прежним названием Россия, ее действия по отношению к странам ближнего зарубежья носили непоследовательный характер и были малоэффективны с точки зрения национальных интересов. По сути дела, доминировала военная политика, базировавшаяся на иллюзии, что создание единого военно-политического пространства на территории бывшего СССР легко осуществимо.

При этом совершенно не учитывался важный фактор сохранения внутриполитической стабильности в новых государственных образованиях на постсоюзном пространстве, одним из компонентов которой, как известно, является строительство национальных вооруженных сил.

Сильное стремление руководства новых самостоятельных государств образовать собственный военный потенциал шло вразрез с естественным желанием российской военной элиты сохранить единое военно-политическое пространство. При этом

руководство страны уже осознало необходимость строительства национальных вооруженных сил России. Указ президента Ельцина от 7 мая 1992 г. о создании российских вооруженных сил перечеркнул планы интеграции вооруженных сил бывших союзных республик — членов СНГ. Оставалась лишь одна сфера военного обеспечения российских интересов — участие в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве.

Как показывает практика международных отношений, активизация внешней политики государств нередко связана с нарастанием внутренних противоречий и нежеланием или невозможностью их разрешения руководством страны, которое в таких случаях и прибегает к испытанному средству — достижению успеха во внешней сфере и нейтрализации, таким образом, внутреннего напряжения. В период после холодной войны весьма выигрышным направлением внешней политики по-прежнему остается конфликтная политика. При этом поставленные задачи обеспечения национальных интересов могут решаться как путем намеренной эскалации конфликтной ситуации, так и политикой по предотвращению и урегулированию конфликтов. Данное положение вполне справедливо и в отношении постсоветской России. В первой половине 90-х гг. конфликтная политика стала едва ли не единственным направлением внешнеполитической деятельности России, обеспечивающим ее безопасность и сохранение традиционных сфер влияния в ближнем зарубежье.

Формирование российских вооруженных сил совпало по времени с усилением конфликтности на Кавказе в 1992 — 1993 гг. Официально заявив о недопустимости военных методов решения спорных вопросов, руководство России сформулировало задачи своих национальных войск в зонах конфликтов, угрожавших безопасности и территориальной целостности страны. К ним относились в первую очередь меры, препятствующие использованию сторонами силовых методов для достижения своих целей в конфликте, в том числе операции по разъединению войск. На практике деятельность воинских соединений РФ ограничивалась функциями "принуждения к миру", которая привела к прекращению боевых действий в Южной Осетии.

Осенью 1992 г. российские воинские подразделения с миротворческой миссией были размещены и в Абхазии.

Обращение России к силовому компоненту в конфликтной политике шло в соответствии с общемировой тенденцией. В начале 90-х гг. в ООН усилились настроения в пользу применения принудительно-силового компонента урегулирования и предотвращения конфликтов. Идея увеличения силового элемента и принудительных мер воздействия в миротворческой деятельности присутствовала и в планах обеспечения безопасности европейских государств. В этом смысле линия России в конфликтной политике развивалась в унисон с политикой стран Запада в 90-е гг., направленной на диверсификацию форм и расширение масштабов использования принудительных мер в целях сохранения мира. Однако в отличие от европейских государств Россия все еще пребывает в стадии трансформации, и в этом смысле непоследовательность и реактивность ее политики на Кавказе вполне объяснима, что, впрочем, не оправдывает допущенных просчетов, непрофессионализма и откровенного авантюризма отдельных действий в рамках конфликтной политики.

Важным фактором воздействия на формирование упомянутой политики России явилась специфика конфликтного процесса на пространстве бывшего Союза. Распад СССР вызвал к жизни особый тип внутригосударственных конфликтов, которые с оговорками можно причислить к межэтническим. По сути дела, еще до полного развала СССР начал формироваться специфический тип конфликтного противостояния, отличающийся как от традиционных внутренних конфликтов в странах третьего мира, так и от нового поколения "европейских" кризисных ситуаций. Эти особенности формирования внутренних конфликтов были следствием взаимодействия объективных и субъективных, сугубо специфических факторов и условий развития Советского Союза, а затем его бывших республик.

Разрушение Союза было вызвано наряду со многими другими факторами развернувшейся меж — и внутриэлитной борьбой за власть. Победа новой российской элиты не принесла стабильности, а лишь видоизменила формы партийно-политического

участия прежней номенклатуры во властных структурах. Вместе с тем необольшевизм как идеология нетерпимости к иным точкам зрения, линиям поведения, формам участия в политике, был характерен для подходов и действий как представителей новых элит, так и, естественно, старой номенклатуры, а тем более, — национал-патриотических и иных экстремистских сил. Стремление к диктатуре, прикрываемое "демократической" фразеологией, было в равной степени присуще различным группировкам элит.

Неизбежное для переходного периода столкновение новых и старых структур, перераспределение мест у рычагов власти между частью прежней номенклатуры и новой элитой сказывались на процессе формирования и осуществления внешней политики России первой половины 90-х гг. Симпатии отдельных политиков и концептуальные воззрения различных элит играли не последнюю роль в определении внешнеполитического курса в отношении стран ближнего зарубежья.

Формирование конфронтационной внешней политики с предпочтением военно-силовых методов ее осуществления органично вписывается в контекст внутриэлитного противоборства. В области внешней политики подобное положение вещей усиливает привлекательность использования принудительных и силовых мер в урегулировании конфликтов.

Вместе с тем по мере раздела сфер влияния в соответствии с распределением государственной собственности видоизменялись и правила межэлитного и внутриэлитного противостояния. Одновременно наметилась тенденция к сращиванию интересов партийно-политической элиты и бизнеса. Создались предпосылки для установления баланса интересов между различными политическими силами. Их взаимоотношения стали носить относительно мирный характер, увеличилась восприимчивость к компромиссам. А это, в свою очередь, наложило отпечаток на внешнюю политику в целом и конфликтную политику России, в частности.

Долговременное влияние на конфликтную политику оказывает и состояние российской экономики, прежде всего, отсутствие возможности посредством действенных экономических мер

воздействовать на стороны конфликта. При этом едва ли единственным средством влияния становится нефтяной фактор, но и он может вызвать двойственный эффект: стабилизировать обстановку, или, напротив, усилить соперничество за ресурсы как на местном, так и на федеральном и международном уровнях.

Тем самым потенциальные "игроки" и "посредники" в разрешении конфликтов заинтересованы, с одной стороны, в стабильности, а с другой — в приоритетности своих интересов над другими. При этом их интересы не всегда совпадают с национальными интересами представляемых ими государств.

Таким образом, зачастую выбор тех или иных решений в области конфликтной политики диктуется не столько целесообразностью — обеспечением безопасности и стабильности, сколько специфическими интересами тех или иных политических сил, различных группировок правящих элит, отраслевых, местных или региональных лобби. Расшатывание внутренней базы внешней политики, и в частности, ее конфликтного направления, увеличивает соблазн использования силовых структур в интересах президента, правительства или отдельных групп элит. Отсутствие гражданского контроля над вооруженными силами лишь усиливает эту тенденцию развития России.

Одним из важных инструментов российской политики в конфликтных зонах на Кавказе являются операции по поддержанию мира. При этом Россия претендует на роль единоличного посредника. Обоснованность ее претензий на миротворческую деятельность на постсоюзном пространстве подкрепляется сходством внутренних процессов, происходящих в бывших советских республиках, знанием реальных проблем постсоветской действительности, во многом чуждых и непонятных для Запада, существующей угрозой нестабильности и распространения конфликтов на территорию России.

Отметим, что дипломатические и политические методы решения спорных вопросов явно уступают военно-силовым в конфликтной политике России. Это обстоятельство в известной мере диктовало и особенности поведения России на Кавказе, которое все чаще воспринималось конфликтующими сторонами

как военное вмешательство. Подмена миротворческой деятельности политикой "принуждения к миру" способствовало росту недоверия и антироссийских настроений. Так, в грузино-абхазском противостоянии политика России оценивалась Тбилиси как направленная на ослабление грузинской стороны конфликта. Отсутствие четко прописанных механизмов реализации договоренностей, ресурсного обеспечения, наконец, форм организации возвращения грузинских беженцев в Абхазию привело к росту напряженности в российско-грузинских отношениях. Под сомнение поставлена необходимость сохранения миротворческого контингента России в зоне конфликта.

Неразработанность собственной концепции урегулирования ситуации вокруг Карабаха, мотивируемое тем, что в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ Россия вынуждена отстаивать общую позицию ее участников, нисколько не способствует росту авторитета России в Закавказье.

Вместе с тем откровенное пренебрежение связями с бывшими советскими республиками и прозападный внешнеполитический курс России в начале 90-х гг. затрудняли разработку политики по предупреждению конфликтов и совершенствованию механизмов разрешения уже существующих на постсоветском пространстве.

Очередной попыткой формирования структуры военно-политического сотрудничества стран СНГ в целях обеспечения безопасности стали подготовка и подписание 15 мая 1992 г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности. Из стран Закавказья туда вошла первоначально Армения, но впоследствии к нему присоединились Грузия и Азербайджан. Вместе с тем отсутствие реальных механизмов реализации договора, прежде всего, в области миротворчества, привело к тому, что на практике он так и не был задействован. К тому времени обозначились геополитические различия между бывшими республиками Советского Союза, и одновременно заметно возрос интерес России к укреплению отношений с государствами ближнего зарубежья. Сдвиг в системе приоритетов России, происшедший в 1992 г. в связи с неудачей быстрого сближения с Западом, усилил позиции военных в формировании внешней

политики на Кавказе. Необходимость разработки и реализации планов военного присутствия в Закавказье была продиктована обострением конфликтных ситуаций, общей нестабильностью в регионе и эскалацией напряженности на Северном Кавказе.

Возросшее внимание России к бывшим республикам Союза нередко приобретало оттенок "державности". Особо явственно элементы "державности" просматривались в выступлениях руководства МИД, в которых ближнее зарубежье объявлялось зоной жизненно важных интересов России. Настойчивое стремление России противодействовать попыткам третьих стран расширить свои позиции на Кавказе проявлялось по трем направлениям. С одной стороны, российские войска в качестве миротворцев приняли непосредственное участие в урегулировании грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов, а российское руководство прилагало усилия, чтобы добиться легализации присутствия своих миротворческих сил в зонах конфликта на Кавказе, но потерпела неудачу. С другой стороны, в течение 1993 — 1994 гг. была сделана ставка на расширение двусторонних связей по охране границ. Подобные договоры, а также соглашения, регулировавшие порядок прохождения военной службы и комплектования личного состава пограничников гражданами договаривающихся стран, были заключены с Грузией и Арменией.

Наконец, России удалось разместить военные базы на территории Грузии и Армении.

Заметная активизация с 1995 г. российской политики на Кавказе с преобладанием в ней военно-политических элементов встретила неоднозначную реакцию в странах региона. Упреки в великодержавности, имперских амбициях являются не столько отражением реальной действительности, сколько эмоциональным проявлением недоверия. Сокрушительный провал попытки силовыми методами разрешить конфликтную ситуацию в Чечне зеркально отразил все недостатки формирования и осуществления внешней политики России на Кавказе, и уж тем более, никак не способствовал укреплению ее авторитета и доверия к ней в регионе.

С 1997 г. в конфликтной политике России усиливаются

элементы прагматизма, ориентации на экономические и политические методы урегулирования. Подобные тенденции развития связаны и с изменениями в динамике постсоветских конфликтов, переходом их из стадии вооруженного противостояния к поискам мирного решения. Это в первую очередь относилось к конфликтам на Северном Кавказе (окончание войны в Чечне, осетино-ингушский конфликт). Вместе с тем отсутствие опыта постконфликтного урегулирования, необходимость выработки действенных механизмов реализации мирных соглашений и отсутствие экономических возможностей для компенсации причиненного ущерба, восстановления разрушенной в ходе военных действий экономики, проведения строительных работ, обеспечения гарантий безопасного возвращения беженцев на места прежнего проживания — все это снижало эффективность проведения конфликтной политики России. Невыполнение заключенных соглашений и программ совместных действий органами государственной власти РФ и сторонами конфликта становилось обычной практикой.

***

Итак, задача утверждения международно-политических позиций России после распада Советского Союза требовала поиска дополнительных факторов влияния. Утрата иллюзий относительно возможности автоматического восстановления своих позиций в ближнем зарубежье вызвала потребность в пересмотре курса в отношении бывших республик СССР. Экономическая слабость России не позволила задействовать экономические факторы для укрепления своих позиций на Кавказе. Поэтому акцент был сделан на военно-политическое взаимодействие.

Военный фактор объективно способствовал усилению политических позиций России на Кавказе, но проявившиеся тенденции поддержки "сепаратистов", доминировавшие на начальном этапе формирования конфликтной политики, привели к росту центростремительных сил на Кавказе, напряженности в отношениях Грузии и России, породили стремление у стран Закавказья привлечь Запад к более активному участию в урегулировании конфликтов.

Потерпев неудачу в воссоздании единого военно-политичес-

кого пространства в рамках СНГ и утеряв монополию на миротворческую деятельность на Кавказе, Россия сделала ставку на развитие двусторонних военно-политических связей и стратегическое партнерство с государствами Закавказья. Однако эти усилия воспринимались в регионе неоднозначно; от поддержки (Армения) до подозрительного отношения (Грузия) и полного отрицания (Азербайджан).

Библиография

1. Heradstveit Daniel. Ethnic Nationalism and Ethnic Conflicts in the Caucasus. 1994. N 518 (October).
2. Россия и Юг в меняющимся мире. М.1994.
3. Россия в системе международных отношений ближайшего десятилетия. М. 1995.
4. СНГ: надежды, иллюзии и действительность. М. 1995
5. Постсоветские конфликты и Россия. М. 1995.
6. Tishkov Valery. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. London. 1997.
7. States in Armed Conflicts 1996. Ed. Margareta Sollenberg. Uppsala. 1997.

Д. Малышева

ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ НА КАВКАЗЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Конфликтный потенциал заложен на Кавказе всей предшествующей историей, сложными взаимоотношениями народов этого региона с российско-имперским, а затем — с советским центром. На позиции конфликтующих сторон заметное воздействие оказывает не только внутриполитическая ситуация в каждой "горячей точке", но и подверженная постоянным изменениям расстановка сил в самом Кавказском регионе, в России и других государствах Содружества, в сопредельных странах Ближнего и Среднего Востока.

Конфликты на Кавказе — это и своеобразный ответ на вызовы, возникающие в связи с изменившейся геополитической обстановкой на территории бывшего СССР и в мире в целом [1]. Ведь Кавказский регион находится сейчас в сфере интересов нескольких мировых полюсов: России, Западной Европы, США, а также влиятельных региональных государств Востока — Ирана и Турции. Повышенное внимание к рассматриваемым территориям обусловлено в первую очередь их стратегической ценностью: расположенный на стыке Европы и Азии Кавказ представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Ближнего Востока, в район Средиземноморья.

Велико значение экономического фактора — наличие крупных месторождений нефти и потому движущие силы кавказских конфликтов лежат в сфере экономических интересов транснациональных компаний и великих держав, стремящихся заполучить природные ресурсы и стратегические коммуникации Кавказа. Этносепаратизм на Кавказе является локальным проявлением глобальной битвы за новый передел мирового рынка. Следовательно, борьба за политический и экономический контроль над Кавказом — один из определяющих факторов современной международной ситуации. В этом плане выяснение вопроса о том, как международный опыт предупреждения и

урегулирования конфликтов можно соотнести с проблемами установления стабильности на Кавказе, представляет несомненный интерес.

В мировой "конфликтной политике" проблеме предупреждения конфликтов, или методу превентивной дипломатии, стали уделять внимание сравнительно недавно [2]. Давая ему характеристику, канадский специалист Роджер Хилл писал: "Превентивная дипломатия — деятельность, предотвращающая возникновение споров между странами и перерастание существующих споров в конфликты либо ограничивающая распространение конфликтов, если они возникают. Подобная деятельность включает меры доверия — такие, как систематические обмены военными миссиями; выявление фактов для получения информации и прояснения запутанных ситуаций; раннее предупреждение, например, о голоде или массовых передвижениях населения; превентивное развертывание сил ООН и других сил; создание демилитаризованных зон" [3].

Попытки "раннего предупреждения" конфликтов предпринимаются и ООН, и региональными организациями, и отдельными странами, однако, пока это направление "конфликтной политики" оказалось не особо эффективным. Возможно ли в принципе не только своевременно обнаружить возникновение той или иной потенциальной "горячей точки", но и принять адекватные меры по предотвращению конфликтных ситуаций? До сих пор все усилия в этом направлении в основном сводились к сбору и обобщению информации. Что касается дипломатического и политического обеспечения этого метода, то здесь возникают серьезные препятствия.

Главное из них — вопрос о соотношении двух международных принципов — права народа на самоопределение и принципа территориальной целостности [4]. Особую остроту он приобретает тогда, когда ситуация внутри страны накаляется вследствие возникновения сепаратистского движения или же когда правительству брошен вызов — политический или экономический — соперничающими силами, действующими в самой стране, а также и за ее пределами, с территории соседних государств. Даже в том случае, когда уже получена информация, свидетельствующая о взрывоопасной ситуации, и требуется принять срочные меры для предотвращения вооруженного столкновения, осуществить это на практике очень сложно. Ведь правительство любого государства крайне болезненно относится к вмешательству извне, считая все, происходящее в стране, ее внутренним делом. Именно поэтому попытки любого международного посредничества квалифицируются обычно как нарушение государственного суверенитета.

Кроме того, для получения санкции Совета Безопасности на проведение превентивной акции, требуется согласие стран-членов ООН на участие в ней. Но почти всегда правительства не проявляли желания оказываться вовлеченными во внутренние дела других государств, несмотря даже на то, что конфликт может вылиться в кровопролитие, создать угрозу безопасности в регионе.

И все же трудности с реализацией на практике концепции превентивной дипломатии связаны не только с позицией отдельных стран. Несмотря на всю внешнюю привлекательность этой концепции и ее вербальную поддержку со стороны развитых государств, в том числе и великих держав, очевидно, что последние готовы принимать меры по предотвращению конфликтов только в тех странах, которые входят в сферу их главных интересов. Соединенные Штаты весьма оперативно реагируют на все, что происходит в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, но их мало трогают этнические противоречия, чреватые конфликтами, где-нибудь в отдаленных районах Тропической Африки или на Юге СНГ.

Существуют кроме того и чисто технические трудности: громоздкость, неповоротливость структур международных организаций — прежде всего Совета Безопасности ООН, — призванных по определению быть гарантами международной безопасности, забюрократизированный аппарат, отсутствие материального и военного обеспечения для сбора необходимой информации и проведения превентивных акций. Если в Европе — в Македонии — мировому сообществу удалось осуществить превентивную операцию по поддержанию мира, то в других

регионах оно пока не может занести в свой актив ни одной успешной акции такого рода.

Современный опыт свидетельствует также и о том, что одним только информационным обеспечением, т. е. сбором информации о наличии конфликтного потенциала в том или ином районе или государстве, равно как дипломатическими и военными средствами предотвратить конфликт зачастую просто невозможно. Ведь в основе большей части межэтнических противоречий лежат экономические, социальные и политические факторы, и этнический конфликт чаще всего возникает как следствие отсутствия экономических и социальных преобразований или неудач в их проведении. Речь, таким образом, идет о чисто внутренних проблемах, которые невозможно решить одним махом, с помощью международной "пожарной команды".

В СНГ с проблемой предупреждения конфликтов дело обстоит так же непросто. Здесь еще в советские времена учеными, специалистами, общественными деятелями были обозначены "болевые точки", грозящие перерасти в конфликты. Главным образом они относились к проблемам взаимоотношений между различными этносами и народами, нарушений прав представителей отдельных конфессий. Тем не менее гласное обсуждение этих проблем, а тем более, осуждение тех или иных аспектов правительственной политики квалифицировались тогда как разжигание межнациональной розни и зачастую преследовались по закону.

Ныне в России и некоторых других государствах Содружества проблемы этнонациональных и религиозных противоречий обсуждаются достаточно свободно. Иногда, правда, их используют в популистских, пропагандистских целях либо замалчивают, чтобы, как утверждается, не "взорвать мир и согласие". Что касается предупреждения конфликтов, то этот метод с трудом внедряется в практическую политику. Такова была ситуация, сложившаяся в России после принятия Верховным Советом 26 апреля 1991 г. Закона о реабилитации репрессированных народов. Этот закон имел огромное позитивное значение, так как провозглашал политическую реабилитацию "наказанных" и депортированных в сталинские времена народов и

содержал статью о праве этих народов на территорию, которую они занимали до депортации. Но каким образом это право может быть воплощено в жизнь и как предотвратить территориальные и межнациональные конфликты, способные возникнуть при его реализации, закон не предусматривал. Столь же не продуманным до конца был и принятый 4 июня 1992 г. Закон об образовании Ингушской Республики в составе России, усугубивший территориальные и межнациональные споры на Северном Кавказе. И хотя многие эксперты по национальным проблемам — и в Москве, и в российских автономиях — предупреждали о том, что на Северном Кавказе, и в особенности в спорном Пригородном районе Северной Осетии, могут вспыхнуть столкновения на этнической почве, ничего не было сделано для их предотвращения; и первый кровопролитный конфликт — осетино-ингушский — произошел уже 31 октября 1992 г.

Нередки случаи, когда этническое меньшинство в какой-либо республике СНГ заявляет о нарушении своих прав, но официальные власти обвиняют его в сепаратизме, а выступивших в защиту этого меньшинства — во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства.

Обращает на себя внимание относительно новый элемент в поведении большинства участников СНГ: они охотнее идут на контакты с представителями международных организаций, отдают предпочтение их превентивной дипломатии, а не российской. Но здесь, видимо, дает себя знать постимперский синдром — подозрительность в отношении российских миротворческих инициатив, которые новые независимые государства воспринимают — иногда не без основания — как инструмент центросиловой политики. В силу того, что многие государства Содружества не готовы еще признать приоритет прав человека над другими правами, они отвергают любые попытки защитить права национальных меньшинств в своих странах, поскольку это-де является вмешательством во внутренние дела. В СНГ, следовательно, не найден консенсус между правом народа на самоопределение и принципом территориальной целостности.

При подходе к проблемам поисков мира и безопасности в "горячих точках" международная практика различает несколь-

ко понятий: "управление", "контролирование", "урегулирование", "разрешение" конфликтов. Так, предполагается, что конфликт может быть "урегулирован", но это не означает, что он "разрешен" и угроза возобновления военных действий ликвидирована. В ходе урегулирования конфликта стороны останавливаются на достигнутом статус-кво, и эскалация боевых действий прекращается. Враждующие стороны под давлением извне вынуждены принять решение о заключении перемирия, приостановке военных действий, разъединении вооруженных формирований или достижении каких-либо других соглашений подобного рода, в результате которых прекращаются военные действия. Разрешение конфликта — это процесс, в рамках которого ведется поиск возможных путей выхода из кризисной ситуации. Но урегулированным конфликт можно считать только после того, как будет выполнен ряд предварительных условий: добровольное и осознанное примирение конфликтующих сторон, взаимное признание ими законности интересов друг друга, урегулирование спорных вопросов, противоречий, вызвавших эти споры.

Существуют и другие варианты прекращения военных действий: конфликт может быть приостановлен, "заморожен", что чаще всего происходит под давлением "третьей силы" — посредников, миротворцев — или же в том случае, когда боевой "запал" у враждующих сторон ослабевает и они "созревают" для начала переговорного процесса [5].

Устав ООН предусматривает использование мер невоенного характера для мирного разрешения конфликтов. Но именно военно-силовые методы остаются важнейшим инструментом управления конфликтами. К ним охотно прибегают региональные "центры силы", великие державы, а также международные организации. Для реализации этих методов используется весьма широкий набор средств: от военной помощи, продажи оружия, военного вмешательства до мер силового давления на конфликтующие стороны.

Решения о принятии принудительных мер в случаях нарушения мира Совет Безопасности принимает в соответствии с положениями, заложенными в Главе VI "Мирное урегулирование разногласий" и Главе VII "Действия по отношению к угрозе миру, нарушениям мира и актам агрессии" Устава ООН. Но они не дают ответа на вопрос, как действовать в условиях так называемых "конфликтов нового поколения" — гражданских войн, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, то есть в тех ситуациях, когда трудно выявить "чистого агрессора". О гражданских войнах, кстати, ничего не сказано не только в Уставе ООН, но и в уставах НАТО и некоторых национальных армий Запада.

Исходя из существующей международной практики, разделим операции по поддержанию мира на четыре типа:

1. традиционное или классическое миротворчество;

2. вмешательство с целью оказания гуманитарной помощи;

3. многосторонние международные миротворческие действия (кооперативная безопасность);

4. международные операции по принуждению к миру силой.

Под традиционным (классическим) миротворчеством мы подразумеваем операции, проводимые в строгом соответствии с Уставом ООН. Речь здесь идет прежде всего о контроле над конфликтами, происходящими между суверенными государствами. Этот тип операций предусматривает заключение Советом Безопасности со странами-участниками соглашений, определяющих следующие меры по установлению мира: запрет на применение силы, посредничество, переговоры, разъединение сторон, содействие в достижении договоренностей между противоборствующими сторонами о прекращении огня, контроль за соблюдением прав человека, недопущение интернационализации конфликта и другое. Задача этих мероприятий — создать условия для переговоров по спорной проблеме. Миротворческие миссии осуществляются контингентами стран-членов ООН, действуют с полного согласия конфликтующих сторон и только после того, как достигается соглашение о прекращении огня.

В ходе других операций по поддержанию мира ООН пыталась в целом придерживаться таких основополагающих принципов, как: согласие противоборствующих сторон на присутствие международных воинских контингентов, беспристрастность последних по отношению к участникам конфликта, вовлечение в

операции ООН контингентов стран, не являвшихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, (чтобы избежать глобализации конфликта), применение силы лишь в целях самообороны и т. п. Иное дело, что под давлением обстоятельств происходило постепенное размывание этих принципов (в Намибии, Анголе, Камбодже, зоне Персидского залива, Сомали, бывшей Югославии). На недавних сессиях Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о реформировании операций по поддержанию мира (относимых нами к типу традиционного миротворчества) подвергся ревизии, поскольку их дороговизна поставила ООН на грань финансового краха. Многие из таких операций либо не привели к остановке кровопролития, либо вылились в такие силовые действия, в результате которых многонациональные силы становились одной из сторон конфликта.

На фоне сокращения в мире числа межгосударственных конфликтов множатся очаги гражданского и этнического насилия в границах существующих государств, и к этим ситуациям классическое миротворчество применить особенно трудно. Ведь одно дело — организовать миротворческие операции, с тем чтобы приостановить либо прекратить военные действия между суверенными государствами-членами ООН, на которые Совет Безопасности может оказать давление, а другое дело — принять решение о вводе миротворческих сил в государство, раздираемое внутренним конфликтом. Не говоря о том, что противоборствующие стороны вообще могут не попросить об этом или воспротивятся этой акции — что чаще всего и происходит, — они часто и не желают прекращения боевых действий, поскольку считают, что способны еще добиться своих целей на поле боя. В подобной ситуации крайне сложно, а порой и просто невозможно оказывать на них политическое или силовое давление.

Другой метод операций по поддержанию мира — вмешательство с целью оказания гуманитарной помощи — зачастую существенно облегчает страдания мирного населения, испытывающего лишения и из-за военных действий, и из-за стихийных бедствий (засух, землетрясений, наводнений и пр.). Подобное вмешательство осуществляется вне зависимости от того, достигнуто ли прекращение огня. Не обязательным для гуманитарных

миссий является и согласие воюющих сторон на предоставление такой помощи, возможно и вооруженное сопротивление такого рода акциям со стороны одной из враждующих фракций. Словом, гуманитарные акции, по сути, не имеют целью разрешение конфликта как такового, они направлены на спасение жизни людей — жертв вооруженных конфликтов.

Но вмешательство в конфликт с целью оказания гуманитарной помощи эффективно только в том случае, если миротворцы могут применить силу, чтобы защитить себя. В то же время ссылки на опыт Боснии, где контингенты НАТО обеспечивали военное прикрытие миротворческим и гуманитарным операциям, не вполне корректны. В Сомали многосторонним миротворческим силам под командованием США было разрешено — в соответствии с принятой Советом Безопасности ООН 3 декабря 1992 г. Резолюцией 794 — применить силу для обеспечения безопасной доставки гуманитарной помощи. Однако из этого ничего не вышло, миротворцы сами оказались втянутыми в военные действия и вынуждены были покинуть Сомали, так и не осуществив свой мандат.

Наряду с традиционным миротворчеством и вмешательством с целью оказания гуманитарной помощи широкое применение в мировой практике нашел метод многосторонних (коллективных) миротворческих операций. Они призваны уменьшить напряженность в отношениях между противниками, участвующими в конфликте, помочь им претворить в жизнь мирное соглашение. Как и традиционное, коллективное миротворчество ограничено установленными сроками, а вся операции подчинена определенному графику. По мере истечения ее сроков ООН либо продлевает, либо прекращает их, как это было, например, в Намибии, Камбодже, Мозамбике. Схожим образом пытаются вести себя структуры СНГ, координирующие миротворческие мероприятия в некоторых "горячих точках" Содружества. Поскольку "коллективные миротворцы" чаще всего имеют дело с внутренними конфликтами, им предоставляются более широкие, по сравнению с традиционными миротворцами, права по применению военной силы, что создает определенный риск: потери среди миротворцев, давление со стороны какой-либо из

враждующих фракций с целью использования силы или санкций против их противника.

Специфическим случаем коллективного миротворчества являются Коллективные миротворческие силы СНГ (КМС), которые, правда, не подпадают под юрисдикцию ООН и не являются частью международных миротворческих контингентов. КМС призваны поддерживать безопасность в постсоветском пространстве, гасить возникающие здесь конфликты. Создание этой структуры продиктовано, в первую очередь, стремлением России контролировать ситуацию, в том числе и связанную с конфликтами, в новых независимых государствах Содружества. Именно поэтому, а также вследствие слабого военного потенциала стран СНГ, КМС укомплектованы преимущественно российскими военнослужащими. Фактически их подразделения в "горячих точках" Содружества совмещают функции коллективных миротворцев и сил быстрого реагирования, не имея, в отличие от последних, соответствующей подготовки и не получая современного военного оснащения.

В целом усилия КМС по локализации конфликтов, разъединению сторон, прекращению огня принесли результаты в Приднестровье, Абхазии, в Южной Осетии. Меньших успехов (чаще всего, по не зависящим от них обстоятельствам) добились КМС в Таджикистане.

Операции по принуждению к миру силой известный российский исследователь Г. И. Морозов относит к категории "боевых действий сил ООН для борьбы с вооруженной агрессией" [6]. Мы же трактуем этот четвертый тип операций расширительно — как метод, применяемый в международных отношениях в тех случаях, когда традиционное (классическое) миротворчество не оправдывает себя, становится непригодным для многих ситуаций, связанных с религиозно и этнически мотивированными конфликтами. Участвующие в такого рода операциях миротворцы — не обязательно из состава контингентов ООН — ставят своей задачей добиться прекращения огня де-факто, защитить гражданское население и заставить враждующие стороны начать переговоры.

Операции по принуждению к миру осуществляются обычно

путем использования двух средств: а) санкций; и б) угрозы применения или применения военной силы. Формально эти методы противоречат Уставу ООН, в котором вообще отсутствуют термины "санкции" или "эмбарго" [7]. Но на практике мандатные санкции, которые по настоянию ведущих государств применяются Советом Безопасности против нарушителей мира, сводятся чаще всего к эмбарго на поставки оружия и лишь в редких случаях — как это было в отношении Ирака, Югославии и Ливии — предполагают широкие меры наказания. Санкции несомненно служат определенным дополнительным рычагом давления, позволяют мировому сообществу снизить уровень напряженности в зоне конфликта, сделать более гибкими позиции конфликтующих сторон. Они сигнализируют гражданам страны, где происходит конфликт, о недовольстве международной общественности политикой, проводимой их правительством, — инициированием насилия или нарушением международных норм. Санкции, кроме того, ограничивают свободу действий государств, на которые они наложены, так как эти государства отстраняются от участия в глобальных экономических процессах.

Если санкции не достигают поставленных целей, это означает, что дальше должны последовать жесткие меры воздействия на нарушителя (или нарушителей) международной стабильности. В существующей практике международные организации придерживаются правила: нужно доказать, что мягкие меры — санкции — не привели к желаемому эффекту, и лишь только после этого требовать применения силы против нарушителя стабильности. Санкции могут быть использованы мировым сообществом и как протест против преступлений, совершаемых правительственными войсками, участвующими в конфликте (геноцид, этнические чистки, погромы и пр.), и как превентивная акция, и как средство для установления цивилизованных норм поведения между государствами, а также между правительствами и их гражданами.

Но, конечно, вопрос об эффективности применения санкций далеко не бесспорен.

Во-первых, их все-таки легче задействовать в межгосударственном конфликте, когда есть государство-агрессор и государ-

ство-жертва, но они с трудом применимы к внутренним, особенно этническим конфликтам, где очень сложно непредвзято и объективно выявить зачинщика конфликта и потерпевшую сторону. Во-вторых, в самом Совете Безопасности при решении вопроса о санкциях среди его членов верх часто берут подсказанные собственными интересами соображения, весьма далекие от международной безопасности, в результате чего консенсус достигается чрезвычайно редко. В-третьих, санкции чаще всего не достигают поставленных целей: от них прежде всего страдает рядовой обыватель, в то время как режим, против которого эти санкции направлены, умудряется обходным путем пополнять свой военный арсенал, торговать нефтью (Ирак, Ливия), заключать торговые сделки через подставных лиц или посредников.

Грузино-абхазский конфликт — пока единственный в СНГ, в отношении которого саммитом СНГ принято далеко не бесспорное со всех точек зрения решение о применении санкций. В международно-правовом плане оно несет отпечаток волюнтаризма, поскольку принято волевым решением членов СНГ без привлечения международных механизмов: Совета Безопасности либо ОБСЕ. Очевидно, что принимая такое решение, главы государств и правительств СНГ не только проявляли солидарность с официальным Тбилиси, но и руководствовались собственными интересами — задачами борьбы с проявлениями внутреннего сепаратизма, который просматривается почти во всех многонациональных республиках бывшего СССР. В то же время важные императивы международной политики, к которым апеллируют абхазы и другие национальные меньшинства — права человека, право народов на самоопределение, — игнорировались.

Подобное решение привело к ухудшению экономического положения абхазского населения, стимулировало его отток в Россию и "дальнее зарубежье", несколько подорвало доверие к России как к традиционному арбитру межэтнических споров на Кавказе. Оно при этом вызвало совсем противоположный эффект: еще больше укрепило абхазское руководство в намерении добиваться независимости, о чем свидетельствовали проведенные в ноябре 1996 г. парламентские выборы в Абхазии. Следовательно, хотя санкции в ряде случаев и являются необходимой и приемлемой мерой принуждения к миру, решение об их применении необходимо принимать крайне осторожно и с учетом всех возможных краткосрочных и долгосрочных последствий.

Что касается другого средства по принуждению к миру — использования военной силы, то наиболее успешно, пожалуй, оно было применено в 1990 — 1991 гг. в ходе военной операции сил международной коалиции в Персидском заливе. В ряде других случаев Совет Безопасности ООН предоставлял отдельным странам (США на Гаити, Франции в Руанде) санкцию на "использование всех необходимых средств", и тогда операций по принуждению к миру не требовалось — достаточно было одной лишь угрозы. И все же проблема правомерности применения военной силы в миротворческих операциях и соответствия подобных акций международно-правовым нормам относится к числу спорных вопросов международной жизни.

В постсоветском пространстве, где ООН оказалась неготовой к проведению операций по поддержанию мира, эти функции взяло на себя Содружество Независимых Государств. Оно действует согласно Статье 52 Устава ООН, разрешающей региональным организациям проводить миротворческие операции. Правовую базу миротворческой деятельности СНГ составили Устав Содружества, киевское 1992 г. Соглашение о группах военных наблюдателей и коллективных силах по поддержанию мира, а также другие документы. Основная трудность в деятельности СНГ состоит не столько в приведении его нормативных актов в соответствие с нормами, на которых строится международное право, определяющее операции по поддержанию мира ООН, сколько в том, что сами эти международные принципы остаются весьма размытыми и нередко вступают в противоречие с практикой.

В республиках СНГ опора на собственные силы, на региональные организации как на механизм, с помощью которого можно разрешать и урегулировать конфликты, вообще выглядит слабее, чем в развивающихся странах. Если какая-то форма взаимодействия СНГ и ОБСЕ налажена, то контакты Содруже-

ства с ООН весьма ограничены и сведены либо к обсуждению вопросов об отправке наблюдателей в местные "горячие точки", либо к проблемам финансирования миротворческих операций КМС СНГ (а фактически России). Не стало СНГ и тем органом, который способен был бы положить конец кровопролитию в происходящих в бывшем СССР гражданских войнах и конфликтах. Особенно ощутимо бессилие этой организации и ее структур проявилось в ходе российско-чеченской войны, на которую СНГ как региональная организация практически никак не отреагировало.

Практика показала, что в странах Содружества вообще отсутствует четкое понимание принципов миротворчества. Фактически все миротворческие функции здесь целиком и полностью взяла на себя Россия, которая и осуществляет самые разные по характеру операции в "горячих точках" СНГ на основе многосторонних договоренностей между Россией и всеми конфликтующими сторонами. В 1993 — 1994 гг. Россия сделала упор на быстрые акции своих воинских подразделений. Они направлялись на разъединение враждующих сторон и разоружение боевиков. Предполагалось также свести до минимума их столкновения с местными вооруженными формированиями. Этот метод был впервые отработан в Приднестровье и Южной Осетии, а затем применен в Пригородном районе Северной Осетии во время осетино-ингушского конфликта. Параллельно российское руководство пыталось решать политические задачи — восстановление упавшего престижа армии и отработку планов по созданию собственных сил быстрого реагирования наподобие американских. Ситуация тем не менее не всегда контролировалась российскими миротворцами: они нередко оказывались втянутыми в прямые военные действия, имеющие тенденцию перерасти в затяжное военное противоборство.

Пока в СНГ так и не удалось, несмотря на приложенные усилия, создать эффективную систему коллективной безопасности. Это связано, по-видимому, с тем, что межгосударственные разногласия в постсоветском пространстве слишком сильны и потому приемлемый уровень доверия, необходимый для объединения государств с целью создания некоего надгосударственного органа, контролирующего безопасное развитие, все еще не достигнут. Кроме того, строительство такой системы подразумевает добровольный отказ от части суверенитета со стороны государств-участников. В СНГ пойти на это еще не готовы. Наконец, государства Содружества не доверяют России, подозревая ее в использовании структур коллективной безопасности в своих, узкокорыстных целях. при принятии решений о применении военной силы или введении экономических санкций.

В СНГ только еще формируется механизм, позволяющий перевести вооруженное противостояние в фазу перемирия или прекращения боевых действий. Не разработана методика, дающая возможность начать и вести переговорный процесс, а международный опыт в каждом конкретном случае остается задействован крайне слабо. Опыт чеченской войны показал, что политики и военные и в СНГ, и в России пренебрегли возможностью использовать несиловые методы для предупреждения, а затем и для контролирования конфликта, не задействовали в полном объеме в начальный период конфронтации переговорный процесс. Они охотнее и быстрее прибегают к праву силы для решения спорных вопросов.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Существующие в мировой практике методы предупреждения, урегулирования или разрешения конфликтных ситуаций не всегда оказываются эффективными. Любой из них не может стать универсальным средством, и даже в случае его успешного апробирования он не может быть механически перенесен на конфликтные коллизии в СНГ.

2. Широко применявшийся в 90-е гг. метод принуждения к миру силой плохо соотносится с международно-правовыми нормами — принципами суверенитета и территориальной целостности. Операции по поддержанию мира, осуществляемые в форме военного вмешательства в гражданские войны или в конфликты, связанные с борьбой национального меньшинства за изменение своего статуса, создают прецеденты, оправдывающие нарушение прав человека в государственных и международных масштабах.

3. На практике широкое применение военной силы ведет к

установлению диктата крупных развитых государств и их военных организаций (НАТО, например) над более слабыми странами, что нарушает равенство статуса членов международного сообщества.

4. Поскольку миротворческие силы под мандатом ООН не могут быстро и эффективно гасить этнические пожары и войны, натовскими стратегами все активнее популяризируются отдельные моменты дейтоновской модели миротворчества — действия по обмену территориями (что фактически легализует этнические чистки); создание моноэтнических зон; бессрочное пребывание союзнических войск в районе конфликта в качестве "гаранта" безопасности и пр. Однако эта модель, которая была успешно "обкатана" в бывшей Югославии, едва ли может стать "универсальным" средством решения большинства спорных вопросов. В самой бывшей Югославии будущее мирного процесса еще не столь очевидно, поскольку этническая и религиозная рознь продолжает оставаться здесь одним из главных факторов общественной жизни. Дейтоновская модель к тому же едва ли применима к большинству конфликтных ситуаций, поскольку это неизбежно потребует пересмотра ряда международных норм, зафиксированных в Уставе ООН, Заключительном акте СБСЕ, других документах, предусматривающих незыблемость границ и защиту территориальной целостности.

5. Конкретный механизм урегулирования внутренних и межгосударственных конфликтов должен в каждом конкретном случае учитывать предпосылки, мотивы, побудительные импульсы вовлеченных сторон, их психологию и поведение, обусловленные местными культурой и традициями. В раздираемом этническим и клановым соперничеством обществе трудно добиться мира, если посредники и миротворцы не будут занимать нейтральную, равноудаленную от всех враждующих группировок позицию, избегая блокирования с политическими, этническими или военными фракциями, группами, кланами и тем более — силового вовлечения в вооруженное противоборство на стороне одного из участников конфликта. В то же время выявление умеренных лидеров и группировок, "работа" с ними помогают иногда установить контроль над конфликтом, снизить

его интенсивность и привести враждующие стороны к перемирию, а затем и к разрешению конфликта. Важно также перехватить конфликт в самом начале, попытаться добиться согласия на переговоры, не допустить эскалации насилия, а тем более его бесконечного применения в ожидании всеобъемлющего урегулирования.

6. Опыт военного вовлечения великих держав во внутренние конфликты с целью их предупреждения или контролирования свидетельствует о малой эффективности такого рода действий. Само военное вторжение или тщательно спланированная операция по устранению неугодного режима совершаются относительно просто, силами незначительного воинского контингента. Но создание после этого стабильного режима, пользующегося доверием большинства населения и способного положить конец внутренней фракционной борьбе, — задача намного более сложная.

7. Недостаточно исчерпаны еще возможности региональных межгосударственных организаций и таких международных форумов, как ООН, ОБСЕ, Совет Европы и других, в основу деятельности которых положен принцип решения спорных вопросов мирным путем, с помощью переговоров и посредничества.

8. В полиэтнических обществах республик бывшего СССР процессы суверенизации не только не привели к исчезновению этнических и религиозных противоречий, но и способствовали их разжиганию. Создаваемые здесь политические системы весьма далеки от демократических западных моделей, а структура власти государств, прошедших через этнические конфликты, отражает все большую сориентированность на определенного лидера, ставшего победителем в борьбе групп, кланов, интересов. Потребуется время, для того чтобы общества в постсоветских республиках Закавказья "самоорганизовались" изнутри, а в государствах, охваченных конфликтами, и противоборствующие стороны, и посредники, наконец-то, смогли решить, что для них важнее — достижение мира или утверждение собственных институтов и интересов.

Библиография

1. Гаджиев К. Геополитические перспективы Кавказа в стратегии России //Мировая экономика и международные отношения. 1993. N2. С. 20 — 37.
2. Финдлей Т. Предотвращение, разрешение вооруженных конфликтов и контроль над ними. Ежегодник СИПРИ. 1995. М. 1996. С. 36 — 73; Boutros-Ghali Boutros. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. N. Y. 1992; The Art of Conflict Prevention. N. Y. 1994; Evans G. Cooperative Security and Interstate Conflict //Foreign Policy. Washington. 1994. N96. P. 1 — 12.
3. Хилл Р. Превентивная дипломатия, установление и поддержание мира. //Международная безопасность. 1993. С. 23.
4. Kampelman M. Secession and the Right of Self-Determination: an Urgent Need to Harmonize Principle with Pragmatism. //The Washington Quarterly. 1993. Vol. 16. N16. P. 5 — 12.
5. Zartman I. W. Ripe for Resolution. Conflict and Intervention in Africa. Oxford. 1985.
6. Морозов Г. И. Международное право и международные отношения (проблемы взаимосвязи). М. 1997. С. 43.
7. Морозов Г. И. Указ. соч. С. 41; Stremblau J. Sharpening International Sanctions. Toward a Strong Role of the United Nations. Washington. 1996.

Л. Воронков

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВНУТРЕННИХ КОНФЛИКТОВ И ЕВРОПЕЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ

Подавляющее большинство современных кровопролитных конфликтов происходит не между государствами, а внутри них. Ни один из более чем 30 нынешних вооруженных конфликтов не может быть отнесен к числу межгосударственных, хотя некоторые из существующих разногласий между различными странами могут вылиться в широкие вооруженные столкновения [1].

Человеческие потери в результате конфликтов в Боснии, Руанде и Афганистане исключительно велики. По имеющимся оценкам, до 1,2 млн человек погибло в ходе внутренних вооруженных конфликтов в течение лишь одного года, предшествовавшего июлю 1995 г.; более 40 млн человек было вынуждено покинуть свои дома [2].

Для наблюдения за политическими событиями в мире и своевременного предупреждения о возможности возникновения конфликтов, а также с целью разработки предупредительных мер был образован Департамент по политическим делам Секретариата ООН. Попытки предотвращения дипломатическим путем развития вооруженных конфликтов предпринимаются также Советом Безопасности, Генеральной Ассамблеей, региональными организациями в сотрудничестве с ООН (ОБСЕ, Организацией американских государств — ОАГ, Организацией африканского единства — ОАЕ, АСЕАН и другими). Однако деятельность всех упомянутых международных организаций зачастую малорезультативна, так как они не располагают прямыми юридическими мандатами, позволяющими вмешиваться во внутренние дела суверенных государств.

Очевидно, возможности перечисленных организаций, включая те из них, которые представляют собой отдельные "кирпичики" новой европейской архитектуры безопасности, равно как и отдельных государств в этой области должны существенно

возрасти. Превентивные меры по предотвращению конфликтов могут и должны приниматься не только правительствами, но и местными властями, политическими партиями, национальными и международными неправительственными организациями, широкими народными движениями и особо авторитетными гражданами.

Помимо исполнения функций "пожарных команд" политика предупреждения насильственных конфликтов не должна включать в себя разработку долгосрочной стратегии, которая позволила бы предотвращать подобные столкновения, заранее вскрывая и устраняя глубинные причины, конфликта.

Некоторые основополагающие принципы

Отправной точкой долговременной стратегии предотвращения насилия во внутренних конфликтах является признание того, что сами по себе национальные, этнические или религиозные особенности различных групп населения не могут быть причиной кровавых столкновений.

В этом контексте важную роль призвана сыграть концептуальная разработка понятия "нации" как многокультурного объединения. Ассоциировать "нацию" с доминирующей этнической группой населения того или иного государства было бы не только ошибочно, но и чрезвычайно опасно. Процесс постепенного изъятия из основополагающего понятия "нация" исключительно этнического содержания (в пользу понимания нации как разнообразной в культурном отношении политической общности сограждан [3]) должен стать одной из важнейших мер по предотвращению кровопролитных внутренних распрей на националистической, этнической или религиозной почве. Экономические аспекты процесса формирования наций на современном этапе также должны быть включены в концептуальную разработку понятия "нации". Самой универсальной международной организацией, основанной на принципе суверенного равенства всех своих членов, является Организация Объединенных Наций, где термин "нация" практически используется как синоним "государства" или "страны".

Вместе с тем существующие в реальности национальные, этнические или религиозные особенности, ассоциируемые с

идентитетом определенных групп населения, представляют собой своего рода постоянно действующую скрытую причину конфликтов, которая может быть "раскручена" различными, главным образом, политическими средствами или сдерживаться принятием комплекса взаимодополняющих политических, экономических, социальных, юридических, культурных, административных и иных мер, имеющих целью устранить глубинные корни кровавых насильственных конфликтов. Эти меры непосредственно должны быть направлены на устранение реально существующих или потенциальных причин неравенства и этносоциальных и культурных диспропорций, составляющих благоприятную почву для разжигания нечистоплотными политиками (своими или зарубежными) национальной, этнической и религиозной розни.

Долгосрочная стратегия предотвращения кровавых внутренних конфликтов должна включать меры по улучшению социальных условий жизни для всех национально-этнических сообществ на равноправной основе, что особенно актуально для многонациональных государств [4].

Данная стратегия должна уделять внимание не только традиционным причинам конфликтов, но и последствиям сравнительно новых процессов во внутренней и международной жизни государств и народов, проявившихся после окончания холодной войны, которые будут сохранять и, возможно, наращивать свое воздействие и в обозримом будущем. Часть из них реально влияет на сокращение базы для возникновения новых конфликтов, но некоторые могут восприниматься этническими и религиозными меньшинствами как способствующие росту неравенства и этносоциальных диспропорций и тем самым оправдывающие их борьбу.

Из этих процессов особого внимания заслуживают следующие:

— относительный рост интереса населения и политических лидеров к внутренним проблемам своих стран;

— развитие региональной интеграции, сужающей основы для внутренних конфликтов. Здесь следует учесть как опыт, накопленный Европейским союзом, так и весьма заметно про-

являющиеся тенденции развития региональной и субрегиональной интеграции в других частях мира, а также сотрудничества между различными региональными интеграционными группировками (ЕС — НАФТА, ЕС — АСЕАН и др.);

— процессы глобализации, в том числе изменения в коммуникационных технологиях, усиление движения потоков товаров и капиталов, обмена технологиями, новостями и культурными ценностями и т. п. В результате — возникновение мира без традиционно понимаемых границ, что объективно снижает напряженность между этническими и религиозными меньшинствами;

— оживление миграционных потоков населения и их воздействие на возникновение (или возрождение) расизма, крайних радикальных движений и дискриминационного поведения, которое "подогревается" миграцией экономических и политических беженцев, а также жителей прежних колоний в Западную Европу и Северную Америку;

— рост терроризма, торговли наркотиками, оружием, ядерными материалами, организованной преступности и все более проявляющаяся склонность использовать лозунги национального освобождения, самоопределения и политической независимости в качестве политического прикрытия и облагораживания нелегальной, противозаконной деятельности, осуществляемой как национальными, так и трансграничными группами.

В настоящем докладе мы затронем лишь часть этих проблем, так или иначе связанных с Европой.

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия, Советского Союза и Чехословакии продемонстрировал, что сепаратистские сценарии как метод решения культурных, политических и социальных проблем получили солидную поддержку многих влиятельных деятелей и представителей этнических диаспор. Односторонний характер и скорость проведения этих преобразований, а также поддержка извне, оказываемая националистическим лидерам, стали одной из причин вооруженных конфликтов [5]. Вмешательство внешних сил может либо сдерживать развитие таких сценариев, либо подогревать и ускорять его указанным образом. В последнем случае,

как мы убедились на примерах бывших СФРЮ и СССР, такая поддержка может вылиться в кровопролитие и этнические и религиозные чистки.

Международное сообщество государств, национальные правительства, равно как и национальные и международные неправительственные организации должны извлечь урок из этого печального опыта и впредь любое свое политическое решение соизмерять с тем, насколько оно может способствовать росту национализма и религиозного экстремизма, и стремиться ограничивать их развитие. Этот критерий должен стать основным в политике международного сообщества.

Долговременная стратегия предотвращения насильственных внутренних конфликтов должна быть полностью интегрирована в модель всеобъемлющей безопасности (во всех ее аспектах) в Европе для XXI в. с целью придать этой безопасности устойчивый характер. Это означает, что новая европейская архитектура безопасности должна быть в состоянии разрешать проблемы, порождаемые внутренними конфликтами, о которых идет речь. Как этого можно достичь?

Предотвращение кровопролитных внутренних конфликтов в Европе

Процесс преодоления наследия холодной войны способствовал значительному усилению внимания правительств и политических сил во всех странах — участниках конфронтации между Востоком и Западом к внутренним социальным и экономическим проблемам.

Критерии международного политического влияния государств на данном этапе претерпевают изменения: снижается роль военной мощи, на первый план выходят экономическое процветание, социальная защищенность населения, уровень технологического, научного и культурного развития страны. На рубеже XXI в., по мнению Збигнева Бжезинского, понятие великой державы включает не уровень имперского контроля, а качество жизни граждан в обществе [6].

В поиске более эффективных стратегий обеспечения ускоренного экономического, социального, технологического и культурного развития и повышения жизненного уровня населения

политические лидеры бывшего СССР и других государств Центральной и Восточной Европы приступили к переоценке предшествующего опыта и разработке политических курсов, исходя уже не из идеологических постулатов, а из реальных жизненно важных потребностей населения.

Антикоммунистические революции в указанных странах, уничтожив монополию компартий на власть, создали условия для вступления в борьбу за влияние новых партий и политических элит. В молодых и неокрепших демократиях новых независимых государств эти борющиеся за власть группировки получают значительно более широкий простор для извлечения политических выгод из разжигания националистических и религиозных страстей, чем в странах Западной Европы и Северной Америки. Это одна из объясняющих причин, почему кровопролитные конфликты на национальной или религиозной почве характерны прежде всего для стран, находящихся в стадии преобразования своих политических и экономических систем.

Очевидно, что наиболее эффективным средством для предупреждения кровавых внутренних конфликтов является безусловная защита прав человека для всех граждан этих стран - вне зависимости от их расовой, этнической и религиозной принадлежности - и всемерное укрепление демократических стандартов их жизни. Глобальные международные и европейские региональные механизмы защиты этих прав в полном объеме призваны сыграть важную роль в создании долгосрочных предпосылок для предотвращения вооруженных внутренних конфликтов в Европе.

Помимо юридических и организационных возможностей защиты прав человека, которыми располагает ООН и ее специализированные организации, имеются и европейские региональные возможности в этой сфере. Юридической основой для принятия таких региональных мер по предотвращению конфликтов являются: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятый в Хельсинки в 1975 г., и документы, одобренные странами-участниками на его последующих встречах, Европейская конвенция защиты прав

человека и фундаментальных свобод, Римский договор, Европейская конвенция по предотвращению пыток, Единый европейский акт, Договор о Европейском союзе и др. Организационные основы региональных мер в области защиты прав человека в Европе также весьма широки и включают: ОБСЕ, Совет Европы, Европейский Союз, Европейскую комиссию по правам человека, Европейский Суд по правам человека, Офис демократических институтов и прав человека в рамках ОБСЕ, Комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам и др.

Все эти юридические и организационные элементы европейской архитектуры безопасности играют важную роль и призваны предупреждать столкновения на националистической, этнической и религиозной почве, а также разрешать конфликтные ситуации до того, как они перерастут в "горячие" конфликты. Модель всеобъемлющей безопасности в Европе должна включать невоенные элементы и иметь в качестве основного критерия своей устойчивости безопасность граждан всех стран-участников, в том числе включающий обеспечение их законных человеческих и гражданских прав. В этом контексте возможности и мандат Центра по предотвращению конфликтов ОБСЕ как универсальной общеевропейской и трансатлантической организации должны быть укреплены и расширены.

Важная роль в стратегии предотвращения как межгосударственных, так и внутренних конфликтов принадлежит интеграционным процессам. Так, война между странами-членами ЕС, а также такой субрегиональной организации, как Северный Совет, ныне стала просто немыслимой. Г. Коль, канцлер Германии, в одном из своих выступлений справедливо отметил: "Европейская интеграция в действительности представляет собой вопрос войны или мира в XXI столетии" [7].

Механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов внутри ЕС и среди североевропейских стран опираются на прочную экономическую основу взаимных переплетающихся интересов, побуждающих к поиску мирных политических или экономических средств как наиболее выгодных и эффективных. Западноевропейские страны-члены ЕС приступили к взаимному открытию своих границ и постепенному сокращению погран-

войск внутри союза. В перспективе пограничный контроль между странами ЕС планируется отменить полностью.

В современных международных условиях меняется содержание и такого понятия, как суверенитет. Вступая в международные соглашения в области защиты прав человека, разоружения, охраны окружающей среды и т. п., государства берут на себя обязательства, которые так или иначе ограничивают их суверенитет. По существу, эти соглашения, как и участие в интеграционных процессах и другие формы международного сотрудничества, выливаются в добровольную передачу отдельными государствами части своего суверенитета различным международным организациям, включая наднациональные по своей сути для регулирования сотрудничества в определенных областях в интересах всех участников.

Участие различных стран, народов и территорий в интеграционных процессах, подкрепляемых соответствующими юридическими, организационными и финансовыми мерами, в долгосрочной перспективе создадут прочную основу для предупреждения и урегулирования мирным путем внутренних споров и противоречий. Это наиболее многообещающий путь постепенного расширения зоны мира и устойчивой безопасности с включением в нее, в конечном счете, всей Европы. ЕС представляет собой один из ключевых институтов европейской архитектуры безопасности, его функции не могут быть воспроизведены или восполнены никакой другой организацией или группировкой государств. Схожие функции, по крайней мере, теоретически, может приобрести СНГ.

В будущем ЕС будет не только пополняться новыми членами, но и расширять свои полномочия в области обороны и безопасности. В соответствии с Договором о Европейском политическом союзе государства-участники взяли на себя обязательства содействовать формированию общей оборонной политики, которая со временем могла бы привести к появлению общей обороны, сопоставимой с той, которую имеет Североатлантический союз.

Общая валюта и координация экономической политики внутри ЕС не могут существовать без значительной степени политической интеграции. По мнению Вольфганга Шебле, лидера фракции правящей партии в бундестаге, "экономический и валютный союзы представляют собой огромный шаг на пути к политическому союзу. Дальнейшие шаги должны быть предприняты в области внутренней безопасности, общей внешней политики и политики в сфере безопасности, а также в области организационных реформ" [8].

Политическая интеграция между странами-членами ЕС происходит вне рамок НАТО и сохранит независимую от нее экономическую основу и автономную динамику развития также и в обозримом будущем. Это означает, что быстрое развитие общей внешней политики и координация мер в сфере безопасности в рамках европейских интеграционных процессов не идентичны процессам, связанным с эволюцией НАТО после окончания холодной войны. Даже с этой точки зрения НАТО не может рассматриваться как универсальный общеевропейский инструмент безопасности на будущее.

Формально европейские члены НАТО не возражают против развития европейского идентитета в области безопасности и обороны внутри этого блока на данном этапе его эволюции; в то же время некоторые из членов ЕС предпринимают различные шаги, целью которых является постепенное формирование общей политики обороны европейских государств. Накануне 40-летнего юбилея Римского договора шесть стран-членов ЕС (Франция, Германия, Бельгия, Испания, Италия и Люксембург) выступили с совместной инициативой, призвав все 15 членов Европейского союза войти в систему многосторонних гарантий безопасности, содержащуюся в Договоре о создании оборонительного Западноевропейского союза (ЗЕС). Суть предложения состоит в том, чтобы постепенно включить ЗЕС, членами которого являются 10 стран ЕС, в Европейский союз, "превратив оборону из теории в реальную перспективу" [9]. В этой связи уместно упомянуть, что в мае 1994 г. статус ассоциированных членов ЗЕС был предоставлен Болгарии, Венгрии, Латвии, Литве, Румынии, Словакии, Польше, Чехии и Эстонии.

Предложения, касающиеся постепенного включения ЗЕС в ЕС, как считает Том Бьеркли из "Интернейшнл Геральд Трибьюн", "отражают давние амбиции континентальных держав

обрести большую независимость от американского патронажа и придать Европе военную мощь, равную ее экономическому могуществу" [10]. Нет сомнений в том, что будущее членство стран Центральной и Восточной Европы в ЕС может подкрепить эти амбиции, поставив под сомнение устремления лидеров НАТО играть определяющую роль в европейской архитектуре безопасности.

Тем не менее ЕС пока не является общеевропейской организацией. Указанные выше преимущества непосредственно относятся только к членам ЕС и лишь косвенно — к тем странам и народам, которые стремятся в него вступить. Понятное желание многих посткоммунистических стран использовать уже успешно апробированные в рамках ЕС методы развития в интересах своих государств и народов побуждает их не только пытаться ассоциировать себя с западноевропейской зоной процветания, динамичного социального и экономического развития, символом чего является ЕС, но и самим стать участниками интеграционного процесса.

Возможное членство стран Центральной и Восточной Европы в ЕС, без сомнения, будет отвечать их долговременным стратегическим интересам. Однако для того, чтобы эта перспектива могла бы стать реальностью потребуются весьма значительные и долговременные усилия по приспособлению экономических, социальных, финансовых, законодательных и иных систем этих стран к существующим в ЕС. Предпринимая такие усилия, государства ЦВЕ тем самым создают предпосылки для появления в них механизмов предупреждения конфликтов и их урегулирования, подобных существующим в ЕС.

Вместе с тем бывшие страны Варшавского договора вряд ли могут рассчитывать на членство в ЕС в скором будущем. Министр обороны Германии Фолькер Рюе, например, решительно отвергает возможность вступления восточноевропейцев в ЕС ранее 2002 г. "Можно вступить в Атлантический альянс со старыми танками, — считает он, — однако вступление в ЕС со старыми фермерскими тракторами может породить проблемы" [11].

Формальная поддержка расширения НАТО на Восток помогает странам-членам ЕС откладывать реальные переговоры о принятии государств Восточной Европы в ЕС до того момента, когда и они, и сам Европейский союз будут в большей мере готовы к этому. "Расширение НАТО — это кость, брошенная членами ЕС восточноевропейцам взамен допуска их в ЕС, который им действительно нужен и в котором они реально испытывают потребность. Именно этот шаг, — писал Томас Фридмэн в "Интернейшнл Геральд Трибьюн", — способствовал бы укреплению демократических режимов в них". По его мнению, западноевропейцы считают, что реальной "грозой" для них является не Россия, а Восточная Европа, "чьи заводы и фермеры хотят экспортировать в Западную Европу товары по ценам, которые будут способствовать снижению цен на западноевропейские товары, и чьи рабочие хотят отправиться в Западную Европу на заработки, что может вызвать снижение заработков западноевропейских рабочих" [12].

В отличие от членства в ЕС расширение НАТО на Восток требует лишь политического решения, которое не столь сильно зависит от экономической ситуации в той или иной стране и может быть принято сравнительно быстро. Эта политическая акция рассматривается многими странами Центральной и Восточной Европы фактически как косвенная возможность использовать все вероятные выгоды от признания их частью западных цивилизации и институтов для обеспечения ускоренного социального и экономического прогресса своих стран и народов. Ссылки на необходимость укрепить собственную безопасность через членство в НАТО носят скорее дипломатический так же, впрочем, как ссылки на необходимость консолидировать демократические режимы и способствовать экономическим преобразованиям в постсоциалистических государствах. НАТО не располагает для этого реальными возможностями и механизмами.

Некоторые из стран Центральной и Восточной Европы столь сильно озабочены скорейшим вступлением в "клуб богатых", что не затрудняют себя анализом возможных последствий подобных скоропалительных действий для ситуации в Европе. Расширение НАТО на Восток с целью удовлетворить настоятельные требования некоторых центральноевропейских прави-

тельств, продиктованные в основном их кратковременными политическими устремлениями, скорее всего укрепит их на позициях национального эгоизма. Это, в свою очередь, может увеличить конфликтный потенциал в Центральном регионе Европы в более отдаленной перспективе.

Важную роль в новой европейской архитектуре безопасности призван, без сомнения, сыграть блок НАТО. В своей "Повестке дня для мира", опубликованной в июне 1992 г., Генеральный секретарь ООН высказался в пользу укрепления роли региональных организаций в осуществлении превентивной дипломатии, проведении операций по поддержанию и укреплению мира и их координации с механизмами поддержания международного мира и безопасности.

Определяемые Статьей 43 Устава ООН процедуры создают проблемы при формировании контингентов сил ООН по поддержанию мира и их быстрой переброске в районы действий. Более того, отсутствие соответствующих финансовых возможностей не позволяет ООН создать запасы оборудования и материалов, необходимых для организации объединенных и хорошо управляемых контингентов. Говоря о создании сил быстрого реагирования, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан счел необходимым подчеркнуть, что члены ООН не готовы одобрить существование постоянной армии ООН, несмотря на определенные преимущества иметь ее в своем распоряжении [13].

Любое вовлечение военных контингентов в те или иные операции не может осуществляться без опоры на сеть военных баз, соответствующее оборудование и другие средства поддержки. Совет Безопасности ООН не располагает такими средствами.

Военное оборудование, инфраструктура и военные контингенты стран-членов НАТО, как и стран-членов других региональных организаций и отдельных государств могут играть важную роль в осуществлении военных миссий, предпринимаемых под эгидой ООН не только в Европе, но и вне сферы ответственности НАТО. Североатлантический альянс исполняет ключевую роль в обеспечении выполнения Дейтонского мирного соглашения по Боснии и Герцеговине, опираясь на поддержку как стран-членов НАТО, так и не входящих в блок государств

(Албании и Венгрии, например), и сотрудничая с военными контингентами многих стран, не состоящих в НАТО, включая Россию.

Вряд ли следует отрицать, что военные возможности НАТО и в нынешнем составе могут быть эффективно использованы не только для обороны союзников в зоне ответственности блока, но и для осуществления различных миссий по поручению Совета Безопасности ООН, по крайней мере, пока не созданы иные боеспособные военные структуры. Настаивать на немедленном роспуске Североатлантического альянса было бы неразумно. Но из этого не следует, что имеющиеся в наличии возможности НАТО могут быть использованы только и исключительно в случае расширения блока.

Уже сегодня существуют весьма широкие возможности для стран, не являющихся членами НАТО, участвовать в операциях блока с благословения Совета Безопасности ООН. Эти страны, в том числе и Россия, рассматривают такое участие как вполне нормальное, не порождающее каких-либо проблем для них и позволяющее использовать альянс как один из важных элементов общеевропейской архитектуры безопасности. Однако роль НАТО ограничивается военными рамками, т.е. при необходимости урегулировать уже вспыхнувшие конфликты, быть своего рода "пожарной бригадой". Но и в этих случаях эффективность вмешательства НАТО зависит от ряда обстоятельств.

Кризис в Югославии существенно помог НАТО обосновывать свою миссию не только как военного оборонительного блока, но и как организации, способной на решение конструктивной задачи в рамках системы европейской безопасности и выполняющей, соответственно, новые, более разнообразные функции. Свои политические и стратегические цели в Югославии внешние силы пытались реализовать через опору и избирательную поддержку своих клиентов внутри страны. Попытки международного сообщества (ООН, ЕС, ОБСЕ, Контактной группы и т. п.) прийти к разрешению кризиса с помощью переговоров между внешними державами и поиска баланса их интересов, с тем чтобы затем навязать мирное соглашение воюющим сторо-

нам, оказались бесплодными. В этом случае не повлияла даже военная мощь НАТО.

Некоторый прогресс был достигнут лишь тогда, когда внешние державы смогли договориться о способе урегулирования конфликта - содействие прямым переговорам между воюющими сторонами. Именно это было сделано в Дейтоне. Более или менее успешная операция по принуждению к миру в Боснии, руководимая НАТО, основывалась не на военной мощи альянса, а на условиях достигнутого в ходе прямых переговоров между воюющими сторонами мирного соглашения при посредничестве ведущих держав, включая те, которые не являются членами блока.

Помимо традиционных действий вооруженных сил операции по поддержанию мира включают ныне и обширный набор задач невоенного свойства: сокращение ВС и создание новых полицейских формирований, реформу законодательной и избирательной систем, наблюдение за проведением выборов, защиту прав человека, содействие решению социальных и экономических проблем, контроль над некоторыми действиями национальной администрации, репатриацию беженцев и перемещенных лиц, обеспечение мирного перехода к независимости, распределение гуманитарной помощи и др. Гражданской и полицейской работой занята почти четвертая часть сил ООН по поддержанию мира. Выполнение гражданских функций, роль которых будет расти, опирается не на военную силу НАТО, хотя альянс и пытается приспособиться к требованиям современности [14].

Тем не менее США продолжают попытки превратить НАТО в ядро европейской архитектуры безопасности, хотя администрация Клинтона не исключает, что ЕС, Совет Европы, ЗЕС, ОБСЕ и ООН способны сыграть в этом определенную роль. Госсекретарь М. Олбрайт сформулировала эту идею весьма откровенно: "НАТО, являющаяся ядром европейской безопасности и важнейшим механизмом участия Америки в делах Европы, должна играть ведущую роль в сохранении единства Европы" [15]. "Расширение НАТО отвечает моральным, стратегическим и политическим интересам Америки", — заявил лидер большинства в Сенате США Т. Лотт [16].

Но способна ли НАТО, обладающая лишь военными возможностями и не располагающая юридическими, финансовыми и организационными ресурсами для необходимых политических, экономических, социальных, культурных, гуманитарных, административных и иных мероприятий, заложить основы предупреждения вооруженных внутренних конфликтов в различных частях континента? Декларативная решимость "завершить работу по построению демократической и объединенной Европы вокруг расширяющегося Североатлантического альянса и партнерства с Россией" [17] в свете сказанного не выглядит убедительной.

Понятия "демократия" и "членство в НАТО" отнюдь не идентичны. Участие в НАТО не привело к демократии в Португалии до революции 1974 г.; не предотвратило военного переворота и установления антидемократического режима полковника Г. Пападопулоса в Греции в 1967 г.; не позволило избежать турецкого вторжения на Кипр и противостояния Греции и Турции — членов этой организации; никак не сказалось на соблюдении прав курдского меньшинства Турции. ОБСЕ и Совет Европы куда лучше НАТО способны обеспечить, например, гражданские права цыган.

Попытки расширить НАТО на Восток предпринимаются вне рамок ОБСЕ, разрабатывающей на консенсусной основе новую европейскую архитектуру безопасности. Расширение альянса в восточном направлении и превращение его в главный орган, ответственный за стабильность в Европе, — это механизм, при помощи которого одна часть участников ОБСЕ пытается навязать свой взгляд на будущую архитектуру европейской безопасности другой части, поставить ее перед свершившимся фактом. Но вряд ли возможно укрепить европейскую стабильность, подрывая принципы межгосударственных отношений, зафиксированные в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. Более того, наносится ущерб и сотрудничеству в рамках ОБСЕ.

Попытки Соединенных Штатов укрепить роль НАТО за счет других международных и региональных организаций, в которых лидерство США ограничено, предпринимаются для того,

чтобы организационно оформить собственный нынешний статус единственной сверхдержавы. Этому будет способствовать и расширение НАТО на Восток, распространяющее влияние Америки в Центральной и Восточной Европе без необходимости поддерживать на континенте значительное военное присутствие. Предполагается также увеличение экспортных рынков для американской военной техники и вооружения за счет стран, входивших в состав Варшавского Договора.

Политика "открытых дверей" для вступления в НАТО, как пишут Р. Д. Лесюмс и С. Ларраби в журнале "Форин Аффэрз", может "вылиться в расширение блока до такой степени, что он превратится во вторую слишком большую и беззубую Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе" [18]. Если не поставить ограничители для дальнейшего расширения НАТО, то оно не только станет бессмысленным, но может привести к появлению новых разделительных линий в Европе.

***

Проблемы нестабильности на континенте коренятся не в военной сфере и не могут быть решены военными средствами. Расширение НАТО не увеличивает возможности разрешать внутренние конфликты или осуществлять гражданские функции в ходе проведения операций по поддержанию мира. Может случиться, что расширенный альянс не будет располагать подходящими инструментами для выполнения своих целей, а членство в нем перестанет быть желанным для восточноевропейцев.

Вывод А. Ротфельда, директора СИПРИ, о том, что в настоящее время "общая модель безопасности развивалась скорее исходя из специфической ситуации, порождаемой расширением НАТО, чем основываясь на концепции совместной безопасности", звучит вполне логично. С его точки зрения, "не следует пытаться заменить существующие структуры европейской безопасности какой-то новой системой общеевропейских структур, а необходимо использовать существующие институты как отправную точку и попытаться определить, как каждый из них

способен решать новые задачи" [19]. В полной мере это относится и к НАТО.

В этих условиях навязывать международному сообществу радикальную трансформацию системы поддержания мира и безопасности, руководствуясь соображениями одной супердержавы о будущих вызовах безопасности, не только недальновидно, но и чревато подрывом стабильности в Европе. Понятны опасения оппонентов расширения НАТО: "Новый раздел Европы после того, как распад Советского Союза и Варшавского договора смогли ее вновь объединить, принесет результаты, противоположные тем, которые надеются получить" [20]

Напротив, перспектива постепенного преобразования структуры европейской безопасности в региональную систему международного мира и безопасности, предусмотренная гл. VIII Устава ООН, вполне реальна. "СБСЕ (с декабря 1994 г.- ОБСЕ.- Авт.) будет одним из главных инструментов в деле раннего предупреждения, предотвращения конфликтов и регулирования кризисов в регионе", — говорится в Будапештском документе 1994 г. "На пути к подлинному партнерству в новую эпоху". Принятые в нем решения, например: в исключительных случаях от имени ОБСЕ передавать спорные проблемы на рассмотрение Совета Безопасности ООН и наладить систематическое сотрудничество с европейскими и другими региональными и трансатлантическими организациями и институтами — представляют прочную основу для укрепления безопасности в Европе и предотвращения кровавых внутренних конфликтов.

Библиография

1. Jane E.Holl, Executive Director. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflicts. Second Progress Report. July 1996. P.2.

2. Reinhardt Rummel. Common Foreign and Security Policy and Conflict Prevention. Saferworld and International Alert. May 1996. P.1.

3. Valery Tishkov. Perspectives for Ethnic Accord. Peace and the Sciences. 1996. Vol.XXVI. December.

4. Op. Cit.

5. Op. Cit.
6. International Herald Tribune. 1995. 28 February.
7. Newsweek. 1997. 7 April.
8. Newsweek. 1997. 3 February.
9. International Herald Tribune. 1997. 25 March.
10. Ibid. 1997. 28 March.
11. Ibid. 1996. 19-20 October.
12. Ibid.
13. The Economist. 1996. 9 November.
14. International Herald Tribune. 1997. 23 January.
15. The Economist. 1996. 30 March.
16. Российская газета. 1997. 9 April.
17. UN Weekly. 1997. Vol 13. No 14 9 April.
18. Financing an Effective UN. A Report of the Independent Advisory Group on UN Financing. A Ford Foundation project. New York. 1993. P.16.
19. Peace and Secrity-the IIP research quarterly. 1997. Vol.XXIX. September.
20. The Economist. 1997. 15 February.

Д. Шперлинг

КОНФЛИКТЫ НА КАВКАЗЕ: ПОЛИТИКА РАЗРЯДКИ — ВЫХОД ИЗ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Политическая география

Горная часть Закавказья поделена между четырьмя суверенными государствами: Арменией, Азербайджаном, Грузией и Россией. Четыре территориальных образования в Кавказском регионе стремятся создать независимую государственность — они пытаются отделиться от государств, которые, в свою очередь, отстаивают право на целостность. Такими "сепаратистскими зонами" стали Абхазия и Южная Осетия (против сохранения в составе Грузии), Карабах (борется за отделение от Азербайджана) и Чечня (за выход из РФ).

Эти территории представляют собой "горячие точки" на Кавказе, где противоборствующие стороны перешли к вооруженным действиям, а в некоторых случаях столкновения переросли в геноцид, хотя такое развитие конфликта не входило в намерения противоборствующих сторон.

Принципы под угрозой

В правовом отношении предмет спора примерно одинаков во всех четырех случаях: принцип территориальной целостности против принципа самоопределения. Вместе с тем большинство участников противостояния настаивает на "исключительности" их конфликта и ссылается на особенности, которые их отличают. Без сомнения, эти конфликты действительно непохожи, у них разные исторические корни, специфическая динамика развития, и разумеется, различающиеся социальные и национальные черты.

Но наблюдатели, пытаясь дистанцироваться от каждого конкретного конфликта, обнаруживают сходство и даже взаимозависимость, о которых стороны, вовлеченные в конфликт, редко упоминают.

Статус — обоюдоострая проблема

Наибольшее сходство в четырех "горячих" конфликтах — это вопрос о статусе. Статус подразумевает две разные вещи: статус территорий или государств (большой статус) и статус делегаций, выступающих от лица территорий или государств (малый статус) на конференциях. Статус предлагается или отрицается в соответствии с позицией стороны в конфликте.

Для трех из вышеуказанных конфликтов, по крайней мере, не вызывает споров определение противоборствующих сторон. В каждом конфликте две стороны и, соответственно, два участника. Лишь в карабахском конфликте нет ясности в этом плане. Там две стороны конфликта, но число участников больше двух, возможно, ближе к трем. Очевидно, что между Арменией и Азербайджаном нет согласия по вопросу о том, кто представляет другую сторону конфликта. Лишь одна сторона не вызывает споров — это Азербайджан. Армения является другой стороной конфликта, но Ереван в качестве таковой называет Степанакерт, хотя полностью и не отрицает своей причастности к конфликту. Степанакерт объявляет себя другой стороной конфликта, но Баку этого не признает.

Участники некоторых конфликтов в Кавказском регионе испытывают сложности в восприятии друг друга в качестве сторон противостояния. Это было в течение какого-то времени справедливо, в частности, в отношении чеченского конфликта. Москва не желала сотрудничать с другой стороной конфликта, которую она называла "бандиты и террористы". То же самое характерно и для двух конфликтов в Грузии: в отношении Абхазии и Южной Осетии. Что же касается Карабаха, то азербайджанцы до сих пор настаивают на уничтожении "бандитов" до начала переговоров. Даже в тех случаях, когда другая сторона признается в качестве стороны для переговоров, вопрос о большом статусе препятствует их прогрессу. В каждом конфликте, по крайней мере, одна из сторон поднимает вопрос о статусе или те вопросы, которые незамедлительно ставят проблему статуса в повестку дня.

Легитимизация спикеров: выборы и как они интерпретируются

На всех четырех "сепаратистских территориях" за последние полгода были проведены выборы. Москва приветствовала проведение выборов в Чечне после соглашения о прекращении военных действий. Затем высшие официальные лица российского государства присутствовали на инаугурации г-на Масхадова в качестве президента Чечни. Напротив, выборы в Карабахе и Абхазии были объявлены незаконными не только соответствующими сторонами конфликта, но и Москвой. В случае Южной Осетии руководство Грузии действовало более взвешенно, выразив беспокойство относительно выборов в Цхинвали, но не дезавуируя их и приняв избранного президента как выступающего от лица электората (неполного). В Южной Осетии присутствовала лишь часть населения, уполномоченная участвовать в выборах, многие жители региона бежали в Грузию или Северную Осетию (которая является одним из субъектов РФ). Азербайджан не признал результаты выборов в Нагорном Карабахе. В этом вопросе его поддержала Россия.

Заинтересованные стороны

Четыре конфликта на Кавказе привлекают внимание и оказывают влияют на соседние государства: Иран, Турцию, Украину.

В Иране проживает больше этнических азербайджанцев, чем на территории Азербайджана. Во многих городах и регионах Ирана живет также и армянское меньшинство. До сих пор азербайджанский национализм не привел к напряженности в отношениях между Ираном и Азербайджаном, хотя бывший президент Азербайджана Эльчибей выражал пожелание, чтобы все этнические азеры объединились в одно национальное государство. Между армянским и азербайджанским населением в Иране отношения нормальные. Иран прилагает значительные усилия, чтобы оставаться нейтральным в конфликте, пытаясь, в определенной степени, выполнять посредническую миссию, торгуя с обеими сторонами, избегая поддерживать одну сторону или блокировать другую. Вместе с тем Иран испытал на себе последствия вооруженных действий, когда азеры выселялись с

"оккупированных" территорий. Часть беженцев пересекла реку Аракс и перешла границу Ирана. Иран предоставлял им гуманитарную помощь. Некоторое время иранский Красный Крест оказывал помощь и беженцам в лагерях на территории Азербайджана, близ границы с Ираном.

Турция, наоборот, однозначно, встала на сторону участника конфликта и дала ясно понять, что ее симпатии на стороне тюркских азеров. В период президентства Эльчибея это проявилось особенно заметно. С приходом к власти Алиева приоритет Турции в сравнении с Россией был ограничен. Турция была разочарована таким поворотом событий, но по-прежнему выражала солидарность с Баку. Турецкие офицеры обучали вооруженные подразделения республики. По-видимому, производились поставки оружия, в том числе некоторые его виды поставлялись из Германии (с территории бывшей Восточной Германии). Турция обвиняет Армению в поддержке действующей на турецкой территории сепаратистской курдской организации РКК и предоставлении убежища ее представителям.

Украина является соседним с Россией государством, между ними постоянно возникает напряженность, связанная с Крымом. Там расположен Севастополь — порт на Черном море, 70% населения которого тяготеет к России. Кроме того, крымские татары пытаются вновь поселиться на территории, с которой они были выселены в сталинский период по подозрению с сотрудничестве с немецкими оккупантами во время второй мировой войны.

Меньшинства и миграции

Отсутствие этнической однородности присуще всем вышеуказанным странам кроме, пожалуй, Армении. Но армяне являются одним из меньшинств, проживающих в большинстве других государств и привносящих поэтому элемент взаимозависимости проблемы меньшинств в Кавказском регионе.

"Горячие" конфликты стали источником массовых миграций. Численность мигрантов (а это, прежде всего, мирные жители, бегущие от насилия) различается в оценках сторон конфликтов, но по-видимому, около 2,5 млн человек были

"перемещены" внутри и между четырьмя государствами и сопредельными территориями.

Некоторые из этих вынужденных переселенцев оказывали влияние и на другие этнические группы: на югоосетинцев, которые бежали в Северную Осетию, занимали деревни и территории, которые ингуши считали своими и с которых их в свое время выселили по мотивам, аналогичным тем, что назывались в отношении крымских татар. В некоторой степени сходное положение у чеченцев, поскольку они также вернулись на места проживания после сталинской депортации. Такая ситуация характерна и для других субъектов РФ на Северном Кавказе. Многие из проживающих там народов: адыги, карачаевцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, ингуши требуют возвращения на землю предков, которая, по их утверждению, им раньше принадлежала, и потому они добиваются перемещения населения, ныне там проживающего.

Чеченский конфликт внес напряженность в Дагестан, соседнюю с Чечней республику в составе РФ. Некоторые чеченские деревни на территории Дагестана принимали участие в выборах в Чечне, к счастью, без каких-либо последствий для отношений между Россией, Дагестаном и Чечней. В то же время азербайджанская граница с Россией была закрыта последней с целью воспрепятствовать проникновению боевиков из исламских государств в Чечню и предотвращения торговли оружием. Мгновенным следствием закрытия границы стало то, что лезгины, проживающие в Азербайджане и Дагестане, больше не смогли пересекать границу, хотя тысячелетиями, занимаясь скотоводством, они традиционно пасли скот летом — в горах Азербайджана, а зимой — в долинах Дагестана.

В Дагестане ни один этнос не составляет явного большинства. Там проживает 15 — 20 этнических меньшинств, разделенных еще на 100 — 120 различных субгрупп.

Национализм в Азербайджане привел к возникновению проблемы национального меньшинства не только в отношении лезгин, но и талышей.

Сложное положение возникло и с возвращением турок-месхетинцев. Их родиной является территория Грузии, примыкаю-

щая к границе с Турцией на берегу Черного моря. В настоящее время на этой территории проживают аджарцы, которые не хотят признавать прав месхетинцев и немедленно последуют вслед за абхазами и осетинами в случае их успешного отделения от Грузии.

В дополнение к этому Тбилиси опасается федерализма, поскольку армянское и азербайджанское меньшинства в Грузии могут проявить стремление к сепаратизму. А мингрелы, которые являются грузинами, но составляют особую группу, чувствуют себя обиженными после того, как Шеварднадзе сместил Гамсахурдиа, и могут потребовать специальные права внутри Грузии.

Доминирующие внешние факторы влияния: Россия и нефть

Весь Кавказский регион походит на систему "сообщающихся сосудов". Любое давление, напряжение или неполадки внутри одного из сосудов передаются, как минимум, в другой, связанный с системой. Наиболее впечатляющим примером этого явилась абхазская война, в которой на стороне абхазов участвовал чеченский легион. Именно лидер этого легиона Басаев, который организовал захват Буденновска, вынудил премьер-министра России приступить к переговорам с ним.

Эти события свидетельствуют о солидарности среди народов, населяющих Кавказский регион. Эта солидарность не является прочной, поскольку в существующих объединениях народов Северного Кавказа периодически возникают разногласия.

Очевидно, что у России здесь имеются проблемы вне зависимости от того, какую политику она будет проводить. Но если не Москва, а какая-нибудь другая "сила" попытается предотвратить в этом регионе столкновения, то она окажется перед теми же проблемами, связанными с регионом в целом.

Это объясняет, почему ни одно решение конфликта не может быть найдено без участия Москвы или вопреки ее интересам. Россия вовлечена в этот процесс объективными обстоятельствами, и это справедливо, вне зависимости от того, что бы об этом ни думали политики, нации или представители международных организаций.

Все стороны конфликтов выражают недовольство влиянием России, но, возможно, в то же самое время пытаются использовать это влияние в своих целях. Поэтому Россия выходит на авансцену не только как государство, имеющее конфликты на своей территории, но и как вмешивающееся в них по просьбе или вопреки желанию конфликтующих сторон. Было бы полезно рассмотреть присутствие России под этим углом зрения более подробно.

Российские войска охраняют границу между Арменией и Турцией. Они делают это не вопреки желанию Армении, но по ее просьбе. Были случаи во время карабахского конфликта, когда турецкие солдаты стреляли вдоль границы, российские войска чувствовали себя мишенью и выражали протест. Возможно, охрана границы российскими войсками позитивный фактор, поскольку он препятствует возникновению инцидентов между Турцией и Арменией, что, в свою очередь, могло бы внести дополнительную напряженность в карабахский конфликт. Российские войска также охраняют грузино-турецкую границу. Они используют материально-техническое обеспечение прежней советской оборонительной системы. Для русских, армян и грузин представляется выгодным использовать это оборудование, вместо того чтобы создавать новые оборонительные линии между Россией и Арменией или Россией и Грузией. Поэтому договоры или соглашения заключались с целью легализации присутствия российских войск на территории соседних кавказских государств (кроме Азербайджана). Лишь объекты ПВО до сих пор используются российской армией, и они размещены не в приграничной зоне.

Российские войска находятся в Грузии также в качестве миротворческих сил. В частности, в затронутом абхазским конфликтом Гальском районе под наблюдением миссии ООН. Их мандат возобновляется каждые шесть месяцев.

Другое миротворческое соединение (смешанные контингенты России, Грузии и Южной Осетии) предотвращает возврат к вооруженной стадии югоосетинского конфликта. (Туннель, соединяющий Северную и Южную Осетию является единственной транспортной магистралью, через которую снабжаются россий-

ские войска в Армении и Грузии, так как железные дороги через Азербайджан и Абхазию или перекрыты, или разрушены в ходе боевых действий, то же относится к шоссейным дорогам и мостам). Российские войска находятся в соответствии с миссией ОБСЕ в Южной Осетии, там они выполняют также миссию наблюдения.

Отдельные части российских войск расположены собственно на территории Абхазии — по соглашению между Шеварднадзе и руководством России; лидер Абхазии Ардзинба был раздражен, что Россия тем самым помогала демонстрации Грузией своего суверенитета в отношении Абхазии.

Азербайджан высоко оценивается некоторыми внешними государствами, так как демонстрирует свою независимость от России, не принимая российские войска для охраны своих границ. Видимо, Баку раздумывает о дальнейших действиях, опасаясь: а что будет, если Россия решит изменить свою позицию в отношении сторон карабахского конфликта?

Азербайджан страдал от блокады во время чеченской войны. С другой стороны, Россия передавала в Баку политиков, которые бежали из Азербайджана в Россию после того, как были там осуждены как выступившие против Алиева. Лишь бывший президент Муталибов еще не выдан.

Итак, мы наблюдаем Россию в большинстве конфликтов в разных ипостасях — сотрудничающую и "провоцирующую". И, к сожалению, обстоятельства, которые которые могут это объяснить лучше всего отражает мнение, что существуют не одна Москва, а несколько. Уже фактически нельзя говорить о едином российском Центре, принимающем решения за всю Россию. Есть несколько центров, и они могут следовать разными и не скоординированными курсами в политике.

Другим важным фактором, оказывающим влияние на развитие Кавказского региона, является нефть. Вопрос об определении статуса Каспийского моря — международное море или внутреннее озеро — до недавних пор не был в числе требующих первоочередного решения для российского правительства, прежде всего МИД. Но совершенно очевидно, что в последнее время проблема каспийской нефти заслуживает больше внимания и осмысления, в том числе под углом зрения всех кавказских конфликтов. Важно, где будут проходить нефтепроводы и кто получит доходы от транспортировки нефти. И это затрагивает не только экономические интересы государств Закавказья, но, в равной степени, и республик Центральной Азии — Туркмении и Казахстана, располагающих источниками энергоресурсов, и Узбекистана, промышленность которого зависит от поставок энергии извне. Это вопрос о неподконтрольном России южном отрезке бывшего "шелкового пути" через Южный Кавказ, который испытывает угрозы.

Существует "стратегическое" вмешательство в кавказские дела, а не только тактические действия. Некоторые формы вмешательства остаются невидимыми, поэтому многие "наблюдатели" выглядят наивными, когда рассуждают о "фактах", основываясь лишь на внешних проявлениях открыто заявленных интересов. Не так давно Грузия сотрудничала с Россией, чтобы заработать деньги на поставках военной техники в Иран (в частности, истребителей Миг 29). Сделка не состоялась из-за вмешательства США. Вашингтону не понравилось, что Тбилиси посредничает и способствует подобным поставкам Тегерану. И теперь неизвестно, чье мнение будет важнее для Шеварднадзе — Ельцина или Клинтона. Разумеется, речь идет не только о том, чтобы предпринимать действия по чьей-либо подсказке. Орудием давления, а то и вмешательства становится гуманитарная помощь.

Кавказские конфликты и внешняя интервенция

Существует уже достаточно оснований для того, чтобы сделать вывод: ни один из кавказских конфликтов не является изолированным, ограниченным узкими рамками (территорией одного государства) даже в момент возникновения. Они в высшей степени взаимосвязаны. Напряженность распространяется от одной "горячей точки" к уже тлеющим очагам противостояния путем проявления этнической солидарности, образования союзов, и, разумеется, через торговлю оружием.

Внешнее вмешательство использует эту напряженность и, нередко, увеличивает ее: Ардзинба был приглашен в Москву для подписания договора, в надежде на то, что им будет признан

суверенитет Грузии над Абхазией. Видимо, таким путем российское руководство намеревалось подать пример поведения в российско-чеченском конфликте. Ардзинба сопротивлялся. Теперь, после поражения Москвы в Грозном, Чечня стала примером иного рода. Ардзинба хотел бы получить уважение со стороны Тбилиси, подобное уважению, проявленному Москвой к Масхадову.

В конечном счете Баку и Тбилиси поддерживаются Москвой, требуя соблюдения принципа территориальной целостности. Три столицы оказываются как бы в одной лодке. И соседние государства имеют все основания подходить к оценке кавказских конфликтов с таких же позиций. Успех "сепаратистских" движений в вопросе самоопределения не соответствует их "внутренним" интересам. Ту же точку зрения разделяют и страны-члены ОБСЕ. Их доводы основываются на международном праве. Но и экономические интересы требуют такого же поведения.

Если одна из "сепаратистских амбиций" победит, то могут возникнуть дополнительные новые проявления подобных устремлений в России, Грузии, Азербайджане, в Украине, Турции и даже в Иране. Единственное государство, которое может настаивать на другом решении, — это Армения.

Надежды и риски в кавказских конфликтах

Россия признала своего рода патовую ситуацию для себя в Чечне. Она напоминает историческую ситуацию, возникшую в германо-советских отношениях во время берлинского кризиса. После периода интенсивного противостояния обе стороны согласились, что несовместимые позиции по правовым аспектам статуса не должны служить препятствием к разрешению повседневных прагматических проблем населения, возникающих в результате конфликта. Обе стороны смогли договориться, что не должно быть препятствий транспортировке грузов, услуг и людей.

Подобным же образом и в других кавказских конфликтах следовало бы добиться разрядки: вооружение должно быть ограничено; созданы коммуникации; населению разрешено возвратиться к местам прежнего проживания. Такой вариант реа-

лен, если проблема "статуса", по договоренности сторон, станет предметом более поздних по срокам переговоров. Это как раз работает в случае российско-чеченского конфликта. Подобное "соглашение по вопросу об эффекте недоговоренности" должно включать декларацию всех сторон и участников конфликта, что ни один из них не станет интерпретировать прямые переговоры между ними как изменение позиции в вопросах статуса.

В случае карабахского конфликта это означает следующее: прямые переговоры между Баку и Степанакертом ни в коей мере не означают признания Баку Карабаха как независимого государства и признания Степанакертом за Баку права управления Карабахом. Все мировое сообщество будет приветствовать подобный "компромисс" и воспримет его именно таким образом. Обе стороны будут настаивать на своих прежних позициях и, тем не менее, попытаются решить проблемы своих народов, в том числе, соответствующие проблемы безопасности населения: как, когда и куда должны вернуться беженцы и как их безопасность будет гарантирована. Международное посредничество и гарантированная помощь будет оказываться в соответствии с этой линией (Минская группа ОБСЕ, ООН и т. д.).

В случае же, если в урегулировании карабахского конфликта не наметится позитивных сдвигов, то возможно следующее опасное развитие событий:

а) Доходы от нефти могут дать возможность увеличить закупки вооружения в зарубежных странах. Если военные действия будут возобновлены или появится реальная угроза их возобновления, то интересы нефти будут проявляться не обязательно в вопросах самоопределения национальных меньшинств. До сих пор исторический опыт не содержит примера того, как происходит интервенция нефтяных интересов. В настоящее время "оккупированные территории" Азербайджана больше по размеру, чем сам Карабах и, по-видимому, никто со стороны не обвинит Баку, если он захочет вернуть эти территории.

Недавние заявления представителей обеих сторон конфликта вызывают тревогу, так как указывают на факты новых поставок оружия и среди них — ракеты с лазерной системой наведения

и антирадарные ракеты, некоторое количество боевых самолетов.

в) До тех пор, пока продолжается блокада, население будет мигрировать не в Армению, но подальше от нее. Результаты выборов и последующие события показывают, что Армения в глазах значительной части ее населения становится непривлекательной для проживания страной. Этническое "хранилище" Армении заметно уменьшилось из-за ухудшения экономических и социальных обстоятельств. Чем дольше армяне живут в российской, украинской, германской диаспоре, куда они убежали, потеряв надежду на улучшение жизни на родине в обозримом будущем, тем меньше их желание вернуться.

в) Несколько сотен тысяч беженцев из оккупированных земель вокруг Карабаха живут в лагерях. Эти лагеря выглядят так же, как те, которые можно было увидеть сразу после землетрясения 1988 г. в районах Спитака, Кировакана, Ленинакана и близлежащих деревень и городов. Эти лагеря могут стать источником нестабильности, подобно тому, как это произошло на Ближнем Востоке. Именно в таких лагерях появилось поколение Интифады, что сделало израильско-палестинский конфликт одним из самых ужасных проявлений терроризма. Израильтяне (а, похоже, и белые южноафриканцы) недооценили значение подобных лагерей как генератора ненависти. Взрывоопасность этой проблемы должна учитываться, когда рассматривается будущее Азербайджана. В настоящее время действительная обстановка в подобных лагерях, по-видимому, либо неизвестна в целом населению Армении, либо не осознается им. Выборочная оценка реальности, однако, не лучший советник в деле обеспечения безопасности.

Быть может Минская группа ОБСЕ извлечет урок из российского примера выхода из чеченского тупика, когда она будет возобновлять усилия по предотвращению нового обострения карабахского конфликта.

Различия и сходные черты кавказских конфликтов

Быть может не уникальность каждого из конфликтов на Кавказе, но наличие общих для них черт и дает шанс для разрядки здесь обстановки. Ведутся прямые переговоры сторон

в югоосетинском конфликте, существуют прагматичные действия России, установившей прямые контакты с чеченскими руководителями, проводятся совместные семинары неправительственных организаций в США, Австрии для грузин и абхазов — т. е. за пределами территорий и стран, но с согласия их руководства. Все это происходит, несмотря на отсутствие решения относительно статуса и сохранения разногласий по этому вопросу между сторонами конфликта. Отчего то же самое не может быть приемлемым для карабахских армян и азеров? До тех пор, пока обе стороны настаивают на том, что другая сторона конфликта сначала должна "потерять лицо", шансов для разрядки не будет. Но без разрядки и стабилизации обстановки нищета будет угрожать всему Кавказскому региону; и нефть здесь ничего не изменит. Доходы от нефти уплывут от государств региона вместе или без проживающего там населения. В случае, если все же конфликтная ситуация не будет урегулирована, это приведет к тому, что противоборствующие стороны продолжат, "зарывая политику соседа, зарывать себя".

В регионе много нефти. Но если время будет упущено, спорные проблемы, связанные с ней, в том числе, о путях транспортировки, могут вновь привести к кровопролитию. Разрядка должна произойти прежде, чем доходы от нефти будут вложены в оружие. Иначе потеря времени сейчас обернется потерей многих жизней позже!

***

В заключение остановимся на факторах, связанных с Кавказским регионом, которые могут так или иначе отразиться на европейской и, в частности, на германской политике.

1. Прежде всего, Европа и, особенно, Германия должны, по крайней мере, отчасти быть благодарны Шеварднадзе. "Угрозы" с Востока исчезли с приходом в свое время Шеварднадзе на должность руководителя МИД СССР.

2. К Кавказскому региону активный интерес проявляют и Россия, и США. Если они там столкнутся — а вероятность этого не исключена — Европа может вновь почувствовать на себе атмосферу напряженности между Востоком и Западом. И такой вариант предполагают и некоторые западные эксперты, в част-

ности, Пайс (например, статья в Форин Аффэрз". 1997. Сент/Октябрь).

3. Кавказский регион должен стать южным участком бывшего "шелкового пути" между Центральной Азией и Черным морем. Имеются грузы для транспортировки по железной дороге и трубопроводам: например, хлопок и энергоносители. Это привлекает внешний интерес.

4. Нормализация обстановки на Кавказе снизит напряженность внутри коллективных международных структур ОБСЕ, Совета Европы.

5. Уменьшится напряженность между "исламскими" и "христианскими" традициями. В долгосрочном плане Европа нуждается в "солнце над пустыней Сахара" по экологическим причинам, поэтому сотрудничество между подобными традициями окажется полезным.

6. Существуют диаспоры (армянская, курдская, турецкая) внутри Европы, у которых не должно быть "воюющих домов".

7. Каспийская нефть должна сделать Закавказье привлекательным регионом для европейского экспорта.

8. Некоторые конфликты на Кавказе могли бы создать напряженность между Россией и Турцией, что неблагоприятно отразится и на общеевропейских делах, в частности, в области европейской безопасности.

К. Геворгян

КАСПИЙСКАЯ НЕФТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Если бы в Каспии не было нефти, история, по крайней мере, в Закавказье, складывалась бы в XX в. иначе; если бы у руководства Азербайджана не было "нефтяного" аргумента, сегодняшняя региональная политическая борьба была бы менее острой. Итак, почти через год после прихода Гейдара Алиева к власти — в сентябре 1994 г. — Государственная национальная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) подписала контракт с Международным нефтяным консорциумом о разработке нефтяных месторождений, находящихся в азербайджанской прибрежной зоне Каспия. При реализации проекта Азербайджан сможет получать в бюджет от продажи "своей" части нефти до $ 1,13 млрд ежегодно.

Можно предположить, что шум вокруг нефтяного проекта поднят ныне не только из-за экономических, но и из-за политических причин, как мирового, так и местного значения. К примеру, реальное решение проблемы трубопровода при неразрешенности карабахского конфликта Азербайджану невыгодно, поскольку оно может привести к "кипрскому варианту".

К середине 1997 г. маршрут или маршруты транспортировки должны были быть окончательно определены, а к концу 1998 г. должны вступить в эксплуатацию. Проектов существует несколько:

1) российские (отметим — самые дешевые): Баку — Махачкала — Тихорецк — Новороссийск через Чечню и другой вариант — через Тихорецк в обход Чечни, далее — танкерами (то-есть предполагается протянуть новую нитку параллельно старой, открытым при этом пока остается вопрос о "чеченском" участке);

2) западный или грузинский: Баку — Поти и Баку — Батуми, далее танкерами;

3) турецкие: Баку — Батуми — Джейхан, Баку — Армения — Нахичевань — Джейхан (в двух вариантах), Поти — Трабзон

(танкерами) — Джейхан, Баку — Новороссийск — Самсун (танкерами) — Джейхан.

Накануне Всемирного экономического форума в Давосе в феврале 1995 г. официальные представители Турции неоднократно заявляли, что в связи с чеченскими событиями европейцы не захотят вкладывать деньги в район боевых действий, им не нравится и идея прокладки нефтепровода через Иран. Поэтому настало время выбрать для этой цели Турцию.

Турция препятствует российским проектам, противясь прохождению российских танкеров через Босфор и Дарданеллы и нарушая тем самым конвенцию Монтре о режиме проливов. Неподдельный интерес Турции заключается еще и в том, что, получив доступ к нефти бывшего СССР, она может освободиться от жесткой зависимости от ближневосточной нефти, в том числе иракской.

Турецким проектам может помешать война в Курдистане. В заявлении "О проекте строительства нефтепровода по территории Курдистана" от 1 марта 1996 г., распространенного в Москве среди участников международного семинара "Каспийская нефть и международная безопасность", подчеркивается, что без предварительных переговоров с Рабочей партией Курдистана и Фронтом национального освобождения Курдистана Турция не может стать гарантом безопасности транспортировки нефти. Строительство участков нефтепроводов через территорию Турции связано с трудностями горного рельефа, с необходимостью использования насосов при эксплуатации, а следовательно, и электроэнергии.

Западный и обходной российский варианты совсем невыгодны Чечне, которая может оказаться в стороне от транспортировки "большой" нефти. Кроме того, любые проекты, связанные с прокладкой через горы, попадают в зависимость от источников энергии для насосных станций. В этом плане на первое место выходит Армения со своей реконструированной АЭС и строительством на ней нового блока.

Что касается западного проекта, то показательно, что Турция не вложила в него $ 350 млн, поскольку Азербайджан не гарантировал транспортировку через ее территорию и, кроме

того, поскольку свободными валютными средствами даже для строительства нефтепровода по своей территории Турция не обладает. Однако в мае 1997 г. Алиевым подписано соответствующее соглашение с Эрбаканом, и, возможно, Турция "поддержит" этот проект.

Обращает на себя внимание особая внешнеполитическая активность Г. Алиева. В контексте СНГ эта активность реализуется в виде сближения с Грузией и Украиной и открытого торга с Россией, суть которого можно выразить так: "в обмен на участие в нефтяной сделке — открытую границу между Россией и Азербайджаном и "военное отсутствие" в Закавказье". От исхода этого торга и будет зависеть, в частности, изменение баланса сил между Азербайджаном и Карабахом, возможность решения карабахской проблемы по наиболее выгодному для Азербайджана сценарию. Интересно отметить, что уверенность внешнеполитического тона в данном случае обратно пропорциональна по силе тем деструктивным тенденциям, которые объективно существуют в АР. К ним относятся: усиливающийся энергетический кризис при критическом состоянии отрасли, миграция в Россию, дефицит квалифицированных кадров, продолжающийся спад производства, постоянное снижение уровня добычи нефти (ниже 12 млн т в 1996 г.) и необходимость докупать сырую нефть у России для дозагрузки нефтеперерабатывающих производств. В связи с этим возникает вопрос о той квалифицированной рабочей силе, которая должна будет обеспечить добычу "большой" нефти, ведь для возрождения отрасли кадры придется привлекать извне, обеспечивая им удовлетворительный уровень жизни. При этом внутреннее положение в республике характеризуется клановостью в управлении, а соответственно, и чрезвычайно низким уровнем ротации элиты. Все это происходит на фоне падения уровня жизни населения и бесчисленных социальных проблем, из которых особо выделяется проблема беженцев; на ее решение, даже при "идеальном" для Азербайджана решении карабахского конфликта, найти средства весьма проблематично.

Каким же реальным весом обладает этот "нефтяной" политический аргумент? Во что могут обойтись России политические

уступки, с ним связанные? Насколько контролируемы политические процессы в Закавказье и вокруг него? Во что же на деле может превратиться игра с нефтью в случае реализации проекта?

Есть основания предполагать, что международный "контракт века" о добыче каспийской нефти сроком на тридцать лет (в который позднее была включена российская компания "ЛУКойл") и серия последующих контрактов, не только могут не дать России обещанных фантастических прибылей, но и обернуться геостратегическими потерями для нее, и, образно выражаясь, стать тем самым кувшином из рассказов о Насреддине, в котором масло (а в нашем случае — нефть) было только тонким верхним слоем. Каспий может стать уменьшенной моделью отношений России (ответчик за риски и последствия) и разбежавшихся во все стороны соседей (пока выгодно — порознь, и вместе — когда невмочь). Когда к 2030 г. зарубежные нефтяные компании и национальные элиты новых независимых республик снимут пенки, Азербайджан, Казахстан и Туркмения от этой мертвой лужи — Каспия — отвернутся, их вожди уйдут на покой и умрут не в нищете, а России останется допивать то, что осталось в этом обесцененном "кувшине": быть может, такой нагрузки она и "не потянет", но тянуть-то будет вынуждена!

При ответственном подходе следует очень хорошо взвесить экологические потери. Из-за резкого увеличения нефтегазодобычи неизбежно повышается уровень загрязнения моря и участков нефтепроводов. При загрязнении моря встает (а вернее — почти отпадает) вопрос о сохранении ценных промысловых рыб Каспия. Отметим, что специалисты уже сейчас бьют тревогу: из-за хищнической браконьерской добычи численность осетровых резко снижается. Реализацию программы по их сохранению из прикаспийских стран в состоянии взять на себя только Россия и Иран. В море сосредоточено 80% мировых запасов осетровых рыб, прибыль от промысла которых, по оценкам специалистов, сопоставима с доходами от нефтедобычи, но при разумном хозяйствовании эти ресурсы возобновляемы, если не вечны. Необходимо оценить возможный прямой и косвенный ущерб хотя бы сейчас, до начала серьезной нефтедобычи, в

соответствии с постановлением правительства России от 5 января 1995 г. Однако нефтяные компании уклоняются от проведения расширенной экологической экспертизы в стремлении к быстрой выгоде. У Минприроды РФ на это нет средств, что же касается частных экспертиз, то по причинам конъюнктурного характера им доверять нельзя.

Вообще экологическая ситуация в регионе близка к катастрофической и может перерасти в фактор политической нестабильности, провоцирующей и усиливающей деструктивные процессы. Возможно, эти риски недостаточно опасны для нефтяных компаний, однако, вряд ли они не скажутся на международной обстановке в целом, поскольку эти процессы могут произвести эффект "снежного кома", — распространиться не только на Закавказье, но и на Россию, Средний и Ближний Восток.

Помимо повышения уровня Каспия и затопления прибрежных зон в Астраханской области, Дагестане, Калмыкии и Азербайджане, все растущего опустынивания и засаливания почв в Калмыкии в связи с неудачной мелиорацией — возрастают риски технологических катастроф в результате недосмотра или диверсий. Относительно повышения уровня Каспийского моря специалисты Азербайджана приводят такие данные: к 2010 г. он может подняться еще на 25 метров (!). Только в Азербайджане затоплению подвергнется 800 км береговой линии. Глубина возможного максимального затопления составляет 25 — 35 км, а подтопления — 35 — 40 км. Уже сейчас затоплены с/х угодья Ленкоранского и Астаринского районов. В опасной зоне находятся города и населенные пункты с общей численностью около 700 тысяч человек, а в ряде населенных пунктов требуется экстренная эвакуация. Необходим перенос автомобильных дорог, проходящих вдоль береговой линии от Дагестана до иранской границы. Также требуется перенос всех линий электропередач из этой зоны — более 200 тысяч км. Под угрозой затопления и разрушения находятся все морские и стационарные платформы, сооружения и причалы Бакинского порта. В целом возможный прямой ущерб оценивается в два миллиарда долларов, а косвенный — в четыре миллиарда.

Сразу же после подписания контракта обозреватели отмечали, что от Каспия до Персидского залива протянулась своеобразная "дуга напряженности". Тогда же комментатор радио "Свобода" известил мир, что в районе Кавказа столкнулись интересы России и США. Конечно, это громкая фраза в стиле журналистских сенсаций, и отношения между Россией и США и Россией и Западом недальновидно сводить к простому знаменателю. Безусловно, образ "Запада" не может представляться ни единым, ни нерушимо монолитным. Разумеется, существуют противоречия — как внутри каждой из стран, так и между США и Европой, и далее — между ведущими странами Европы, однако, вряд ли эти противоречия могут обостриться лишь в связи с различными подходами к политике в Закавказье и на Среднем Востоке.

То же самое можно сказать и о прозападной позиции Турции или Азербайджана или об однозначности антироссийской политики Г. Алиева или Э. Шеварднадзе, или Л. Кучмы. Однако то, что каспийский проект усложняет политическую обстановку — и не только в Закавказье — представляется несомненным.

Даже предвидя сложный ход событий, Азербайджан пошел на сделку с западными партнерами. Россия отреагировала на это неоднозначно: МИД поставил вопрос о статусе Каспия, базируясь на двух советско-иранских договорах — 1921 и 1940 годов, в которых, однако, нет никаких указаний, как пользоваться дном этого водоема, а потому МИД РФ выступил инициатором создания специального соглашения по биоресурсам. Это мнение шло вразрез с уже существующими соглашениями: 1) "Об основах совместной деятельности Государственной Нефтяной Компании Азербайджанской Республики и Акционерного общества "Нефтяная компания "ЛУКойл" от 17 сентября 1993 г., подписанным соответственно Н. А. Алиевым и В. Ю. Алекперовым; 2) "О создании совместного предприятия по разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений между Государственной Нефтяной компанией Азербайджанской Республики и Акционерным обществом "Нефтяная компания "ЛУКойл" Российской Федерации", подписанным 20 ноября того же года

за правительство РФ Ю. Шафранником, тогдашним министром Министерства топлива и энергетики.

"Контракт века" подписан 20 сентября 1994 г. (Азери Чираг, глубоководная часть Гюнешли); заявленные в нем запасы — 510 млн т, реальные — 150 млн. Капвложения — $ 8 млрд. Участники: АМОКО — 17%, Экссон — 8%, Пеннзойл — 4,8%, Юнокал — 10,1%, Би-Пи — ГНАР — 10%, РАМКО — 2,1%, ЛУКойл — 10%, Статойл — 8,6%, Туркиш петролеум — 6,7%, ИТОЧУ — 3,9%, Дельта пимес — 1,7%.

Контракт по "Карабаху" подписан 10 ноября 1995 г. Декларировано 200 млн т, реально — 50 млн. Капвложения — $ 1,5 млрд. Участники: Пеннзойл — 30%, ГНКАР — 7,5%, Аджип — 5%, ЛУКойл — 7,5%, СП ЛУК-Аджип — 50%.

Контракт по Ленкорань-дениз Подписан в январе 1997 г. Декларированные запасы — 120 млн т, реальные — 20 млн. Капвложения — $ 2 млрд. Известны доли Эльф Акитен — 75% и ГНКАР — 25%.

Контракт по Шахдениз подписан 4 июня 1996 г. Заявлено 230 млн т. Капвложения — $ 4 млрд, однако эта сумма может возрасти в связи со сложностями разработки. Долевое участие: ГНКАР — 10%, ЛУКойл — 10%, ОПЕС (Иран) — 10%, Эльф Акитен — 10%, Туркиш петролиум — 9%, Би-Пи — 25,5%, Статойл — 25,5%.

С точки зрения МИД РФ, Каспийское море — это озеро, в котором любые односторонние действия неизбежно затрагивают интересы всех. Из итогов встречи министров иностранных дел прикаспийских государств, состоявшейся в ноябре 1996 г. в Ашхабаде, стало очевидно, что на той же позиции стоят Иран и Туркмения, однако Азербайджан при поддержке Казахстана настаивал на разделении Каспия на сектора. Причины понятны: в этом случае последние две страны получают самые нефтеносные участки. Однако этот спор о "кусках" запускает центробежные процессы в России: вслед за Чечней суверенитета, только в данном случае — с куском шельфа, могут потребовать Дагестан, Калмыкия и даже Астраханская область.

По оценкам российских геологов, разведанные запасы составляют 12 млрд т условного топлива, в том числе около 7 млрд

т нефти. Если прикаспийские страны договорятся о разделе Каспия на сектора как пограничного озера, то Казахстан получит доступ к 4,5 млрд тонн условного топлива, Азербайджан — к 4 млрд, Россия — к 2 млрд, Туркмения — к 1,5 млрд. Качество нефти в азербайджанской зоне — несколько выше.

Если будет принята концепция замкнутого моря, то Каспий должен стать зоной кондоминимума прикаспийских государств с 12-мильной зоной территориальных вод каждой из них. В этом случае все страны будут иметь равные права на разработку месторождений центральной части моря. В прибрежной зоне Азербайджан и Казахстан будут иметь по 1 млрд ТУТ, Россия — 0,5 млрд и Туркмения — 0,3 млрд. При этом каждое из названных государств будет иметь право на разработку еще по 2,3 из 9,2 млрд ТУТ в центральной части моря, а с учетом равноправного участия Ирана — по 1,84 млрд (за пограничной линией Астара — Гасан-Кули иранские шельфовые запасы оцениваются лишь в 800 млн т газа и в 100 млн т нефти).

По оценкам российского Министерства топлива и энергетики, общий экспортный потенциал Каспия не превышает 70 — 80 млн т нефти в год. Нынешняя пропускная способность новороссийского терминала, с которого отгружается в первую очередь российская нефть, — 32 млн т в год.

На мировые рынки нефти эти объемы существенно повлиять не могут. Страны, по которым потечет азербайджанская нефть (от 18 до 35 млн т), будут получать около $ 1 млрд в год.

Рассмотрим список тех стран, которым прежде всего нужна каспийская нефть. Из стран СНГ — это Армения, Грузия и Украина. В каждой из них общий кризис характеризуется своими особенностями, однако их "покупательную способность" можно оценивать как очень низкую. (Кроме того, учитывая невысокие нефтяные "аппетиты" Армении, можно предположить, что их вполне удовлетворят иранские поставки). Украина стремится избавиться от энергетической зависимости от России, которая невыгодна самой России ни в экономическом, ни в политическом плане. Кроме того, у Украины нет свободных валютных средств для участия в строительстве нефтепроводов. России как терпеливому кредитору, надежному поставщику и

предсказуемому политическому партнеру для Украины реальной альтернативы нет. Что касается Грузии, то судя по ее сегодняшнему положению, она нескоро станет платежеспособным покупателем, и ее единственный козырь — это интрига вокруг транспортного маршрута, при этом доходы от транзита — единственный в ближайшее время способ расплачиваться за поставки нефти для ее собственных нужд.

Относительно заинтересованности Турции в каспийской нефти следует сказать следующее. Ситуация, в которой она оказалась, отличается двойственностью. С одной стороны, при уже готовой инфраструктуре (трубопровод, нефтяные терминалы) ей гораздо выгоднее покупать и транспортировать в третьи страны иракскую нефть. В случае серьезного ослабления блокады Ирака неизбежно и резко упадет интерес Турции к Каспию, а соответственно, резко снизится давление нефтяного аргумента на урегулирование карабахского конфликта. С другой стороны, будучи на коротком поводке у партнеров по НАТО и ЕС, у крупных кредиторов, существующих и потенциальных, — она вынуждена присоединяться к мерам по блокаде Ирака и нести при этом убытки, в том числе, продвигая альтернативный каспийский проект.

Что касается выгод каспийского проекта для нефтяных компаний, то участницы проекта будут делить между собой $ 2 млрд ежегодно, а также получать выигрыш от повышения курса своих акций (например, компания "Шеврон", вложив $ 700 млн в освоение казахстанского месторождения Тенгиз, получила за 5 лет лишь 150 млн прибыли от продажи нефти, но еще от 1,5 до 2 млрд — благодаря повышению курса акций).

Считается, что Азербайджан располагает значительными на Каспии запасами высококачественной (малосернистой, "легкой") нефти и предполагается, что он сможет экспортировать от 18 до 35 млн т ежегодно. Разведанные запасы шельфа, по утверждениям азербайджанских республиканских министерств, ведомств и нефтяных компаний, составляют 2,3 млрд т, а неоткрытые — более 3 млрд т, что составляет, по разным оценкам, от 1 до 3% мировых неоткрытых запасов. (Неоткрытые казахстанские запасы в Каспии оцениваются в 3, 5 млрд

т). Однако, по данным независимого азербайджанского источника, цифры декларируемых на сегодняшний день запасов завышены. Суммарные реальные запасы нефти по контрактам могут составлять не 1 млрд 60 млн т, а не более 450 млн т. По первому контракту предполагается, что доля ЛУКойла после возмещения всех капитальных и эксплуатационных расходов составит от 6 до 7,5 млн т нефти или $ 780 — 975 млн — около 100% прибыли на капитальные вложения. Доход бюджета РФ от участия АО ЛУКойл в проекте в виде налогов и специальных сборов обещает составить аж $ 350 млн за 30 лет, т. е. раз в год бюджет РФ будет получать неполные 12 млн долларов. (Эти цифры приведены в "Справке о работе Нефтяной компании "ЛУКойл" по нефтяным проектам в Азербайджанской Республике", представленной к парламентским слушаниям "О положении в зоне Нагорно-Карабахского конфликта", состоявшимся в 1995 г.).

Правда, это не все, на что может рассчитывать Россия: ведь госпакет составляет 45%; но где гарантии, что хоть часть полученных доходов компания (богатейший и крупнейший должник в России) отдаст на дивиденды? Безусловно, остаются еще доходы от транспортировки нефти, однако и здесь бюджет может твердо рассчитывать лишь на налоги с доходов Каспийского трубопроводного консорциума.

Затяжной кризис, охвативший пространство бывшего СССР, минимизирует возможности и роль России на этом пространстве, подрывает, в частности, ее геополитические интересы. Можно по-разному оценивать те ресурсы, которыми сегодня обладает Россия для сохранения своего влияния на страны СНГ и обеспечения тем самым своих интересов. Вопреки сложившемуся мнению, у России они есть, и она может использовать их в этих целях.

Безрадостное своеобразие сегодняшнего российского внешнеполитического курса — в отсутствии продуктивной концепции и в перенесении внутренних противоречий и противостояний в сферу внешней политики. Так, например, руководство топливно-энергетического комплекса стремится лоббировать свои интересы в странах СНГ, что порой соотвествует интересам государства, а порой идет с ними вразрез. То же касается интересов высших военных и военно-промышленных кругов, причем интересы этих сил могут сходиться, как сейчас, а могут разойтись.

Относительно интересов западных нефтяных компаний, уместно предположить, что за прямым интересом — нефтяными доходами — стоит и другой. Опираясь на поддержку своих государств и пробивая их политическое и военное присутствие в Закавказье, всячески способствуя уходу России из этого региона, они добиваются для себя неограниченного контроля над Ближним и Средним Востоком, ближневосточной и среднеазиатской нефтью (запасы которой неизмеримо больше каспийских), а для Запада в целом — реальной возможности полностью "загнать в угол" непокорных, к которым относятся сегодня Иран и Ирак. Ведь страны Запада, в первую очередь США, через десять лет могут полностью оказаться в нефтяной зависимости от ведущей пятерки нефтедобывающих стран, среди которых — обе эти "империи зла". Мы наблюдаем сейчас усиление антииранской кампании в западных СМИ, дипломатические "разборки" между Турцией и Ираном и одновременные попытки Ирана активизировать процесс политического сближения с Россией. Освоив южные тылы России, резко ограничив сферы ее влияния и вес в международном сообществе, Запад мог бы получить широкую возможность контроля и над ее сырьевыми запасами, в т. ч. — нефтью и газом.

Библиография

1. Каспийская нефть и международная безопасность. Сборник. Вып. 1,2. М. 1995. 1997.
2. Нагорно-Карабахский конфликт. Независимая газета. 1997. 8 августа. (Приложение)
3. Россия и Турция на рубеже XXI в. Издание Московского центра Карнеги. М. 1997.
4. Страны бывшего СССР и европейская безопасность. М. 1994.
5. Распад и рождение государств. Pro et Contra. М. 1997.

С. Власов

ПОЛИТИКА УКРАИНЫ В РЕГИОНЕ КАВКАЗА

Украинская политика в отношении государств Кавказа, а также региона в целом имеет несколько принципиальных черт, которые характерны для дистанцированного восприятия "не своих проблем". В этом смысле политику Украины можно назвать сформировавшейся, т. е. в полной мере ощущающей себя субъектом и самостоятельным объектом международных интересов. Идет динамичный процесс поиска Украиной приоритетных направлений политики и партнеров для взаимодействия в этом регионе. Украинская политика на Кавказе:

а) детерминирована экономическими интересами, которые, в свою очередь, рассматриваются с геополитической точки зрения;

б) характеризуется общерегиональным подходом — региональные интересы определяют отношения с отдельными государствами, а не наоборот;

в) не акцентируется на отдельных деталях, не углубляется в них. В силу этого, практически невозможно выделить ее позицию по часто существенным для развития региона и отдельных стран проблемам.

Основные проблемы Кавказа: взгляд из Украины

Подход Украины к оценке места Кавказа в ее внешней политике отличают черты глобальности, которые связаны с возрастанием роли каспийского региона в мировой системе поставок энергоносителей и естественной заинтересованности в них, в силу географических факторов, Украины. Известно, что создание "славянской" ветви инфраструктуры этих поставок, которая должна стать альтернативой "мусульманской", является составной частью западной стратегии, формирующей новую систему международных отношений, которая уже сейчас заменяет прежний блоковый "Восточно-Западный" подход в мировой политике.

Сопротивление этой глобальной тенденции — смене парадигм безопасности развития с военно-политической на экономическую — можно видеть в позиции некоторых российских политиков. Но их аргументация с позиций географических направлений тоже все больше приобретает экономическое содержание. Способы же разрешения российских экономических проблем они излагают, все еще прибегая скорее к военной, чем экономической аргументации.

Существующая и будущая инфраструктура поставок нефти, газа и энергопродуктов в Европу является камнем преткновения (в отсутствие пока самих новых объемов поставок) и "яблоком раздора" между Россией и отдельными республиками Закавказья, а также между самими регионами и государствами Кавказа. Пути транспортировки нефти и газа являются и предметом основных интересов Украины, поскольку в будущем они могут стать для нее главным источником внешних финансовых поступлений.

Участники этого "поля интересов" усиленно ищут рычаги влияния в регионе. Этим, например, можно объяснить "вечность" проблемы Нагорного Карабаха, которая является "уязвимым местом" Азербайджана, а не Армении, эффективным регулятором его "нефтяной" политики; в существовании конфликта заинтересованы и Россия, и другие азербайджанские партнеры, каким бы циничным это ни казалось.

Чеченский конфликт также не выходит за рамки интересов контроля за инфраструктурой поставок энергоносителей. Отличие ситуации здесь состоит в том, что чеченская сторона планирует создание независимого государства Ичкерия. Невозможно представить, что эта проблема может быть Чечней решена военным путем, даже если учесть низкое моральное и техническое состояние российской армии. Серьезно рассматривать проблему обретения кавказскими этносами государственной независимости от России можно только в правовых рамках. Именно так она де-факто воспринимается обеими участвующими сторонами. Чеченская сторона должна отчетливо сознавать, что военный путь только разогревает интерес, но ни в коей мере не приближает решение самой проблемы получения независимости.

Не воспринимала де-факто и Россия "чеченскую войну" как

действительное желание Ичкерии выйти из состава России, поскольку военные действия больше походили на гражданскую войну, а не на вооруженное противостояние государств. Взять хотя бы ее реакцию на террористические акции, которые проводила чеченская сторона, например, в Буденновске. Ее никак не назовешь реакцией государства, ведущего боевые действия с другим государством, поскольку основным проявлением этой реакции стали кадровые выводы, причем на уровне сотрудников госавтоинспекции.

В средствах массовой информации все вращалось вокруг проблемы независимости; в политических кругах — вокруг противоречий между различными группировками московского истеблишмента; объектом противоречий служила все та же "нефтяная труба", вернее, степень контроля над ней.

Таким характер "чеченского конфликта" в целом восприняло мировое сообщество, поскольку сконцентрировало протесты на "нарушениях прав человека" в ходе военных действий, а не на проблеме обретения независимости Ичкерией.

Сдержанность Киева в этом отношении объясняется отсутствием у Украины убедительных аргументов в пользу стремления чеченцев к реальной государственной независимости.

Общие принципы и интересы политики Украины на Кавказе

Основным из них является принцип нерушимости государственных границ. При этом присутствует ясное представление о его атавистичности, но для Украины, создающей свое правовое поле, соблюдение зафиксированных норм международного права является непререкаемым принципом. В частности, с принципом нерушимости границ связано недавнее завершение договорно-правового оформления отношений со всеми соседями, а вместе с этим — урегулирование проблемы взаимных территориальных претензий, которые Украина имеет практически ко всем своим соседям. Именно поэтому она вынуждена поддерживать этот принцип, как и 9 остальных принципов хельсинкского Заключительного акта.

Формула достаточно проста: вначале существующие нормы нужно чем-то заменить. Простое их игнорирование приносит

больше проблем, чем соблюдение. Это — исчерпывающее объяснение отношения к проблемам Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии. Поддержание статус-кво менее проблемно в сопоставлении с бесконечным процессом переделки этнических границ.

Интересы Украины в Кавказском регионе связаны со следующими направлениями:

1. Создание транскавказского транспортного коридора, замыкающегося на ее территорию.
2. Доступ к рынку закупки и сбыта сельскохозяйственной продукции.
3. Приобретение рынка сбыта вооружений и военных технологий.
4. Выход на рынки Востока (Иран, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Турция, страны Аравийского полуострова и др.).

Этот комплекс общих интересов имеет страновые прикладные акценты и особенности.

Азербайджан

В декабре 1996 г. в Одессе подписано трехстороннее транспортное соглашение между Азербайджаном, Грузией и Украиной. Оно создало возможности открытия регулярного паромного сообщения по маршруту Одесса-Поти, создания транскавказского транспортного коридора, а также трубопроводной и морской транспортировки нефти из каспийских месторождений как в Украину, так и в Европу через территорию Украины.

Кроме того, для нас представляет интерес группа товаров азербайджанского машиностроения (электродвигатели, трансформаторы, кондиционеры, автомобили спецназначения, электроизоляторы), агропромышленного комплекса и текстильной промышленности, а также создание совместных производств в сферах нефтегазовой, пищевой, легкой промышленности.

В свою очередь, ощущается встречный интерес к украинской продукции черной металлургии, химпрома, машиностроения и сельскохозяйственной отрасли.

Украина хочет предложить также свои легковые автомобили и грузовики, трубы, прокат, гидротурбины, трактора, сельхоз-

технику и запчасти, лекарства, краски, лаки и значительно расширить поставки сельскохозяйственной продукции, в частности, зерна, сахара, масла.

Большое внимание уделяется созданию двусторонней межправительственной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества. Особая тема отношений — проблема украинского долга Азербайджану, который в начале 1997 г. составлял 15 млн долл. США.

Взаимный интерес присутствует в сфере сотрудничества между ВПК обеих стран, в частности, по проблемам модернизации и перевооружения азербайджанской армии. При этом Украина особо отмечает, что это сотрудничество развивается не во вред ее отношениям с Арменией и при строгом соблюдении резолюций Совета Безопасности ООН (822, 853, 874, 884) с призывом к третьим странам о непоставках оружия конфликтующим сторонам.

Обе страны выступают против создания любых надгосударственных структур в СНГ.

Грузия

Через нее и вместе с ней Украина собирается решать вопросы диверсификации источников поставок нефти и газа. Территория Грузии является транзитной для сотрудничества с Азербайджаном и Арменией, а также другими странами Азиатского региона, в том числе и Аравийского полуострова.

В области внешнеэкономического сотрудничества Украина свои предложения концентрирует на товарах черной металлургии, легкой и пищевой промышленности.

Проблемы взаимодействия в сфере ВПК, создания транскавказского транспортного коридора, трансферта энергоносителей составляют главную область совпадения интересов.

Потенциал расширения торговли достаточно велик, учитывая то, что грузинские электростанции на 90% ранее комплектовались оборудованием из Украины. Грузия закупала также большие объемы продукции украинской черной металлургии.

Обе страны сближает стремление к доминированию двусторонних отношений в рамках СНГ, а также стремление к интеграции в мировые политические и экономические институты.

В отношении Южной Осетии и Абхазии Украина выступает

против любых неурегулированных мирным путем территориальных перемен.

Армения

Главным фактором сотрудничества с Арменией является выгодная для Украины схема взаимодополняемого товарооборота. Украина нуждается в армянских цветных металлах, продуктах химической, машиностроительной, электротехнической сфер, легкой промышленности.

Товарооборот в целом имеет устойчивую тенденцию к росту, при этом в очень выгодной пропорции. В 1996 г. он составил 29 млн долл. Это более, чем в 2 раза превосходит объем 1995 г. Экспорт Украины составляет 24,7 млн против 4,3 млн долл. импорта (в процентном отношении — 85 к 15). При этом основную часть армянского импорта из Украины составляют продукты питания. Существует также устойчивый и перспективный интерес к продукции черной металлургии, легкой и пищевой промышленности.

Не раз Армения декларировала свою заинтересованность в сотрудничестве с украинским ВПК.

Напряжение в отношениях двух стран создает разная оценка принципа нерушимости государственных границ, который Украина рассматривает как основу будущей системы европейской безопасности, а Армения подчиняет его другому принципу Хельсинки: праву народов на самоопределение. Это противоречие проявляется в различной оценке путей разрешения проблемы Нагорного Карабаха.

Самое серьезное поле напряжения в отношениях создают две проблемы:

а) негативная оценка РА планов строительства транскавказской системы нефтепроводов (Азербайджан-Грузия-Украина), которая может изолировать Армению от мирового энерготранспорта. Но Украина, в принципе, не возражает против присоединения РА к соответствующему договору между Азербайджаном, Грузией и Украиной;

б) закупка Азербайджаном боевых самолетов и танков в Украине (закупки были сделаны в 1993 г.).

Стремясь избегать напряжения в украинско-армянской по-

литике, Украина пытается проводить линию на сбалансированность отношений с каждым из кавказских государств, что, правда, не всегда получается.

Стратегические проблемы взаимных отношений

Главной из них является отсутствие материальных ресурсов у сторон. Разруха и экономический спад на Кавказе, экономический кризис в Украине во многих случаях делают фундамент сотрудничества зыбким. Но это же иногда выступает и сближающим фактором.

Другой проблемой, которая осложняет процесс адаптации к внешним факторам развития, является проблема разных уровней активности внутри государств Кавказа и в Украине (она характерна и для остальных участников так называемого процесса трансформации в постсоветском пространстве) и внешнего "поля интересов", в частности, идущего с Запада. Пока на Кавказе увлечены государственным строительством, т. е. государственным обустройством этноса (уровень культурно-духовный), мир рассматривает Кавказ как экономически стратегический регион. Разрыв между госстроительством и его экономической целесообразностью позволяет внешним партнерам занимать макроэкономическую нишу, образовавшуюся как внутри государств, так и в целом в регионе, реализовывая свои интересы, и там доминировать.

Чрезмерная увлеченность этническим романтизмом, обзаведение госатрибутикой создают иллюзию самостоятельности и независимости. На самом деле эти понятия уже лет десять имеют больше экономическое, а не военно-политическое содержание. Собственно говоря, проблема в том, чтобы за деревьями видеть лес, то есть в процессе движения к государству не забывать, зачем оно необходимо, с точки зрения общественного развития.

Третьей общей проблемой является проблема ориентации на прошлое в политике. Примером является все та же борьба за госатрибутику, а также очень болезненная тема о создании собственной нации.

Автор представляет понятие "нация" в виде формулы: "нация = этнос + государство"[1]. При этом очень важно то, что

для становления нации необходим период развития национального государства со всеми его атрибутами (границы, идеология, армия, гражданство). Сейчас все эти институты серьезно деформированы в сторону редуцирования их роли в развитии общества. Поэтому о создании классического государства в настоящее время говорить не приходится. Во всяком случае, в сфере интересов европейской политики безопасности, к которой относится рассматриваемый регион.

Таким образом, как ориентация на создание сильных институтов государства, так и борьба за строительство нации — это ориентация на прошлое.

Адекватной интересам развития может быть названа только политика корреляции импульсов, которые идут от этносов и экономических интересов.

Это же относится и к оценке кавказских конфликтов как этнических. Не нужно увлекаться этнической внешней оболочкой конфликтов, надо всегда иметь в виду их цель, которая, как правило, экономически детерминирована и заключается в формировании силового фактора для влияния на экономические процессы в регионе.

Именно поэтому, если и может существовать такое понятие, как "кавказский дом", то оно, как и "европейский дом" должно подразумевать не географическое, не этническое, а экономическое содержание, гарантированное военно-политической системой безопасности.

Четвертой проблемой является проблема "коренных" народов. Она появилась и имеет значение с точки зрения закономерностей общественного структурирования. В Украине актуально она звучит в Крыму. На Кавказе — сопровождает все конфликтные ситуации.

Употребляемая при этом трактовка значительно отличается от международно признанной. Если последняя выделяет три основных компонента: "малочисленность", " автохтонность " и отсутствие собственной государственности, то в крымском и кавказском случаях внимание акцентируется преимущественно на третьем.

Постсоветский спор о коренных и некоренных нациях, о титульных и нетитульных нациях, о нациях и ненациях, о коренных и некоренных народах, об этносах и неэтносах напо-

минает спор детей в старом, бедном, грязном, разрушенном дворе о том, кто выше, или кто умнее, или у кого меньше заплат на штанах. Или депутата в дешевой парикмахерской Верховной Рады, который долго обсуждает, какие виски — прямые или косые — ему сделать. Во всех случаях — помочь трудно. Совет может быть один: заработайте деньги на хорошую парикмахерскую. Иными словами: вместо поисков оснований для передела собственности, займитесь ее созданием, то есть — производством.

Политика России

Как таковая она отсутствует (об этом четко говорят и московские ученые) [2].

Впрочем, необходимо уточнить и само понятие "Россия" с точки зрения ее возможностей. Это — регион с быстро развивающимися дифференциальными тенденциями, внутри которого отсутствует глубокая устойчивая структурированность. Политически — это больше "Московия", которую все еще объединяет и поддерживает стремление выгодней для себя распределить деньги, поступающие от Запада. Этими же деньгами заинтересовывают региональных лидеров, которые не контролируют процесс в самих регионах. Преобладающими технологиями в промышленности становятся все больше добывающие. Генеральная тенденция в политическом развитии и политический менталитет все больше тяготеют к монархическим. Центр слабо вмешивается в жизнь регионов, все отдано "на откуп" губернаторам, которые являются там полновластными хозяевами. Доминирующее правило в отношениях центра и регионов — взаимная индульгенция, которая действует до каких-либо чрезвычайных событий, задевающих интересы центра, или центр сам обнаруживает появление своих интересов в каком-нибудь регионе страны. Тогда региону "не повезло". Так случилось и с Кавказом, в котором заинтересованы и где определяют политику "нефтяной комплекс" и ВПК.

Украина также испытывает на себе проявления "кавказской политики" России. Главное из них состоит в том, что последняя хочет сохранить максимальное влияние в регионе, через который будет осуществляться поставка каспийских энергоносителей в Европу, то есть в Крыму, который экономически тяготеет к Кавказу и Турции. Формулы, которые использует Россия в политике относительно Крыма, не могут считаться "стопроцентными". В частности, по формуле, которая применяется в отношении Севастополя — как "символа" ("город русской славы") можно объявить российским и Киев, поскольку там уже несколько лет в Институте археологии беспризорно лежат останки основателя Москвы Юрия Долгорукого, найденные при восстановлении Церкви Спаса на Берестове в Киево-Печерской лавре.

В целом "российский фактор" на Кавказе является эффективным на взгляд из Украины и целесообразным для самого региона, поскольку позволяет привлечь другие векторы, которые могут быть более эффективными для развития региона.

***

В заключение еще раз подчеркнем: экономическая жизнь в Украине все активнее закручивается на интересах транзитных кавказских и западных нефтеденег. Создан государственный концерн "Укртранснефть", которому подчинены все мощности страны по нефтетранспорту. Внутренний рынок структурируется по принципу связей с поставщиками энергоносителей.

Тем не менее, до каспийского потока еще очень далеко. В нестабильный регион Кавказа пока не пойдут большие деньги. Поэтому быстрей всего не "труба" принесет мир на Кавказ, а наоборот, экономическое развитие региона зависит от степени его политической стабильности. Какое-то время для осмысления этой зависимости еще есть. Серия внутрикавказских войн должна иметь завершение в виде договора о принципах внутрикавказских отношений, закрепленных в соответствующей хартии. Лучше, если это будет сделано по представительской формуле "государства + народы". При этом надо не забыть поставить побольше памятников в духе "как мы хорошо били друг друга", по примеру лондонских воспоминаний об истории англо-французских отношений.

Библиография

1. См. Власов С. Н. Государство и некоторые его институты в новом конфликте безопасности. Киев. 1991.

2. См. Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе; Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988 — 1994. В кн. "Спорные границы на Кавказе". М. 1996.

М. Баснукаев

РОССИЯ И ЧЕЧНЯ: ИСТОКИ КОНФЛИКТА И ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ

Различные факторы: геополитические, экономические, этнодемографические в разной степени влияют на характер взаимоотношений России и Чечни. Каждый из этих факторов сыграл определенную роль в возникновении военного конфликта между Россией и Чечней.

Геополитическое значение Чечни для России возросло с конца 1991 г. после распада СССР. Если Россия и смогла бы терпеть Чечню в качестве одного из субъектов единого государства, то она решительно не захотела воспринимать ее как суверенное соседнее государство. Одновременно для России в постсоюзной ситуации принципиально важным стало оформление государственной границы с закавказскими республиками по Главному Кавказскому хребту.

Экономические интересы России и Чечни с конца прошлого века определялись наличием в республике нефти. Вместе с тем свыше 2/3 из более чем 350 млн тонн нефти, добытой из недр республики, приходится на последние тридцать лет. При этом чеченская нефть весьма высокого качества. Правда, в Чечне наблюдается ежегодное падение добычи нефти, в последние годы она не превышала 1 % общего уровня добычи в РФ. Однако удельный вес добычи в масштабах Северного Кавказа остается еще достаточно высоким.

Несмотря на то, что промышленный, и прежде всего, нефтяной потенциал республики еще достаточно велик для удовлетворения нужд самой Чечни, в целом нефтяной комплекс Чечни в его нынешнем состоянии (в довоенный период и, тем более, в послевоенный) не является фактором, вынуждающим Россию видеть в этом свои главные экономические интересы.

Более существенным в экономическом плане для России является наличие в Чечне разветвленной транспортной сети. Транспортная инфраструктура - один из важнейших и самых уязвимых стратегических компонентов хозяйственного комплекса России в Северокавказском регионе. По чеченской земле проходят железнодорожная и автомагистраль Ростов-Баку (М-29), при этом железнодорожная магистраль имеет две ветки: Прохладный - Моздок - Гудермес - Хасавюрт и Прохладный - Беслан - Грозный - Гудермес - Хасавюрт. Первая ветка сопровождается автодорогой второго порядка и основной транспортной ЛЭП и имеет протяженность 125 км по территории Чечни. Вторая ветка сопровождается основной автомагистралью, здесь выше грузо- и пассажиронапряженность. Помимо Грозного, стратегическое значение для Чечни, а следовательно, и для России, имеет Гудермес. Через этот город проходит отрезок железной дороги из Азербайджана в Россию.

Эти магистрали, а также нефтепровод Баку - Новороссийск, трассы газопроводов и другие коммуникации имеют стратегическое значение не только для Чечни и России, но и для закавказских государств.

В последнее время особое значение приобрел нефтепровод Баку - Новороссийск в связи с заключением контракта по освоению трех азербайджанских месторождений в открытом море в районе Нефтяных Камней. Такие компании, как Бритиш петролеум (Великобритания), Амоко (США), Государственная нефтяная компания Азербайджана, Лукойл (Россия), Пеннзойл (США), Статойл (Норвегия), Турецкое акционерное общество нефти, Экссон (США), Макдермот (США), РАМКО (Великобритания), Дельта Нимр (Саудовская Аравия) планируют добыть здесь в течение тридцати лет свыше 500 млн тонн нефти.

Реализация этого проекта идет сегодня полным ходом. В ходе реализации этого контракта Россия имеет целью обеспечить свой контроль над нефтепроводом и, следовательно, возможность блокировать перевозку нефти при осложнении международного положения. В связи с этим стратегические интересы России в Чечне сильно возрастают, так как наличие готовой трассы Баку - Новороссийск ускоряет процесс транспортировки нефти и получения дополнительных инвестиций для осуществления всего проекта. Этот вариант в полной мере удовлетворяет и Чечню. Здесь российские и чеченские интересы совпадают.

Чечня имеет немалые шансы занять ключевые позиции и в

Bibliothek

отношении предполагаемых трасс нефтепроводов, которые могут пройти от огромных нефтяных месторождений Казахстана и мощных газовых месторождений Туркменистана. Тем самым, все существующие международные проекты по транспортировке нефти и газа из месторождений выше обозначенных государств через Северный Кавказ в Европу объективно способствуют усилению геостратегических позиций Чечни, в том числе экономических. Но участие Чечни в этом проекте преследует не только коммерческие цели, к чему хотят свести его российские политики.

Россия, предполагая, что в случае признания независимости Чечни ей придется или считаться с этим фактором, что никак не отвечает ее интересам на Кавказе, или строить новые коммуникации в обход Чечни, что потребует гигантских финансовых ресурсов и достаточно продолжительного времени, избрала путь силового давления с целью укрепления своих стратегических позиций на Кавказе.

К моменту провозглашения своей независимости Чечня по социально-экономическому развитию имела самые худшие показатели из всех регионов России. В последующие годы правительству Чечни не удалось оздоровить экономику республики. И невозможно согласиться с тем, что политика России по отношению к Чечне, приведшая к войне, неоправданным человеческим жертвам (если вообще такие жертвы могут быть оправданы), потерям огромных материальных, финансовых, трудовых ресурсов, основывалась на гуманитарных мотивах.

Этнодемографический фактор, безусловно, также мог бы присутствовать в желании России удержать Чечню в своем составе. Однако этот фактор в меньшей степени имел значение для России, подтверждением тому служат последствия военной авантюры для самих русских.

На конец 1991 г. вне России оказалось свыше 25 млн русских или 1/6 всех русских - граждан СССР. Учитывая этот фактор, трудно допустить, что судьба 300 тыс. русских в Чечне была для России ближе, чем их участь в странах СНГ и государствах Балтии. И надо иметь в виду, что отъезд русских из Чечни во многом связан не с дискриминацией, а носит чисто экономический характер. Аналогичные мотивы имел выезд из республики в те же годы чеченцев. Другое дело, что Россия всегда была заинтересована в присутствии русских в любом регионе бывшего СССР, чтобы через них усиливать свое влияние и отстаивать свои интересы. С этой же целью разыгрывается так называемая казачья карта, ставится вопрос об отсечении ряда районов от Чечни.

Таковы основные факторы, побудившие Россию развязать войну на Северном Кавказе с целью подавления провозглашенной независимости Чечни.

Теперь остановимся на факторах, которые вынуждают Чечню вести борьбу за свою независимость. Экспансия России на Кавказе с самого начала встретила ожесточенное сопротивление со стороны горцев. "Исключительно упорную борьбу с наседавшим царизмом горцам пришлось выдержать с конца восемнадцатого века (1785-1859 годы). Наиболее активными и сильными противниками царского правительства при завоевании Северного Кавказа справедливо считались чеченцы. Натиск царских войск на горцев вызывал их объединение для борьбы за свою независимость, и в этой борьбе горцев чеченцы играли выдающуюся роль". В ходе Кавказской войны возникло сильное государство горцев - имамат, которое должно было отстоять их независимость, в т.ч. и чеченского народа. Поражение в Кавказской войне не означало прекращения борьбы чеченцев за свою независимость, восстания продолжались в 1860-1861, 1865, 1877-1878 гг.

Следующую попытку восстановить свою государственность горские народы предприняли в 1918 г., провозгласив Северо-Кавказскую Республику, которая была признана Турцией и Германией. Однако этой республике было суждено просуществовать недолго. В дальнейшем сопротивление северокавказских народов властям нашло отражение в восстаниях 1920-1921, 1925, 1928-1932, 1940 гг.

Самый трагический этап в истории чеченского народа - это депортация чеченцев в 1944-1957 гг. В момент прибытия на спецпоселение было учтено 362 282 чеченца. Отнеся их к категории выселенных навечно, власть обрекла целый народ на

гибель. Возвращение чеченцев из ссылки на историческую родину не сняло их опасений о возможности повторения геноцида. В конце 80-х — начале 90-х гг. они все острее начали ставить вопрос о независимости и государственном суверенитете. Война, развязанная Россией в конце 1994 г., лишь подтвердила справедливость стремления чеченского народа к независимости.

Вековые отношения России и Чечни пронизаны большим трагизмом. В этих отношениях были Кавказская война (1816-1859 гг.), депортация чеченцев (1944-1957 гг.), война (1994-1996 гг.). Эти отношения характеризуются геноцидом чеченского народа, так как они сопровождались особой жестокостью и изуверством со стороны военных и, соответственно, в каждом из названных периодов были Дади-Юрт - Хайбах - Самашки, сравнимые только с белорусской Хатынью, польским Лидице, вьетнамской Сонгми.

Эти геополитические предпосылки сецессии являются главенствующими в отношениях Чечни и России и имеют приоритет над экономическими и этнодемографическими факторами. Вместе с тем влияние этих факторов также требует своего рассмотрения.

До конца 1991 г. говорить об уровне российско-чеченских экономических отношений не приходилось, и в этом контексте такой вопрос не ставился, так как бывшая Чечено-Ингушетия являлась субъектом РСФСР. Однако по той экономической политике, которая проводилась российским центром по отношению к Чечено-Ингушетии, можно судить о том, насколько были обеспечены экономические интересы Чечни.

Несмотря на то, что размеры произведенного национального дохода Чечено-Ингушетии превышали сумму фонда накопления и фонда потребления, другими словами, развитие народного хозяйства и социально-культурное строительство республики осуществлялось на собственной экономической основе, уровень экономического развития свидетельствовал об отставании по сравнению с другими субъектами РФ.

Характерная особенность развития экономики республики - ее монопрофильная специализация - нефтяная промышленность, где одним из негативных явлений остается диспропорция между нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслями. Серьезным недостатком в развитии производительных сил Чечни является чрезмерная концентрация промышленности в городе Грозном. Вследствие этого образовался большой разрыв между уровнем промышленного производства Грозного и других городов Чечни. Кроме того экологическая обстановка как в Грозном, так и в целом в республике находится на грани катастрофы.

Для республики был характерен низкий уровень вовлечения трудоспособного населения в общественное хозяйство. Происходило это в основном из-за отсутствия возможности трудоустройства по месту постоянного жительства, а также низкого уровня заработков и среднедушевого дохода.

В целом ведомственный диктат центра, который не учитывал интересы национально-государственных образований, привел к тому, что Чечено-Ингушетия имела один из самых низких показателей социального развития в России. Следствием такой политики явился, к примеру, высокий коэффициент детской смертности в республике, значительно превышавший среднероссийский показатель. При этом данный коэффициент неуклонно возрастал, в то время как по России в целом наблюдалась тенденция к снижению.

Сложившееся положение в области социально-экономического развития Чечни являлось закономерным результатом экономической политики российского центра, подхода к ней как к сырьевой зоне, отсутствия должного внимания к развитию социально-культурной сферы, что сформировало в конечном счете специфические особенности экономики Чечни в условиях обретения ею политической независимости. Все это создало социально-экономические предпосылки для отделения Чечни от России.

При тоталитарной системе вопрос об экономической и национальной самостоятельности Чечни вообще не мог быть поставлен открыто, и все усилия по национальной самозащите сосредоточивались на культурно-языковом уровне, на борьбе за выживание национальной культуры, литературы, языка. Возник-

новение национальных движений в разные периоды лишний раз подтверждало, что в общественном сознании идея восстановления справедливости по отношению к своему народу присутствовала всегда.

На характер и особенности дальнейшего развития чеченского общества, включая и перспективы развития экономической ситуации в Чечне, могло бы оказать влияние то, в какой степени будет проведена реабилитация репрессированных народов. Однако закон "О реабилитации репрессированных народов" не разрешил ни одного из вопросов, которые могли бы содействовать улучшению общественно-политической обстановки в республике.

Этнополитический фактор принципиально важен в связи с тем, что некоторыми российскими политиками ставится задача отсечения отдельных районов от Чечни под предлогом, что эти земли являются исконно казачьими. Стал возникать вопрос, кто более "исконный" житель на данной территории. При этом напрочь забывают, что эти земли были заселены казаками после истребления и вытеснения чеченцев в ходе колониальной экспансии России против северокавказских народов. Одновременно на этнополитическую ситуацию в Чечне в настоящее время влияет и попытка российского руководства разрешить осетино-ингушский конфликт, в основе которого лежит объединение ингушских земель, создание Республики Ингушетия с включением в ее состав чеченских земель. Все это, безусловно, может привести к межэтническим конфликтам, чего до сих пор, несмотря на российско-чеченскую войну, в республике не наблюдалось.

В ходе боевых действий Чечню покинуло свыше 500 тысяч человек, многие из них до сих пор не вернулись. При этом надо иметь в виду, что возврат русских практически нереален. Это связано с тем, что большинству просто некуда возвращаться, и, во-вторых, к сожалению, с усилением криминогенной обстановки в республике. Военная авантюра России способствует тому, что Чечня фактически превращается в мононациональную республику.

После возвращения всех беженцев и стабилизации общест-

венно-политической ситуации чеченцы будут составлять 85-90 % от общей численности населения Чечни. Тем самым моноэтническому государству будет легче отстоять свою независимость. Такова природа сецессионного конфликта между Чечней и Россией. Сменятся президенты, поменяется власть, но желание России удержать Чечню в РФ и желание Чечни выйти из ее состава останутся.

Конфликт между Чечней и Россией и нынешние их взаимоотношения давно вышли за рамки внутрироссийской проблемы. Преступления против человечности, именно так можно квалифицировать действия российских войск в Чечне, массовые нарушения прав человека не могут быть внутренним делом одного государства. В демократических странах всегда уделяется пристальное внимание защите прав человека. Вследствие попрания прав человека в Чечне в ходе прошедшей войны авторитет России на мировой арене сильно подорван. Однако мировое сообщество, резко выступив с критикой в адрес России, защищая права человека, не спешит защищать право народа на жизнь, на самостоятельность, самоопределение и право на свою государственность. При всех трагических последствиях прошедшей войны, эта война ускорила процесс восстановления государственности, утраченной после поражения в Кавказской войне.

Многие российские политики считают, что Россия могла выиграть эту войну как войну справедливую. Но со стороны России война с Чечней не могла быть справедливой, хоть и объяви ее войной против существовавшего режима и за народ Чечни. Причина этого - в исторической памяти чеченцев.

Несправедливость этой войны проявилась и в особой жестокости военных по отношению к чеченцам. Это объясняется тем, что российские военные, не знающие языка, культуры, традиции чеченцев, их менталитета, шли воевать, руководствуясь сформированным официальной пропагандой мнением, что чеченцы - бандиты, которых необходимо уничтожать. Они бомбили чужие для них города и села. Все, что находилось в Чечне и связано с этим, было для них чуждо. С другой стороны, чеченцы, привыкшие сосуществовать с русскими, знающие их

язык и культуру, понимали, что русский народ и российская власть - не одно и то же, что военные лишь исполнители безумной политики.

Всем сегодня ясно, что Чечня воевала за свою независимость, свободу, за право народа самому определять свое место в мировом сообществе. Реальные же интересы России в Чечне, как мы убеждаемся, состоят в том, что ей скорее нужна территория Чечни, но не нужны чеченцы.

Недопонимание или, как правильно отметил один из современных российских политиков, "смесь недомыслия, лицемерия и нежелания смотреть на вещи прямо - вот что лежало и лежит в основе российской политики в Чечне".

Главный изъян российской политики в Чечне - это то, что они в упор не хотят видеть чеченцев. Тому подтверждением являются и "выделяемые" средства из российского бюджета на восстановительные работы, и голоса российских политиков не тратить деньги на Чечню, а заниматься строительством жилья для русских в России.

Любая война рано или поздно кончается миром. Вопрос состоит лишь в том, как долго продлится этот мир. Окончание войны не внесло ясности в государственно-политические отношения между Чечней и Россией. На нынешнем этапе наблюдается осложнение в российско-чеченском переговорном процессе. Есть опасение, переговоры превратятся в вялотекущую кампанию России по изоляции Чечни от остального мира.

После окончания российско-чеченской войны в республике состоялись демократические выборы Президента и Парламента Чеченской Республики Ичкерия. Вновь избранная власть получила в наследство искалеченные судьбы людей, разрушенную экономику, уничтоженные города и села. И этой власти надо вести переговоры с теми, кто способствовал получению этого "богатого наследства".

Подписание в мае 1997 г. договора "О мире и принципах взаимоотношений Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия" вселяло определенные надежды на прекращение противостояния, снятие напряженности, оздоровление политического и морального климата в отношениях договаривающихся сторон. Однако последующее развитие событий свидетельствует о разных подходах каждой из сторон к оценке сложившейся ситуации.

Российское руководство после некоторой паузы настойчиво начало заявлять, что оно рассматривает Чечню только как субъект Федерации и считает необходимым заключение договора о взаимном делегировании полномочий. Одновременно чеченское руководство никогда не уставало заявлять, что оно видит свою республику только как суверенное, независимое государство и настаивает на заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве с установлением дипломатических и консульских отношений с РФ и другими государствами.

Более чем несерьезными выглядят заявления отдельных российских политиков о том, что народ Чечни "жаждет" быть в составе России, и, отдавая голоса на президентских выборах за А. Масхадова, граждане республики голосовали за то, чтобы быть вместе с Россией. Нынешний российский вариант сохранения Чечни в составе РФ "смахивает" на концепцию добровольного вхождения Чечни в состав России. На этом фоне утопическим выглядит стремление предоставить максимум свободы, максимум независимости Чечне, но только в составе России.

Вполне определенно в настоящее время можно считать Чечню уже не субъектом РФ, хотя еще и не суверенным государством. При этом самой России приходится вести диалог с Чечней как с независимым государством, ибо взаимоотношения центра и региона были разрушены еще в 1991 г.

Признанием Россией де-факто статуса Чечни как независимого государства являются как российско-чеченская война, так и нынешняя политика Москвы на Кавказе, в том числе и заявления о моральной и политической изоляции Чечни в совокупности с экономической блокадой. В этих условиях основным препятствием в урегулировании российско-чеченских взаимоотношений является нерешенность политического вопроса - признание Россией де-юре независимости Чечни.

Если вкратце обозначить действия, к которым прибегают российские власти с целью вынудить Чечню "согласиться"

делать вид, что она в составе Федерации, то они выглядят следующим образом:

1. Заявления о разрыве дипломатических отношений с государствами, которые признают независимость Чечни, с целью политической изоляции республики.

2. Отказ нести ответственность за инвестиции в любой форме в экономику Чечни со стороны иностранных государств без согласования с российским руководством.

3. Запрет на поддержку каких-либо хозяйственных отношений отдельных субъектов РФ с Чечней.

4. Строительство трубопровода, железной дороги, линии электропровода и других коммуникаций в обход Чечни с целью экономической блокады.

5. Прекращение выделения средств на социальные нужды и отказ от финансирования восстановления экономики Чечни.

6. Начало античеченской истерии с разыгрыванием казачьей карты и "защитой" русскоязычного населения.

Но смогут ли эти меры "образумить" Чечню, вызвать социальный взрыв в самой Чечне, чтобы сохранить целостность и неделимость России, о которой так часто заявляют российские политики.

Несмотря на бесперспективность какого-либо давления на Чечню, отдельные российские деятели и сегодня заявляют о необходимости ужесточения подхода к чеченскому народу, употребив свою силу, мощь и авторитет, забывая, что Россия в прошедшей войне уже растеряла эти качества.

Россия должна определиться, что для нее важнее: иллюзия субъектности Чечни в Федерации с сохранением очага напряженности не только в этой республике, но и на всем Кавказе или наличие стратегического партнера в лице чеченского независимого государства, политика которого учитывала бы российские приоритеты на Кавказе.

Новая геополитическая обстановка на Кавказе в полной мере зависит от стабильности и предсказуемости во взаимоотношениях России и Чечни. Катализаторами политической нестабильности на Кавказе может служить неразрешенность следующих проблем:

— грузино-абхазский конфликт;

— армяно-азербайджанский конфликт (Нагорный Карабах);

— осетино-ингушский конфликт;

— отсутствие четких границ между Россией и Чечней на участке Ингушской Республики;

— нарастающее напряжение в Дагестане, где проживает до 100 тыс. чеченцев;

— реабилитация репрессированных народов.

В этих условиях не учитывать, что Чечня не останется безучастной при усилении напряженности и конфликтности в регионе, не приходится, особенно, если это будет касаться Ингушетии и Дагестана. В связи с этим небезосновательны амбиции чеченских политиков на роль миротворцев на Кавказе (в прямой или косвенной форме). И позиции Чечни на Кавказе будут тем сильнее, чем бездарнее окажется политика, проводимая Россией в этом одном из самых нестабильных и конфликтоопасных регионов мира.

Для самой Чечни, помимо признания независимости со стороны России и других стран, принципиально важно, какой установится в республике режим государственного управления, насколько правовой характер приобретет деятельность государственных органов, будут ли обеспечены демократические права и свободы ее граждан. Эти проблемы должны быть важны и для России. Российским политикам необходимо обратить внимание на сущностную сторону чеченского государства, а не гадать: является ли еще Чечня субъектом Федерации или уже нет.

Перспектива создания Чеченского исламского государства является сильным раздражителем для России, однако, это вполне оправданная мера для чеченских властей на этапе устранения сложных последствий прошедшей войны. Одновременно это является фактором достижения консолидации всего чеченского общества. Вместе с тем в случае отсутствия определенности во взаимоотношениях России и Чечни есть опасность исламизации республики с целью создания определенного противовеса российской политике. Кроме того, для некоторых авторитетных группировок в Чечне это может быть и средством удержания власти и достижения личных интересов.

Исламское государство - не самоцель для чеченского народа. Ключевой проблемой является построение демократического правового государства, отвечающего ментальности чеченского народа. В условиях перехода к гражданскому обществу при наличии внешней угрозы выбор между светским или исламским государственным устройством явно будет тяготеть ко второму. Сама власть в Чечне не настолько стабильна, чтобы твердо идти по заданному курсу.

В российской политике должно возобладать осознание того, что с Чечней нельзя разговаривать как с субъектом РФ, если даже Москва не готова воспринять ее как независимое государство. Российское руководство должно ставить вопрос о возможности признания независимости Чечни. В то же время Чечня в случае ее признания Россией должна взять на себя определенные обязательства по учету стратегических интересов России на Кавказе.

Вместо таких подходов Россия продолжает удерживать Чечню в неопределенном состоянии, а Чечня, в свою очередь, делая ошибки и просчеты, болезненно для народа пробивает дорогу к своей государственности. Чтобы удержать ситуацию в таком виде российские власти пытаются разделить чеченский народ на сторонников независимости Чечни и оппозиционеров. Причем пытаются это сделать с подразделением на тейпы, роды. Недостойно, безусловно, не знать чеченцу, откуда он родом и кто его предки, но губительно, когда по этим признакам его хотят заставить искать друзей и врагов, сторонников и противников.

Чеченцев пытаются разделить, основываясь на их симпатии к отдельным политическим лидерам. В такой обстановке было бы более чем опасно терпеть власть, которая не сможет остановить процесс раскола народа. Но вдвойне опасно примыкать к силам с марионеточным уклоном, лидеры которых претендуют на роль вождей нации.

Анализируя перспективы стабилизации в целом чеченского общества и политической ситуации в республике, понимаешь, что это, в конечном счете. все равно изначально лежит в плоскости урегулирования чечено-российских отношений.

Однако чеченцев пытаются спровоцировать на выяснение отношений между собой. В ходе политической борьбы, которая перешла в военное противостояние России и Чечни, общество разделилось на тех, кто считает, что Чечня должна быть суверенным государством, субъектом международного права, и тех, кто считает Чечню субъектом РФ. Других вариантов просто не существует, как бы там разные политические деятели ни "упражнялись" в предложениях по передаче Чечне различных полномочий, чтобы воспрепятствовать ее государственности и сохранить целостность России в нынешних ее границах. Ибо суверенного государства в составе другого государства просто не бывает. Говоря о целостности России, надо иметь в виду, что признание независимости Чечни не влечет за собой распада Российской Федерации, как в свое время признание независимости бывших колоний не повлекло распад Великобритании, Франции, Испании и других великих держав.

Для разрешения существующего конфликта между Россией и Чечней без референдума не обойтись. И не в отдельно взятых районах, а на всей территории Чечни. Нынешняя территория Чечни должна совпадать с границей бывшей Чечено-Ингушетии, где ингушский участок чечено-российской границы должен быть определен чеченской и ингушской сторонами. И российская, и чеченская стороны должны понять, что проведение референдума с очень простым вопросом - "Хотите ли Вы, чтобы Чечня была в составе России?"- и есть тот компромисс по проблеме статуса Чечни. Итогами референдума должны руководствоваться в дальнейшем Парламент и Президент Чечни и Президент России с Федеральным Собранием РФ. Безусловно, референдум должен проводиться под непосредственным контролем международных организаций и, прежде всего, наблюдателей ООН.

Урегулирование российско-чеченского конфликта возможно лишь в случае признания Россией неотъемлемого права народа Чечни на самоопределение, государственность и учета Чечней стратегических интересов России на Кавказе. Стабильные взаимовыгодные отношения Российской Федерации и Чеченской

Республики возможны лишь в том случае, если учитываются взаимные интересы сторон.

Библиография

1. Каспийская нефть и международная безопасность. Сборник. Вып. 1,2. М. 1995, 1997.
2. Большая Советская Энциклопедия. М. 1934.
3. Всеми имеющимися средствами... Операция МВД РФ в селе Самашки 7-8 апреля 1995 г. М. 1995.
4. С. Алиева. Так это было: национальные репрессии в СССР. М. 1996.
5. Материалы опроса свидетелей. Общественный фонд Гласность. М. 1996.

Г. Гогсадзе

ГРУЗИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Падение коммунистических режимов и в особенности, развал Советского Союза вызвали глубокие политические и социально-экономические перемены в молодых независимых государствах. Бывшие советские республики стремятся преодолеть трудности, связанные с развитием государственности, созданием институтов гражданского общества, переходом на рыночную экономику, социальной дислокацией, этнополитическими конфликтами. Последние особенно остро проявляются в полиэтнических государствах. В этой связи Грузии является одним из самых наглядных примеров.

Грузия — одно из древнейших государств мира: первое грузинское государство — Колхидское царство (западная часть современной Грузии) было образовано в 7-м в. до н. э. [1]. Второе государство, известное под названием Иберия (восточная часть современной Грузии), возникло в 4-м в. до н. э. [2]. Эти два государства воссоединились где-то в конце 4-го — начале 3-го веков. Правитель объединенной Грузии царь Парнаваз I в целях улучшения территориального управления разделил страну на крупные княжества. Начиная с этого периода крупные княжества или, как принято их сегодня называть, историко-географические области играли важную роль в политической, экономической и культурной жизни Грузии. Это позволило некоторым средневековым путешественникам, историкам, исследователям называть Грузию "уникальным миром малых Грузий". Региональные различия по сей день являются важной характерной чертой страны.

Другой особенностью Грузии является пестрота этнического и религиозного состава населения. По данным последней переписи населения, коренные жители страны — грузины и абхазы — составляли соответственно 70,1 и 1,8% от всего населения. Большинство остальных составляли армяне, русские, азербайд-

жанцы, осетины, греки, украинцы, курды. Религиозная структура населения Грузии так же сложна, как и этническая. В бывшем Советском Союзе не существовало точных данных о верующих, но, исходя из некоторых оценок, можно предположить, что 80% населения Грузии является православными христианами, к их числу относятся грузины (их подавляющее большинство), часть абхазов, русские, украинцы, белорусы, греки, осетины. Армяне (около 8% всего населения) представляют армянскую апостольскую церковь. Приблизительно 6% всего населения, в частности, азербайджанцы, относятся к мусульманам шиитского толка; 3,5% — к мусульманам суннитам: грузины из Аджарии, часть абхазов, татары, турки, чеченцы, лезгины, аварцы [3]. В Грузии проживает также незначительное число католиков: часть русских и грузин, латыши, поляки, немцы. Курды являются езидами; ассирийцы представляют восточную церковь. После восстановления независимости появились и свободно существуют баптисты, евангелисты и другие религиозные секты.

Несмотря на сложный этнический и религиозный состав, Грузия исторически предоставляла и в настоящее время предоставляет этническим и религиозным диаспорам благоприятные условия для неограниченного развития их культуры, религии, языка, традиций. В Грузии на шести языках ведется обучение в средних и высших учебных заведениях и издаются средства массовой информации. Наряду с грузинской православной церковью функционируют множество синагог, армянская апостольская, католическая, восточная, баптистская церкви, мечети, культовые учреждения курдов-езидов. Для грузин все вышеуказанные просветительские и культурно-религиозные институты являются важной и неотъемлемой частью истории и современности страны.

В истории Грузии, несмотря на этническое и религиозное многообразие грузинского общества, зафиксировано очень мало эпизодов межэтнических противостояний. Вооруженные конфликты, возникшие в 90-х гг., следует рассматривать как наследие колониальной и советской эпох.

В конце 80-х гг. в большинстве бывших республик СССР

развернулись мощные национально-освободительные движения. Стало очевидно, что судьба "империи зла" была предрешена. Имперские силы сфокусировали свои действия на сохранении Советского Союза и пустили в ход самое опасное оружие, имевшееся в их арсенале: инспирировали противостояние между этническими меньшинствами и силами, борющимися за независимость республик.

В Грузии первые серьезные этнополитические трения начались в Юго-Осетинской автономной области (Юго-Осетинской АО). 20 сентября 1990 г. сессия Юго-Осетинского Областного совета народных депутатов приняла постановление о преобразовании области в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику. Позже, 11 декабря того же года, вновь избранный Верховный Совет Грузии упразднил автономный статус Южной Осетии и направил в регион части грузинской полиции [4]. Оба вышеуказанных решения можно считать некорректными, но вооруженный конфликт можно было предотвратить в случае оперативного вмешательства и конструктивного подхода со стороны общесоюзного Центра. Кремль же вначале лишь наблюдал за развитием событий со стороны и вмешался только после того, как правовой конфликт перерос в вооруженный. В течение полутора лет погибли сотни невинных людей, многие села были сожжены и разрушены; десятки тысяч грузин и осетин вынуждены были покинуть места своего проживания. 24 июня 1992 г. главы государств Грузии и России договорились о прекращении огня и о мирном урегулировании конфликта в Цхинвальском регионе (бывшая Юго-Осетинская АО).

После консервации ситуации в регионе правительство Грузии получило возможность приступить к решению проблем социального и экономического развития республики. Грузия отказалось от вхождения в СНГ, декларировала политический нейтрализм и попыталась наладить тесные политические и экономические связи с Западом. Это означало, что Грузия ускользает из сферы влияния России, что явно не соответствовало российским интересам. Российские империалистические силы возобновили действия, направленные на дестабилизацию обстановки в Грузии, чтобы лишить ее возможности осущест-

вить свои экономические и политические задачи. С этой целью был спровоцирован вооруженный конфликт в Абхазии.

Процесс культурного и политического отчуждения между грузинами и абхазами берет начало с XVII века — с периода установления османского правления в Западной Грузии в целом и в Абхазии, в частности. Начиная с XIX века российская администрация содействовала развитию этого процесса. В целом на Кавказе, и в частности в Грузии, царское правительство проводило политику "разделяй и властвуй", однако грузино-абхазские отношения не были окончательно подорваны. После крушения Российской империи и образования независимой Демократической Республики Грузия начался переговорный процесс с целью определения политического статуса Абхазии и некоторых других регионов страны. Грузия стала первым унитарным государством мира, в котором были образованы три политические автономии: Абхазия, Аджария и Закатала [5]. Закон Грузии "Основное положение по управлению Абхазией", который был принят вместе с Конституцией Грузии, наделил автономию широкими полномочиями в области самоуправления" [6]. Буквально через несколько дней после принятия вышеуказанных правовых документов военные формирования социалистической России оккупировали страну, а позднее Грузия была включена в состав Советского Союза. Эта произошло несмотря на то, что в 1920 г. Россия признала суверенитет Грузии [7]. В дальнейшем большевистский режим осуществлял действия, направленные на дискриминацию то абхазов, то грузин. К несчастью, абхазы и грузины не смогли идентифицировать общего врага и в происходящем обвиняли друг друга. Как результат — трения между двумя народами достигли пика, и в августе 1992 г. был спровоцирован вооруженный конфликт. Россия сыграла ключевую роль в поражении грузин. В этой ситуации правительство Грузии было вынуждено принять решение о вхождении в СНГ и позволить России сохранить на своей территории несколько военных баз.

В результате грузино-абхазского военного конфликта погибли и искалечены тысячи людей, более чем 300 тыс. человек (в том числе более 200 тыс. этнических грузин) стали беженцами

и вынужденными переселенцами; социальная и экономическая ситуация в зоне конфликта, так же, как и в целом в Грузии, остается сложной.

Следует отметить, что процесс разрешения двух указанных этнополитических конфликтов протекает по-разному. Очевиден прогресс в урегулировании грузино-осетинского конфликта, тогда как в решении абхазского конфликта положительных сдвигов практически нет. Несмотря на требования Совета Безопасности ООН об обеспечении безопасного возвращения вынужденных переселенцев и беженцев в места их законного проживания абхазская администрация до сих пор их игнорирует [8]. Более того, предпринята попытка разместить на жительство в Абхазии лиц абхазского происхождения из Турции, Сирии и других стран, а также наемников с Северного Кавказа. Это происходит несмотря на то, что Совет Безопасности ООН осудил "любые попытки изменить демографический состав Абхазии, ... в том числе заселение ее лицами, ранее там не проживавшими" [9]. Главы государств и представители правительств, которые принимали участие в Будапештском саммите ОБСЕ (6 декабря 1994 г.) выразили в связи с односторонними действиями, предпринятыми 26 ноября 1994 г. властями Абхазии (Республика Грузия), глубокую озабоченность по поводу "этнической чистки", массового изгнания населения — преимущественно грузинского — из мест проживания и гибелью большого числа невинных гражданских лиц [10]. В связи с этим нужно отметить, что Генеральная Ассамблея ООН признала "этническую чистку" одной из форм геноцида [11].

Вместе с тем и окончательное решение "югоосетинского вопроса" может стать камнем преткновения. Речь идет о восстановлении политической автономии на территории бывшей Юго-Осетинской АО. В Грузии опасаются, что если осетины получат политическую автономию, то того же захотят и другие этнические группы, компактно проживающие в ряде регионов страны, в частности армяне, азербайджанцы, предположительно и греки. Следует принять во внимание тот факт, что численность армян в Самцхе-Джавахети (Южная Грузия) и азербайджанцев в Нижней Картли (Юго-Восточная Грузия) гораздо большая,

чем численность осетин на территории бывшей области. Предоставление политической автономии некоренной этнической группе и отказ в этом остальным, по мнению части грузинских политиков и экспертов, в моральном и правовом плане можно расценивать как утверждение в стране этнической сегрегации. С другой стороны, политическая автономия предоставляется части той этнической группы, которая на самом деле выступает за территориальную дезинтеграцию Грузии*. Следовательно, предоставление региону статуса политической автономии может быть воспринято другими этническими группами Грузии как успех силового метода решения проблемы, как минимум, расширения политических прав.

Анализируя причины происхождения и развития вооруженных этнополитических конфликтов в Абхазии и бывшей Юго-Осетинской АО, можно сделать следующие выводы:

— эти вооруженные конфликты являются трагедией в истории противоборствующих народов и нанесли огромный (может быть и непоправимый) ущерб их взаимоотношениям. На самом деле грузины воевали не против абхазов и осетин, а защищали целостность своей родины. Общественное мнение Грузии главным виновником возникновения этих конфликтов считает русский империализм, хотя на правительственном уровне это не подчеркивается;

— одной из причин конфликтов стал низкий уровень политической культуры грузинского общества (включая все этнические и социальные группы) и, в первую очередь, политических лидеров противоборствующих сторон. Они не использовали традиционный кавказский принцип — урегулировать проблемы без участия третьей стороны. Напротив, они охотно прибегали к "услугам" третьей стороны в предоставлении им оружия;

— в Грузии, как и почти на всем бывшем советском пространстве, наблюдается политический дисбаланс: невмешательство Запада позволяет империалистическим кругам России достичь посредством эскалации межэтнических противостояний увеличения российского военного и политического присутствия в некоторых новых независимых государствах;

— конфликты в Грузии, как и в других "горячих точках" планеты, выявили несовершенство международных норм и несостоятельность международных организаций в предотвращении и урегулировании этнополитических конфликтов. Отсутствие правового механизма для осуществления международного принципа самоопределения народов становится одной из главных причин возникновения вооруженных конфликтов. В соперничестве двух международных принципов — территориальной целостности государства и самоопределения народов с правом на сецессию — пока преуспевает первый, однако, развитие событий последних лет наводит на мысль, что в дальнейшем сецессия как форма самоопределения народов может стать руководящим в международной практике. Можно предположить, что и в этом случае мир не станет более мирным. По всей вероятности, в полиэтнических государствах титульное население, напуганное возможностью территориального развала страны, начнет переходить к действиям, направленным на изменение этнодемографической ситуации в пользу большинства населения. Очевидно, что подобные действия приведут к новым кровопролитным войнам. Кроме того, безусловное международное признание принципа самоопределения народов, вплоть до сецессии, помимо политических недостатков будет иметь и другой изъян, связанный с этикой. Грузия (как и многие другие полиэтнические государства) на протяжении своей многовековой истории предоставляла некоторым народам политическое убежище и/или возможность экономического процветания. Если этнические меньшинства воспользуются несовершенством международного права и отторгнут от Грузии ее исторические территории, то это будет провалом не только международных норм, но, к несчастью, и важнейшего морального принципа международных отношений — принципа толерантного отношения к другим народам, культурам, религиям. На наш взгляд, поставленные вопросы являются наиострейшими в современных международных отношениях и их решение, следовательно, не терпит отлагательства.

* Осетинские политики утверждают, что объединение двух Осетий является лишь делом времени

Грузия всегда являлась страной, благоприятной для межэтнического сотрудничества. Формирование и развитие стабильного поликультурного грузинского государства представляется реальным в случае выполнения следующих условий:

— сохранение лучших традиций и утверждение новых институтов межэтнических отношений. Несмотря на материальные трудности правительству Грузии следует продолжать финансирование существующих культурных и просветительских институтов меньшинств, а также в законодательном порядке обеспечивать их законные права. Это позволит правительству поддерживать стабильность внутри страны и сохранить добрососедские отношения с другими государствами, в первую очередь с Азербайджаном и Арменией;

— необходимо создание механизмов, обеспечивающих проведение переговоров непосредственно между конфликтующими сторонами при отсутствии какого-либо давления со стороны третьей силы (третьих сил);

— международные организации, в особенности ООН, должны выработать свежие подходы к предотвращению новых и разрешению (по крайней мере, минимизации) существующих этнополитических конфликтов. С этой точки зрения жизненно важно, чтобы правовые и организационные подходы, связанные с реализацией принципа самоопределения народов, применялись в соответствии с историческими особенностями и политическими реалиями данной страны/территории. Другими словами, при урегулировании каждого этнополитического конфликта необходимо выработать не только общие, но и специфические подходы;

— грузинские власти должны разработать систему будущего административно-территориального устройства страны. На наш взгляд, федеральное устройство является наилучшей моделью для Грузии. Учитывая особенности исторического развития Грузии, федеральное устройство представляется важным шагом на пути политической и экономической стабилизации. Федерализация Грузии может быть осуществлена в два этапа. На начальном этапе в стране сохраняются две федеральные земли — Абхазия (абхазы в Грузии должны пользоваться особыми

политическими правами) и Аджария — и создаются 12 самоуправляемых краев (2 города и 10 сельских районов). Одновременно следует определить статус бывшей Юго-Осетинской АО. В дальнейшем, после проведения административной, судебной, социально-экономической реформ, края получат статус федеральных земель;

— для внутриполитической стабильности Грузии актуальным представляется разработка доктрины государственного строительства, другими словами, — документа, определяющего основные принципы экономического, социального и военного строительства, административно-территориальной организации и, что самое главное, культурно-политической ориентации страны;

— жизненно важным для стабилизации экономической и политической обстановки в целом на Кавказе, и в частности, в Грузии, является урегулирование грузино-российских отношений. В этой связи почти все зависит от того, насколько конструктивным станет политика России по отношению к Грузии;

— учитывая большую геополитическую значимость Грузии, она, на наш взгляд, должна стать нейтральным государством, т. е. она не должна участвовать ни в одном международном военно-политическом союзе, вместе с тем поддерживая добрососедские отношения с государствами региона и принимая во внимание их национальные интересы. Политический нейтрализм Грузии может стать важным элементом стабилизации региональных (кавказских), а также и более широкомасштабных международных отношений (Запад — Россия — Ближний Восток — Центральная Азия);

— постепенно Закавказье, да и весь Кавказ, превращаются в один из самых неспокойных регионов мира. Очевидно, что страны и народы этого региона не в состоянии самостоятельно решить существующие этнополитические противоречия. Международные организации и западные страны должны направить свои усилия на улучшение ситуации в этом ареале, оказывая, в первую очередь, поддержку развитию процесса демократизации, а также содействуя созданию механизмов, обеспечивающих мирное и стабильное развитие региона. Однако ни одно государство не может быть стабильным, если происходит вме-

шательство в его внутренние дела. В этой связи важным является быстрейший вывод всех российских войск с территории Грузии, ввод в зоны конфликта международных миротворческих сил и постепенное возвращение беженцев и вынужденных переселенцев в места их постоянного проживания;

— однако все усилия окажутся тщетными, если конфликтующие стороны не проявят добрую волю в отношении друг друга. Мы искренне надеемся, что кавказская мудрость возьмет верх над амбициями, и народы, населяющие Грузию, придут к согласию.

Библиография

1. Sakvarelidze Neli. Georgia: Glimpses of History and Landmarks of Culture. Tbilisi. 1993. P. 9.
2. Большая Советская Энциклопедия. Т. 7. М. 1972. С. 364.
3. Wesselink Egbert G. Ch. — Minorities in the Republic of Georgia. A Pax Christi Netherlands Report. 1992. P. 9.
4. The Historic, Political and Legal Aspects of Georgian-Ossetian Conflict. Tbilisi. 1995. PP. 12 — 13.
5. Democratic Republic of Georgia (1918 — 1921): Three Historic Documents. Tbilisi. 1991. P. 132.
6. ЦГИА, ф. 1883. оп. 1, д. 863, Л. 93.
7. The Democratic Republic of Georgia (1918 — 1921): Three Historic Documents. Tbilisi. 1991. PP. 101 — 102.
8. Резолюция Совета Безопасности ООН N 896. 1994.
9. Там же.
10. Будапештский документ ОБСЕ 1994 г. "На пути к подлинному партнерству в новую эпоху". Будапешт. Решение II. Региональные вопросы, Грузия, пункт 2.
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН N 47/121. 17 декабря 1992 г.

О. Зоидзе

ПОСТСОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аджария — историческая провинция Грузии. Существование грузинской провинции в качестве автономной республики в составе Советской Грузии само по себе являлось отражением ряда особенностей: Аджария была автономной республикой, которая была создана по ненациональному признаку. Ее существование было обусловлено историко-политическими и религиозными обстоятельствами. Этой особенностью продиктован характер и тех взаимоотношений, которые сложились между Тбилиси и Батуми за последние 5 — 6 лет: их можно определить как противостояние, но не конфликт. Вышеуказанные особенности (анализ которых будет дан ниже) обусловили невозможность перерастания противостояния Тбилиси — Батуми в "холодный" или "горячий" конфликт, что, в свою очередь, способствовало исключению проблемы Аджарии из ряда этнополитических конфликтов, возникших на территории бывшего Советского Союза. Именно поэтому противостояние Тбилиси — Батуми не привлекает такого же многостороннего и пристального внимания, как тот или иной потенциальный конфликт. Тем не менее, без решения аджарской проблемы невозможно достижение реальной, а не призрачной стабильности в Грузии и в целом на Кавказе.

Глубокий анализ аджарской проблемы необходим для выбора варианта грамотного ее решения.

Противостояние Тбилиси — Батуми в той форме, в которой оно существует сегодня, началось с 1991 г., после краха коммунистического режима в Грузии. В результате государственного переворота и других известных событий Аджария постепенно превратилась в изолированный регион Грузии. Впрочем, "регионом" Аджарию можно назвать лишь условно, так как на фоне военного переворота, гражданской войны, конфликтов в Абхазском и Цхинвальском регионах, на фоне слабости грузинских

властей, республика, лишенная реальной автономности, постепенно обрела лицо реального государственного образования. Противостояние Тбилиси-Батуми — это проявление того внутреннего состояния, которое переживает грузинская нация; но в то же время — это и болезненное проявление проблемы, связанной с единством нации.

Грузинская нация не является такой однородной, как, например, поляки, датчане, греки или армяне. Ее составляют различные грузинские субэтносы.

Процесс этногенеза грузин начался в глубине веков, и первый его этап завершился в XI веке, когда было создано единое государство.

Однако становление национального государства — это непрерывный процесс. Единым актом достичь этого невозможно. Нация — это, прежде всего, духовный феномен, а не простая общность людей. А единственный модус существования духовного феномена, как говорил Мераб Мамардашвили, — это быть в состоянии постоянного рождения. Или, по мнению других, быть нацией — "ежедневный плебисцит".

Выпадение из процесса "ежедневного плебисцита" вызывает ослабление или исчезновение чувства общности, без чего не существует единения нации, то есть процесса постоянного ее рождения.

Даже когда происходил распад единого грузинского государства, внутри грузинских субэтносов не ослабевало желание быть единой нацией. Именно это чувство единой родины грузинских субэтносов сплачивало воедино Грузию, разделенную на отдельные государственные единицы или княжества. Сохранение и даже усиление чувства национальной самоидентификации в немалой степени заслуга единой православной церкви Грузии.

С середины XVII века Аджария находилась под игом Османской империи. Грузинское население Аджарии, исповедовавшее христианство, постепенно стало принимать ислам.

Аджарцы смогли сохранить грузинский язык, традиции, однако, пребывание в составе Османской империи, и особенно, отход от православной церкви Грузии, постепенно сводили на нет чувство единой родины — Грузии. Появился феномен

"гурджи". "Гурджи", то есть мусульманин-грузин, не осознавал себя турком, но, исповедуя ислам, уже в меньшей степени считал себя грузином.

В результате русско-турецкой войны с 1878 г. Аджария вошла в состав Российской империи. С этого момента она включилась в процесс консолидации грузинской нации. Во время первой мировой войны царское правительство, сомневаясь в лояльности аджарцев, проводило политику выселения их с мест традиционного проживания, тем самым исключив их из процесса этногенеза. Но, как оказалось, тяга к национальному единству отбросила эту угрозу. Как писал политический деятель Хасан Лорткипанидзе, благодаря этой тенденции "аджарцы поверили в то, что они грузины; поверили в братство и самоотверженность грузин. Для аджарцев Грузия стала родиной".

Но само по себе существование подобной угрозы явилось проявлением недостаточного объединения грузинской нации. Сущность подобного положения ярко выражают слова члена Российской Государственной думы Акакия Чхенкели: "Когда перед нацией, или какой либо ее частью ставят вопрос о национальности, это равным образом указывает как на бессовестность спрашивающего, так и на угнетенность отвечающего". Эта угнетенность нашла отражение в существовании и активности в Аджарии в 1918 — 1921 гг. политических групп, имевших взаимоисключающие ориентацию и цели: протурецких (Аджария как автономная единица Турции), прогрузинских (Аджария как автономная единица Грузии), прорусских (Аджария как независимое государство). В этот период действовали политические силы, выступавшие за вхождение Аджарии в состав Грузии, но не в качестве автономной структуры. В конце концов победила идея вхождения в состав Грузии, что и было юридически оформлено в конституции Грузии 1921 г. Тенденция автономности Аджарии в составе независимой Грузии преобладала над другими тенденциями не только в аджарском субэтносе грузин, но и в целом в грузинской нации, что подтверждала позиция политического истеблишмента Грузинской Демократической Республики. Вместе с тем в грузинской нации аджарцы воспринимались как органическая, но все же

отличающаяся часть. Впоследствии подобное восприятие нашло отражение в русско-турецкой сделке марта 1921 г., в результате которой было оформлено создание Аджарской автономной республики.

В советский период дальнейшее участие Аджарии в процессе консолидации грузинской нации было приостановлено. Наряду с этим ослабла тенденция к протурецкой ориентации, что в свою очередь ускорило процесс этногенеза. Однако для Аджарии уровень интеграции не вышел за рамки автономии. В советское время аджарская автономность в грузинской нации проявлялась в различных формах. Во властных и партийных структурах Аджарской автономной республики должности распределялись по принципу: аджарцы и другие грузины. Пропорциональное соотношение мест было динамичным. Оно характеризовалось расширением пространства аджарской номенклатуры, хотя принцип распределения всегда был защищен. Здесь же отметим одну интересную деталь: аджарская номенклатура проявляла незначительный интерес к вхождению в общегрузинские государственно-партийные структуры.

Таким образом, нынешнее противостояние Батуми-Тбилиси, формально-юридический статус Аджарии — это проявление недостаточной степени консолидации грузинской нации (здесь же мельком отметим, что более острое проявление гражданской войны в Мингрелии, а также пассивность жителей Гальского района в грузино-абхазской войне — это еще одно проявление недостаточной сплоченности грузинской нации, но уже применительно к мингрельскому субэтносу грузин). В случае с Аджарией одной из главных причин ее недостаточной интегрированности в грузинскую нацию является религиозный фактор, вернее, неправильное его истолкование, что характерно как для аджарцев, так и для других грузин. Исторически в Грузии понятия "грузин" и "православный" считались синонимами, а "мусульманин" отождествлялся с понятием "татарин". Подобные настроения зафиксированы в следующем выводе: грузинская нация — православная нация.

Сложилась формула: "язык, отечество, вероисповедание". Одновременное существование всех членов триады считается

обязательным условием национальной идентификации, т. е. осознания себя грузином. Интересно, что автор данной формулы — Илья Чавчавадзе — лично откорректировал ее в 1878 г., т. е. после возвращения Аджарии в лоно Грузии. Чавчавадзе акцентировал основное внимание на чувстве исторической общности, отодвинув фактор вероисповедания на задний план.

К сожалению, грузинское политическое движение 80-х гг. вновь оживило формулу, отклоненную столетие назад самим автором: "язык, отечество, вероисповедание", и пошло еще дальше, выдвинув лозунг: "Да здравствует христианская Грузия". Это вовсе не способствовало росту степени сплочения грузин, скорее, наоборот.

Субъектом религии является личность, индивид. Нация, страна, государство не являются субъектами религии. Происходит спасение души личности, а не спасение нации, страны, государства. Таким образом, словосочетания "христианская нация", "христианское государство" — абсурдны. Христианином, мусульманином, буддистом и т. д. может быть личность, но не нация, страна, государство. Соответственно, принятие фактора вероисповедания в качестве признака национальной идентификации — абсурдно.

Религиозные чувства, вера — индивидуальный акт, не имеющий никакой связи с национальностью. К тому же, превращение религии в политический фактор, в данном контексте, возложение на нее функции собирателя нации — процесс, по сути, глубоко антирелигиозный, потому что в этом случае религия становится предметом государственной политики, а религиозные институты фактически становятся государственно-властными структурами. Государство врывается в ту сферу, которая является неприкосновенным автономным миром личности. Такое положение приводит к тяжелейшим последствиям и с точки зрения единения нации. Сегодня в Аджарии распространение христианства и ислама очень слабо связано непосредственно с религиозными чувствами, а более является проявлением национальной самоидентификации.

Для той части аджарцев, которая считает себя автономной частью грузин, сохранение мусульманства отождествляется с

сохранением и утверждением данной автономности. Однако для другой части аджарцев христианство является средством преодоления данной автономности.

Таково же отношение к вышеуказанному процессу и многих других грузин (не аджарцев). Подобная постановка вопроса мешает единению нации не только в грузинских субэтносах (в данном случае применительно к аджарцам), но и на уровне отдельных индивидов. Осмысление православности как фактора, сплачивающего нацию, либо оставляет вне нации всех неправославных, что в итоге ослабляет процесс сплоченности нации, либо превращает их в автономную часть грузинской нации. Помимо этого, такой подход мешает не только этногенезу, но и становлению гражданской нации*. Превращение религии, в данном случае православия, в политический фактор — это одно из основных препятствий на пути создания гражданской нации. Это означает, что армянская и азербайджанская диаспоры практически не смогут включиться в процесс становления гражданской нации, что приведет к их отчуждению от грузинской государственности, что мы нередко уже и наблюдаем сегодня.

Использование религии в качестве признака национальной идентификации мешает как процессу этногенеза, в данном случае, грузинской нации, так и, в еще большей степени, тормозит появление в стране гражданской нации (поскольку здесь мы имеем дело с различными этносами). Надо учесть и то обстоятельство, что на сегодняшний день в Грузии мало кто осознает необходимость и огромную значимость процесса консолидации всей нации, чем и обусловлено нахождение этого процесса на начальной стадии. А между тем в Грузии этногенез без формирования гражданской нации не сможет обеспечить становление государства.

Сегодняшняя Грузия как раз испытывает серьезные трудности в строительстве государства. Это проявляется не только в

* Под термином "гражданская нация" здесь и далее имеется в виду совокупность граждан Грузии различной этнической и субэтнической принадлежности — авт.

отрыве от Грузии Абхазского и Цхинвальского регионов, что, в свою очередь, является следствием призрачного, формального единства Советской Грузии. Существовавшие в советское время потенциально опасные противоречия и естественные итоги разъединенности нации были законсервированы советской системой; после же распада СССР сразу дали о себе знать дезинтеграционные процессы. Единство Советской Грузии было призрачным не только для неэтнических грузин (абхазы, осетины, армяне, азербайджанцы, которые не видели для себя опоры в грузинской республике), но и для грузин этнических. Каждый из экономических регионов, населенных этническими грузинами, был намного более связан с другими регионами Советского Союза, чем между собой. В Грузии фактически не существовало единого экономического организма. Неоднородность национального состава, различные уровни экономического развития отдельных регионов, их своего рода разобщенность обусловили, наряду с прочими факторами, отсутствие подлинного единения Советской Грузии как государственного образования.

Для современной Республики Грузии характерны проявления почти тех же черт, просто некоторые из них еще более обострились (этнические конфликты). Между прочим, страх на региональном уровне перед децентрализацией вызван не только и не столько желанием грузинского руководства сохранить свою власть, но прежде всего фактом отсутствия стабильного единого государства.

В свою очередь, в основе требований децентрализации, выдвигаемых некоторыми регионами, лежит не столько желание создать оптимальную модель управления, сколько стремление обрести автономию, что не способствует укреплению единого государства. Показательно, однако, что потребность в местном самоуправлении и других демократических институтах населением выражается крайне слабо (так же, как потребность в свободе вообще). Грузинское население едино, если оценивать по этому признаку. Какой-либо дифференциации на уровне регионов не наблюдается. Вместе с тем отношение к децентрализации разное. Для большей части населения Аджарии автономные структуры неприкосновенны. Армянское население

Джавахетии требует автономию. Азербайджанцы из Квемо Картли не претендуют на это. Не выдвигает таких требований население Кахетии, Имеретии, Гурии. Понятно, что такое положение вовсе не означает, что у населения Джавахетии и Аджарии большая потребность в демократии. Различное отношение азербайджанского и армянского населения к современному грузинскому государству имеет исторические корни (понятно, что причины можно поискать и в сегодняшних политических реалиях). Азербайджанскому населению Грузии довелось жить в независимой "Картли-Кахетии" и даже воевать за это царство.

Широкое распространение такие настроения в Грузии получили в советские времена, и на то имелись свои причины: в первую очередь, это профанация идеи построения государства всеобщего благосостояния. Гарантированные зарплаты и предоставляемые государством возможности получения "левых" доходов привели к тому, что не только партийно-бюрократическая верхушка, но и средние слои населения признавали советское государство как свое. Носителями идеи личной и национальной свободы как безусловной и абсолютной ценности выступали только единичные интеллектуалы и национал-демократы разных типов: они считали, что советское государство не соответствует (даже противоречит) их идеалам.

Сегодня для бывшего советского среднего слоя независимое грузинское государство не является своим, поскольку этот слой не смог сохранить (не говоря об улучшении) прежний уровень жизни.

Современная Грузия воспринимается как собственное государство только политико-бюрократическим истеблишментом по той простой причине, что для него оно стало механизмом удовлетворения своих экономических интересов; между другими слоями общества и государством возникло отчуждение, так как для них государство — виновник ухудшения условий жизни и обнищания. Остались неизменными и позиции тех, кто пропагандировал идеи свободы в советские времена, — для них независимая Грузия также не стала собственным государством. Значение социального момента важно оценивать не только в

плане взаимоотношений нации и государства, но и в процессе национальной консолидации. Для советского периода было свойственно патерналистское отношение к государству — как отцу-кормильцу и кормителю одновременно. Сегодня у этого разоренного государства в руках только плеть. Понятно, что такие резкие изменения трудно пережить большей части населения. Положение усугубляется также и тем, что ослабевает чувство социальной солидарности на уровне индивидов, что, в свою очередь, выражается в резком ослаблении родственной солидарности и других форм общения. По-видимому, этот процесс не останется только на уровне индивидов, а коснется уровня субэтносов или регионов.

На Западе модель государства всеобщего благоденствия, как отмечают авторитетные исследователи, в настоящее время также переживает кризис. Богатые не хотят и дальше платить за малоимущих. Идет процесс выявления совершенно новых технологий социального страхования. Вместе с тем чувство социальной солидарности ослабевает и на общенациональном уровне. Богатая северная Италия больше не хочет кормить своих "бедных и ленивых" южных сограждан. Движение за независимую Падано отнюдь не авантюристический акт, а имеет под собой глубокие корни. В северной Италии умеренные требуют сокращения налогов в помощь южанам; радикалы же требуют отторжения Падано от Италии, считая, что в объединенной Европе "бедный юг" для Италии — ненужный груз, который может помешать ее участию в процессе европейской интеграции и сделать неконкурентоспособной ее экономику. Единая гражданская нация и государство сталкиваются в Италии с тяжелыми проблемами именно в связи с ослаблением общенациональной социальной солидарности, так как без этого невозможно проведение конституционной реформы.

Ясно, что осознание себя единой нацией не может состояться только благодаря единой истории. Требуется, кроме того, и ощущение социальной солидарности. Значение общенациональной солидарности признано в мире, например, в Испании это нашло отражение даже в конституции страны.

Сегодня эта проблема в Грузии стоит пока не так остро и не

часто проявляется. В будущем (при условии, что у страны появится перспектива развития) она наверняка заявит о себе. Развитые регионы не захотят кормить более отсталые, поэтому одним из приоритетных направлений становления государственности Грузии должно быть обеспечение социально-экономического развития всех регионов страны. Именно этот пункт республиканцы потребовали внести в конституцию Грузии в качестве соответствующего параграфа. Сегодня этот параграф не действует, но в будущем он может стать сильной опорой равномерного развития регионов Грузии. Они должны стать равнозначными по населению, территории, социально-экономическому потенциалу.

В эпоху глобализации и регионализма даже давно сложившиеся государства столкнулись с серьезной проблемой. В некоторых полиэтнических государствах, несмотря на достигнутый высокий уровень демократии и обеспечения прав человека, не удалось устранить этнические противоречия. Так, например, в Британии к традиционной ирландской проблеме добавились проблемы Шотландии и Уэльса (хотя пока трудно определить, является ли появление собственных парламентов и резкое расширение региональных полномочий окончательным результатом или это только этап в дезинтеграции Соединенного королевства Великобритании). Квебекская проблема может оказаться не только проблемой отделения этой франкоязычной провинции Канады, но и послужить причиной выхода последней из состава "большой семерки" или даже, как считают некоторые исследователи, стать проблемой существования самого этого государства. Не будем продолжать перечисление — существует опасность разделения на составные части наций, которые собирались в течение десятков, а то и сотен лет, на этнические (или на богатые и бедные) части.

На посттоталитарном пространстве эта проблема более глубока. Не существовало гражданской нации в бывшем Советском Союзе и бывшей Югославии (термин "советский народ" оставался только лозунгом). Даже в рамках союзных республик не было осознания принадлежности к единой нации. Советская элита, пришедшая к руководству в независимых республиках после

распада СССР, не сможет консолидировать ни нацию, ни государство. Наоборот, она лишь усиливает отчуждение.

Решения великого реформатора из Южной Африки, лауреата Нобелевской премии Боты и президента Литвы Бразаускаса уйти из политики, так как их прошлое может помешать народу и государству в будущем, не послужили примером для Шеварднадзе и других бывших партийных функционеров. Нам не повезло. Грузинское диссидентское движение не смогло воспитать из посттоталитарных товарищей ни одного такого уравновешенного политика, как президент Чехии Гавел.

Слова первого президента ФРГ — Хойса — "для политика наиболее важна моральная закалка" — грузинскому политическому истеблишменту могут пригодиться лишь для очередного тоста.

Через тысячу лет грузины и абхазы может быть вновь смогут создать единую Грузию, которая станет более прочной, чем результат первой попытки объединения — старая Грузия. Многочисленность наших проблем требует достижения крайне высоких форм демократии для их решения.

Ю. Анчабадзе

ГРУЗИЯ — АБХАЗИЯ: УРОКИ ВОЙНЫ

Война 1992 — 1993 гг., ставшая кульминацией абхазо-грузинского этнополитического конфликта, обернулась трагическим потрясением как для абхазов, так и для грузин. По крайней мере, в Абхазии память о войне является своеобразной хронологической точкой отсчета, исходя из которой исторические события рассматриваются под углом зрения понятий "до войны" и "после войны". Война в той или иной степени затронула все структуры абхазского социума. Ее негативное воздействие сопоставимо с тем уроном, который был нанесен политическому, экономическому, демографическому и культурному потенциалу Абхазии в 70-х гг. XIX в., когда после окончания Кавказской войны царская администрация, получив возможность ужесточить карательные меры против "немирных" горцев, вынудило около 100 тыс. человек, составлявших в тот период большую половину абхазского этноса, покинуть родину. Махаджирство ("амхаджирра"), т. е. изгнание — так абхазы называют эту одну из наиболее драматических страниц своей истории, которую до сих пор болезненно и тяжело переживают. События 1992 — 1993 гг. занимают в историческом самосознании абхазов примерно ту же нишу, правда, перипетии войны недавней, по понятным причинам, остаются объектом эмоционального и болезненного восприятия.

Осмысление войны 1992 — 1993 гг. в Абхазии сейчас происходит в рамках вполне оформившейся в общественном сознании концепции об абсолютно негативном историческом опыте абхазо-грузинских взаимоотношений. Их основным содержанием считается постоянное стремление Грузии политически, демографически и этнически интегрировать Абхазию, превратив ее в рядовую грузинскую провинцию. Истоки противостояния историческая память абхазов относит еще к дореволюционному периоду, однако, считается, что тотальное наступление Грузии на Абхазию приходится на советские годы, достигнув своего апогея в период сталинизма, когда само существование абхазского народа как этнокультурной целостности было поставлено под угрозу.

Многие события этого периода весьма болезненны для современной исторической памяти абхазов. Так, например, для них остается немотивированным и неоправданным последовательное снижение государственно-правового статуса Абхазии, которая в марте 1921 г. была провозглашена Советской Социалистической Республикой, но в декабре того же года была вынуждена заключить с ССР Грузией "союзный договор", конституировавший во взаимоотношениях между Тбилиси и Сухумом принципы своеобразной "мягкой федерации"; в 1931 г. Абхазия была низведена до статуса автономной республики и непосредственно включена в состав Грузинской ССР.

Точно так же остры воспоминания о проводившейся в конце 30-х — начале 50-х гг. репрессивной политике грузинизации, в соответствии с которой из программ школьного обучения изымалось преподавание абхазского языка и вменялось в обязанность изучение грузинского; абхазская письменность с латиницы была переведена на грузинскую графическую основу, множество абхазских топонимов было заменено грузинскими; продвижение этнических абхазов вверх по социальной лестнице было затруднено; пропагандой усиленно внедрялся тезис об этническом тождестве грузин и абхазов, причем абхазы объявлялись ответвлением грузинского народа. Составной частью политики грузинизации было целенаправленное переселение на территорию Абхазии этнических грузин из внутренних областей Грузии. Вследствие этого численность грузин в Абхазии резко возросла, а грузинская община стала доминирующей в составе населения республики [1].

В послесталинскую эпоху наиболее репрессивные формы грузинизации были снивелированы, однако реальное положение автономных республик в четырехступенчатой системе советского "федерализма" не давало возможности этническим меньшинствам эффективно отстаивать свои национально-политические интересы, и это оставалось раздражающим фактором в грузино-абхазских отношениях 50-х — 80-х гг.

Антигрузинские настроения в Абхазии получили новый им-

пульс в последние предвоенные годы и были напрямую связаны с политическими процессами в самой Грузии, где все большее развитие получали этнократические, шовинистические и унитаристские тенденции. Достаточно отчетливо проявившиеся в период последних коммунистических правителей, они пышным цветом расцвели при режиме Звиада Гамсахурдиа (октябрь 1990 — январь 1992 гг.), когда открыто стали раздаваться заявления о том, что в независимой и суверенной Грузии не должно быть никаких автономных этнических образований [2]. Приход к власти крайне непопулярного в Абхазии Эдуарда Шеварднадзе (март 1992 г.) и последовавшая за этим новая волна политической и идеологической конфронтации между Сухумом и Тбилиси закрепила в сознании абхазов тезис об извечной враждебности Грузии к Абхазии, усилив стремление к политическому дистанцированию от Тбилиси.

События 1992 — 1993 гг. для абхазов являются межгосударственной войной между Грузией и Абхазией. Еще в самом начале боевых действий, 15 сентября 1992 г. президиум Верховного Совета Абхазии принял постановление, в котором было декларировано, что "вооруженное нападение войск Госсовета Грузии на Абхазию 14 августа 1992 г. и оккупация части ее территории" является "актом агрессии против Республики Абхазия" [3]. Позднее в общественном сознании абхазов укоренился тезис об освободительном характере войны, которую вел абхазский народ против грузинских оккупантов [4].

Соответственно, завершение войны воспринимается как изгнание оккупантов с территории республики, освобождение родины, победа в справедливой отечественной войне, в которой абхазский народ отстоял свое право на национально-государственное самоопределение.

Один из самых трагических уроков войны — переплетенность политического и этнического факторов в происходивших событиях. Противоречия политических элит, будучи перенесенными на уровень массового сознания, не могли не вызвать нарастания чувств этнической неприязни. Потери и жертвы начавшейся войны еще более усилили негативные эмоции, оформившиеся в стойкие взаимофобии, когда все этнопротивоположное воспринимается как враждебное, ненавистное, не охраняемое никакими нравственными или моральными законами, следовательно — подлежащее уничтожению и разрушению.

В грузино-абхазской войне это вылилось в акции взаимной жестокости и вандализма. В несколько завуалированной форме грузинская сторона в специальном заявлении Комитета по правам человека и межнациональным отношениям признала факты жестокостей, совершавшихся по отношению к противнику, в частности, пытки заложников и пленных, "набеги на мирное население" (этот эвфемизм подразумевал грабежи и мародерство) [5]. В ряду проявлений "этнической" войны — факты сожжения 22 октября 1992 г. в Сухуме Государственного архива Абхазии и Института языка, литературы и истории. Очевидно, что эти объекты не могли иметь военного значения, поэтому их уничтожение следует расценивать как попытку нанести урон абхазской национальной культуре.

Проявления этнической нетерпимости были присущи и абхазам. Тесня в конце сентября 1993 г. грузинские войска, наступавшие абхазские части нередко подвергали разрушению грузинские села, жители которых к тому времени покинули свои дома, бежав на территорию собственно Грузии.

В настоящее время между грузинами и абхазами сохраняется резкая взаимная антипатия, а в массовом сознании превалируют крайне негативные, заниженные, уничижительные образы и оценки друг друга. Периоды политической и идеологической конфронтации, а затем война изменили традиционные оценочные установки, наполнив их однозначно негативным содержанием. В этом отношении весьма показателен грузинский пример. Для грузин в целом всегда были характерны достаточно уважительные представления об абхазах, которые воспринимались как народ с богатыми традициями и культурой, в чем-то даже референтной по отношению к грузинской. "Воспитан (хорошо — авт.) как абхаз" — эта мингрельская поговорка красноречиво свидетельствует о признании абхазских культурных стандартов эталонными для местной этнокультурной среды. Героизация и идеализация образа абхаза характерна и

для грузинской классической литературы, в частности, творчества Акакия Церетели и Константина Гамсахурдиа.

Однако с началом конфликта традиционные стереотипы стали меняться. Положительные характеристики уступили место отрицательным, высокие оценки сменили уничижительные и резко негативные характеристики. Массовое сознание грузин стало воспринимать абхазов как некий дикий, нецивилизованный народ, не имеющий собственных этнокультурных потенций, неспособный к саморазвитию и усвоению высоких культурных стандартов. Роль абхазов в истории Грузии стала также оцениваться крайне негативно. В соответствии с точкой зрения некоторых грузинских историков, которая стала в тот период усиленно популяризироваться, абхазы воспринимались как относительно недавние мигранты из горных областей Северо-Западного Кавказа, переселившиеся на рубеже XVII-XVIII вв. на исконно грузинские земли, при этом частично вытеснив, а частично ассимилировав жившее там коренное грузинское население.

В таком же противоречии с истиной находится и распространившееся представление о поголовном мусульманстве абхазов, что для подавляющего большинства грузин служит отрицательной характеристикой. Вдобавок к представлениям о поголовной исламизации абхазов последние воспринимаются как сильно обрусевший народ, что в массовом сознании грузин также является однозначно негативным качеством.

Изменилась и оценка абхазами грузин и грузинской культуры. Если раньше грузинская культура воспринималась если не как более высокая, то, по крайней мере, равностатусная, то теперь абхазы наделяют ее набором отрицательных черт, отказывая ей в очевидных достижениях и общепризнанных ценностях.

Прошедшая война является отныне тем доминантным фактором, который будет воздействовать на грузино-абхазские взаимоотношения в обозримой перспективе. При этом для одной из сторон важно минимизировать ее результаты и последствия, а для другой — сделать их единственным основанием для создаваемой конструкции будущего регионального устройства.

Возможности мирного урегулирования конфликта в Тбилиси видят только в рамках сохранения территориальной целостности Грузии. При этом считается само собой разумеющимся, что во взаимоотношениях между Тбилиси и Сухумом должна сохраняться административная вертикаль. В то же время и в этом аспекте уроки войны достаточно красноречивы. Еще несколько лет тому назад в Грузии мало кто допускал мысль, что будущее развитие республики возможно вне унитаризации ее государственного устройства. В частности, позиция Эдуарда Шеварднадзе была вполне определенной. Выступая в парламенте 18 ноября 1992 г., он отверг идею федеративных связей между Грузией и Абхазией, заявив, что власти Грузии "готовы рассматривать лишь вопрос об уточнении правового статуса Абхазской автономии" [6]. Последнее, по мнению Э. Шеварднадзе, было единственным, на что могли рассчитывать абхазы в составе Грузинского государства. Весьма симптоматична и тональность обсуждения в грузинском парламенте соглашения от 4 апреля 1994 г. Оно было подвергнуто резкой критике, так как, по мнению большинства законодателей, подрывало унитарные основы грузинского государства, обрекая его на федеративное и, более того, на конфедеративное устройство.

Однако один из уроков войны состоит в том, что многие в Грузии понимают, что классический унитаризм вряд ли в настоящее время может стать основой внутреннего устройства государства. Но как именно представляют в Тбилиси реальные контуры будущего государственного устройства страны, понять трудно. Самые высокопоставленные представители грузинского руководства, в том числе Э. Шеварднадзе, неоднократно заявляли, что в составе Грузии Абхазии будут предоставлены предельно широкие полномочия автономного самоуправления, учитывающие мировой опыт и соответствующие мировым стандартам. В качестве атрибутов самостоятельности Абхазии предоставляется право иметь собственную конституцию, герб, флаг, гимн и т. д.

Показательны и другие нюансы грузинской позиции. В свое время было заявлено, что Грузия предоставит Абхазии такие же полномочия, какие Россия — Чечне. Озвученная Э. Шевард-

надзе в разгар военных действий в Чечне эта позиция отражала уверенность грузинского президента как в победе федерального центра над силами чеченского сепаратизма, так и в жестком подходе Москвы к послевоенному обустройству отношений между центром и мятежной республикой. Нынешняя ситуация в российско-чеченских отношениях, по понятным причинам, делает невыгодным ссылки на статус Чечни как на прообраз будущей правосубъектности Абхазии, а потому риторика на эту тему исчезла из официального грузинского лексикона.

Что касается Абхазии, то ее лидеры уже избавились от романтизма первых месяцев, последовавших за победой, когда в Сухуме серьезно рассчитывали на окончательное отделение от Грузии, обретение полной независимости и международной правосубъектности. Ныне Абхазия вынуждена согласиться с возможностью сосуществования с Грузией в рамках некоего единого (общего) государственного образования, которое таким образом восстановит бывшие границы Грузинской ССР.

В то же время в Абхазии не приемлют модель внутреннего устройства этого государства, которое предлагают в Тбилиси, в частности, любые варианты автономного вхождения Абхазии в состав Грузии с сохранением между Тбилиси и Сухумом административной вертикали. Обещания, что Абхазии будут предложены широкие автономные права, в том числе право иметь конституцию, гимн, герб, флаг и т. д., звучат не более как пустая декларация. Для абхазов в данном случае важны исторические параллели: во-первых, в период, предшествовавший пребыванию в составе Грузии в качестве автономии, большинством атрибутов из перечисленного ряда они уже владели, однако, это не спасло грузино-абхазские отношения от трудностей и конфликтов; во-вторых, в Абхазии уверены, что обещанные ныне "широкие права" на практике тбилисским руководством никогда не будут реализованы. Но прежде всего, в Сухуме считают, что грузинские предложения не учитывают нынешних реалий, в частности, войну и ее результаты.

В конечном итоге в рамках союзного государства Абхазия готова строить свои взаимоотношения с Грузией лишь на равносубъектной основе, и этот принцип, по мнению Сухума,

должен быть положен в основу будущего государственного устройства. Соответственно Сухум отказывается предоставить Тбилиси какие-либо исключительные полномочия, соглашаясь лишь на сферу совместной компетенции в таких областях государственной жизни, как внешняя политика, оборона, финансы, пограничная и таможенная служба и некоторые другие.

Одним из итогов грузино-абхазской войны было перемещение большинства грузинского населения Абхазии за пределы республики, прежде всего, в Грузию. В настоящее время проблема беженцев является одной из самых острых и дискуссионных в поствоенном противостоянии Грузии и Абхазии, а от ее решения во многом будет зависеть общее урегулирование конфликта. Более того, очевидно, что на данном этапе по ряду причин для грузинской стороны проблема беженцев даже важнее, чем проблема политического статуса Абхазии. Лидеры Грузии, в том числе Э. Шеварднадзе, постоянно повторяют, что возвращение беженцев — это "главная проблема", решив которую можно решить "все остальное".

Явно стараясь обострить ситуацию, Тбилиси откровенно завышает количественные данные о лицах, оказавшихся в положении вынужденных переселенцев. По грузинской версии в настоящее время их насчитывается более 300 тыс. человек. Однако, по переписи 1989 г. число грузин, проживавших в Абхазии, составляло 239 тысяч. Из них примерно 20 тыс. человек не покидало территорию республики. После относительной стабилизации обстановки в Гальском районе Абхазии туда вернулось примерно 70 тыс. человек, что составляет 80% довоенного населения района. Кроме того, необходимо учитывать, что несколько десятков тысяч грузин из Абхазии проживают ныне на территории Российской Федерации, куда они выехали во время и после войны, и следовательно, не могут учитываться в числе беженцев, находящихся на территории собственно Грузии.

Договорно-правовая основа процесса возвращения беженцев существует с 1994 г. Это — Соглашение о беженцах и порядке их возвращения, подписанное 4 апреля 1994 г. представителями Грузии, Абхазии, РФ и ООН. Однако статьи соглашения прак-

тически бездействуют, а сама проблема продолжает оставаться предметом бесплодных дискуссий. Тбилиси требует, чтобы возвращение беженцев рассматривалось как самостоятельный вопрос вне связи с политическим урегулированием. Абхазская сторона, напротив, заявляет, что возвращение беженцев может быть существенно ускорено, если будет найдено взаимоприемлемое политическое решение. Тбилиси настаивает если не на единовременном, то, во всяком случае, на массовом и быстром возврате всех перемещенных лиц в места довоенного проживания. Абхазская сторона отвергает подобный подход, и, ссылаясь на точное соблюдение статей соглашения, отказывает в возвращении тем, кто с оружием в руках воевал на стороне грузинских войск, и оговаривает свое право производить фильтрацию перемещенных лиц.

Непримиримость сторон по вопросу беженцев отражает еще одну, обычно не называемую, но очень важную проблему, которая неизменно присутствует во взаимных рассчетах сторон. Стремясь любой ценой возвратить беженцев, Тбилиси хочет поскорее восстановить довоенное демографическое преобладание грузин в Абхазии, что создаст прочную социально-этническую опору для реального восстановления здесь юрисдикции Грузии. Однако достичь этого возможно только в случае массового возвращения грузин. Поэтапное возвращение беженцев грозит их "политической" ассимиляцией, постепенной интеграцией в систему абхазской государственности, тем более, что сухумские власти предпринимают в этом направлении достаточно успешные шаги: среди депутатов абхазского парламента ныне находятся двое грузин, избранных от населения Гальского района.

На пути к мирному урегулированию абхазо-грузинского конфликта еще имеется слишком много проблем и препятствий. Очевидно, что их преодоление возможно лишь с помощью взаимных компромиссов, основанных, в том числе, и на осмыслении трагического опыта войны 1992 — 1993 гг.

Библиография

1. История Абхазии. Гагра. 1993. С. 157.
2. Жидков С. Бросок "малой империи". Сухум. 1996 С. 115.
3. Абхазия. Хроника необъявленной войны. М. 1993. С. 9.
4. Абхазия. 1992 — 1993 годы. Хроника Отечественной войны. М. 1995.
5. Свободная Грузия. 1993. 12 января.
6. Свободная Грузия. 1992. 21 ноября

А. Юнусов

АЗЕРБАЙДЖАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

"Независимость — не фетиш, а сырой материал. Из него можно вылепить как произведение искусства, так и дешевую поделку".
Патрис Лумумба

Минуло уже шесть лет с тех пор, как перестал существовать СССР и бывшие советские республики пустились в независимое плавание. Все они взяли курс или, по крайней мере, продекларировали создание на обломках коммунистической системы политически жизнеспособных и экономически преуспевающих демократических государств.

Как этот процесс преобразований проходил в Азербайджане, с какими проблемами столкнулась молодая республика и каковы возможные пути ее дальнейшего развития?

Непосредственные последствия карабахского конфликта

В отличие от многих бывших советских республик Азербайджан волею обстоятельств вступил на путь независимости в крайне неблагоприятной для себя обстановке. Задолго до падения СССР, еще осенью 1987 г. — на втором году "перестройки" — Азербайджан первым среди бывших советских республик столкнулся с проблемой беженцев и миграции населения — из Армении сюда бежали сотни азербайджанцев. В январе 1988 г. их число превысило уже 4 тыс. человек.

После официального начала армяно-азербайджанского конфликта в феврале 1988 г. обе тогда еще советские республики захлестнули волны беженцев. К началу 1990 г. все азербайджанцы и курды-мусульмане — всего около 186 тыс. человек — были изгнаны из Армении. В этот же период около 52 тыс. месхетинских турок, спасаясь от погромов в Узбекистане, также прибыли в Азербайджан. В свою очередь, 279 тыс. армян бежали из Азербайджана в Армению, еще 44 тыс. — в Россию. А после январских событий 1990 г. уже более 100 тыс. русских покинули республику [1].

В такой обстановке 18 октября 1991 г. Азербайджан провозгласил свою независимость; а через два месяца распался Советский Союз. После этого, но, особенно, с 1992 г. конфликт с Арменией из-за Нагорного Карабаха перешел в стадию международного конфликта. Начавшиеся боевые действия заметно увеличили число беженцев. К моменту заключения перемирия в мае 1994 г. Азербайджан понес следующие потери: погибло 11 тыс. и ранено около 30 тыс. человек (у армян, соответственно, 6 тыс. и 20 тыс. человек), под контролем армян, с учетом территории бывшей НКАО и 7 оккупированных районов, находится почти 13 тыс. кв. км или около 15% территории республики. Количество беженцев возросло до 750 тыс. человек, с учетом ранее прибывших из Армении и Узбекистана [2].

В политической сфере прямым следствием карабахского конфликта стала частая смена власти и, соответственно, нестабильная ситуация: за 6 лет независимости Азербайджан избрал трех президентов (двое из них ныне находятся в изгнании) и пережил 4 переворота — трагический рекорд среди бывших советских республик.

Карабахский конфликт заметно изменил демографическую и религиозную ситуацию в Азербайджане. До начала конфликта в республике, по статистике 1989 г., проживало чуть более 7 млн человек, из них 83% составляли азербайджанцы. В конфессиональном отношении 87% населения составляли мусульмане, 12,5% — христиане, 0,5% — иудеи. С того времени республику покинуло около 600 тыс. граждан нетитульной национальности, в основном христианского вероисповедания, а осталось (без учета карабахских армян) ориентировочно 800 тыс. человек.

В результате миграционных процессов сегодня более 90% из 7,5 млн жителей республики составляют азербайджанцы. Заметно изменился и состав этнических меньшинств: если прежде после азербайджанцев в республике доминировали русские и армяне, то теперь их место заняли лезгины, талыши и курды. Резко изменился религиозный состав: более 95% — мусульмане и около 4% — христиане [3]. То есть сегодня Азербайджан практически моноконфессиональная республика.

Но на этом миграционный процесс в Азербайджане не завершился. С конца 1993 г. уже азербайджанцы, в том числе, немалая часть беженцев, в поисках средств к существованию стали покидать республику и уезжать, в основном, в Россию, а также Турцию и Иран. При этом в Турцию и Иран отправляются прежде всего жители южных районов и проживающие там беженцы.

Подавляющее большинство, однако, выезжает в Россию. По данным азербайджанской прессы, в 1993 — 1996 гг. в Россию на сезонную работу, но часто и на более длительный период, выехало более 1,5 млн человек, а всего на сегодня в этой стране работает от 2 до 3 млн азербайджанских граждан. Большая их часть — примерно 1 млн — сконцентрирована в Москве и Московской области. Иначе говоря, до 30% населения Азербайджана, в большинстве своем мужчины в возрасте 20 — 40 лет, месяцами, а то и годами нелегально подрабатывают в Москве и других российских городах [4].

За этими сухими цифрами — боль и страдания огромной массы людей вне зависимости от национальности и веры. Особенно это касается беженцев — сегодня наиболее уязвимой группы населения. Помимо тех трудностей, которые характерны для большинства граждан республики, беженцы имеют свои специфические проблемы. Практически все они — жертвы либо свидетели насилия, происходившего во время боевых действий, вынужденные под страхом смерти покинуть свои дома. Все это наложило серьезный отпечаток на их психику, в результате многие из них страдают психическими заболеваниями и нуждаются в медицинской помощи.

В то же время по мере затягивания решения конфликта и ухудшения экономического положения беженцы, хоть и невольно, но становятся конкурентами местному населению, также занятому поисками средств к существованию, что уже привело к трениям и многочисленным бытовым конфликтам. К тому же жизнь за счет гуманитарной помощи вызвала появление у многих беженцев синдрома зависимости, нежелание работать. А отъезд, пусть даже и временный, в Россию значительного числа молодых, в основном, неженатых азербайджанцев,

привел к очередному нарушению демографического баланса. Сегодня уже ясно, что трагические итоги конфликта — значительное число погибших, раненых и искалеченных, обрекли немалую часть девушек и женщин Азербайджана на одиночество, что со временем обязательно даст печальные плоды. Отнюдь не случайно в Азербайджане за последние несколько лет заметно возросла, в том числе в сельских районах, женская проституция, что чревато тяжелыми последствиями, учитывая религиозность азербайджанцев и опыт соседнего исламского Ирана.

Экономическая ситуация и жизненный уровень

В соответствии с официальной советской статистикой, в 1989 г. Азербайджан был одной из беднейших республик Союза. Граждане Азербайджана имели самый низкий среднедушевой доход — 135 руб. по сравнению со среднесоюзным 182 руб., а у 34% населения доходы были ниже и этой суммы.

Но уже тогда было ясно, что официальные данные о доходах населения недостаточно корректны. Они отражали лишь незначительную часть реальных доходов населения бывшего СССР. Азербайджан в силу сложившихся обстоятельств в последнюю четверть века существования СССР в этом отношении находился в более привилегированном положении: население республики отличается природной предприимчивостью, что в условиях социалистической экономики с ее вечными дефицитами позволило азербайджанцам практически монополизировать отдельные рынки в Союзе. Так, уже к середине 70-х гг. азербайджанские производители и торговцы цветами фактически на 80% контролировали советский цветочный рынок. А к концу 80-х гг. доход, который получали азербайджанские производители цветов, вырос до 2 млрд рублей в год [5]. Если учесть, что в тот период официальный курс рубля был равен 60 центам, то станет понятной популярность тогда "цветочного" бизнеса, в результате которого в Азербайджане сформировалась достаточно стабильная прослойка предпринимателей.

Другим крупным источником доходов являлось широкомасштабное очковтирательство в области производства хлопка и винограда. Не имея возможности выполнять заведомо нереаль-

ные планы, руководители колхозов, совхозов и, соответственно, районов шли на откровенную фальсификацию данных: продукция сдавалась государству на "бумаге", либо закупалась в других республиках. Премиальные за "перевыполнение плана" не только компенсировали расходы по покупке, например, хлопка в Узбекистане, но и приносили ощутимую прибыль организаторам этих акций.

В целом же все вышеизложенное привело к тому, что к концу 80-х гг. реальный совокупный доход населения Азербайджана достиг 6 млрд рублей в год [6], и произошло это в основном за счет использования недостатков социалистической системы.

Значительными были тогда и затраты населения Азербайджана. Обладая столь мощным инвестиционным потенциалом, но не имея возможности вкладывать его в промышленное производство, население реализовывало свои финансовые средства в частном жилищном строительстве и для создания "теневых" высокодоходных производств. Неслучайно в СССР Баку считался одним из центров "теневой" экономики.

Вполне закономерно, что после того, как в 1987 г. в СССР частная предпринимательская деятельность была частично разрешена и, соответственно, легализована, большая доля капиталов "теневой" экономики всплыла наружу. При этом основной сферой приложения интересов азербайджанских предпринимателей по-прежнему являлась торговля.

В итоге на протяжении 1987 — 1991 гг. в Азербайджане наблюдался настоящий предпринимательский бум. Накануне распада СССР в 1991 г. инвестиционные ресурсы населения Азербайджана, по данным прессы, оценивались в 26 — 28 млрд долларов [7]. Это обстоятельство, а также наличие богатых запасов сырья, в первую очередь нефти, высококвалифицированных местных кадров и относительно развитых отраслей тяжелой промышленности давали надежду на улучшение жизни в постсоветский период.

Однако приобретение населением Азербайджана значительных (по советским меркам) доходов привело к негативным явлениям. Ведь большая часть населения, по некоторым данным прессы — до 70%, получала эти доходы, участвуя в сфере

"теневой" экономики. Потребитель в Азербайджане имел возможность платить большую цену, чем в других частях СССР, то есть население привыкло зарабатывать больше, чем производить. Но после распада СССР и последовавшего разрыва хозяйственных связей между его бывшими частями разрушилась и существовавшая прежде система доходов.

Дополнительным фактором, ухудшившим экономическую ситуацию в республике, стал карабахский конфликт. На оккупированной территории осталось более 300 промышленных и строительных предприятий, более 400 объектов сельского хозяйства и до 4000 предприятий сферы услуг [8]. Но главное, от 50 до 70% средств из госбюджета расходуется на оборонные цели. Значительны затраты и на содержание беженцев.

В этих условиях находившееся у власти в 1992 — 1993 гг. правительство Эльчибея не решилось на радикальные экономические реформы. В отличие от стран Восточной Европы, а также России, где политика шоковой терапии проводилась почти одновременно с приватизацией и рядом других мер структурного характера, в Азербайджане эта взаимосвязь была нарушена.

В результате экономика в значительной степени лишилась внутренних ресурсов, которые могли бы быть аккумулированы и направлены в производственный сектор. Немалую часть накопленных ранее средств население перевело за пределы республики, в основном в Россию, а частично их поглотила инфляция. Более того, лишившись прежних источников доходов, население стало приспосабливаться к новым реалиям за счет государственной собственности. В 1992 — 1993 гг. более 60% государственной собственности, имевшей хоть какую-то рыночную цену, было разграблено и распродано. Как следствие вышеуказанных процессов в Азербайджане началось резкое падение производства. К концу 1993 г. оно снизилось наполовину от уровня 1989 г.

С приходом к власти Гейдара Алиева летом 1993 г. Азербайджан вступил в экономический союз СНГ, что, однако, не изменило ситуацию в экономике республики. В 1994 г. кризис в экономике достиг наивысшей точки. Руководству Азербайджана никак не удавалось создать отлаженную банковскую систе-

му, а образованные им коммерческие банки не могли справиться с валютным "черным" рынком, который в тот год фактически подчинил себе банки и взял на себя валютное регулирование в стране. Неконтролируемый оборот капитала (коммерческих структур и "черного" рынка) составил 35 млрд манатов (около 35 млн долларов), в то время как государственный — 16 млрд манат (около 16 млн долларов). Итогом хаоса в банковской системе стала инфляция (в среднем 34% в месяц), порой перераставшая в гиперинфляцию (почти 500% в месяц). Как следствие, за год Единый валютный фонд страны сократился со 150 млн долларов в 1993 г. до 150 тыс. долларов в 1994 г. [9].

Резко снизился уровень жизни населения. Минимальная зарплата тогда составила 2 000 манат (около 2 долларов), тогда как прожиточный минимум составлял 45 тыс. манат (45 долларов) в среднем на человека.

Затягивать проведение экономических реформ становилось уже просто опасным — возникла самая настоящая угроза существованию Азербайджана как независимого государства. Наконец, после подписания в сентябре 1994 г. "нефтяного" контракта правительство Азербайджана под давлением МВФ приступило в начале 1995 г., то есть позже большинства других республик бывшего СССР, к реформам. Весь 1995 г. правительство придерживалось политики жесткого кредитно-денежного регулирования, рекомендованной МВФ. В результате этого к началу 1996 г. удалось взять под контроль инфляцию, которая резко снизилась — до 4 — 6%, и стабилизировать курс маната. Отчасти удалось добиться и определенной стабилизации финансово-экономических показателей.

Правда, валовой внутренний продукт (ВВП) за 1995 г. вопреки официальным заверениям, не возрос, а сократился на 38%. Внешняя задолженность увеличилась в 6 раз и достигла суммы в 600 млн долларов, а внутренняя — составила 18 трлн манат, что вдвое превысило сумму ВВП [10]. Тем не менее правительство и эксперты МВФ (основные разработчики программы) продолжили политику финансовой терапии, и в 1996 г. был нанесен удар по монопольному функционированию на местном рынке азербайджанской банковской системы: в республике

открылись 4 иностранных банка — российские "Мостбанк Азербайджан" и "Российский кредит", а также "Бритиш Банк оф Мидл Ист" и турецкий "Байбанк".

Наконец, в 1996 г. начался процесс так называемой малой приватизации: без оповещения общественности до 2 500 предприятий торговли и бытового обслуживания в явочном порядке по явно заниженным ценам были переданы в собственность местным представителям властей. Пресса сразу назвала такую приватизацию "номенклатурной".

Тем временем объем промышленного производства продолжал сокращаться. Около 90% предприятий республики окончательно остановили производство, а половина из оставшихся была задействована на 40 — 50% мощности. Отсутствие средств у предприятий и неконкурентоспособность местной продукции привели к гигантскому для Азербайджана кризису перепроизводства: общая стоимость нереализованных местных товаров, лежащих на складах, достигла почти полмиллиона долларов [11].

В марте 1997 г. под давлением МВФ правительство наконец-то решилось на так называемую большую приватизацию, в соответствии с которой намечено было приватизировать 59 500 предприятий, оцененных экспертами на общую сумму в 15 млрд долларов. Соответственно, стоимость каждого из розданных населению чеков тогда составляла 700 долларов [12]. А с июня стали проводиться чековые аукционы.

Однако правящая элита явно не заинтересована в реальной приватизации и стремится не допустить ухода собственности из-под ее контроля. Вопреки законодательству и обещанию, данному МВФ, принцип гласности при приватизации не соблюдается. Плохо информированное и потерявшее надежду и веру население предпочло сразу же продать чеки, чтобы иметь хоть какие-то деньги на жизнь.

По данным Госкомстата Азербайджана, на 11 ноября 1997 г. всего было приватизировано 18 577 предприятий и объектов (31% от намеченных) со стартовой стоимостью 195 млрд манатов (чуть больше 5 млн долларов). Преимущественно этот процесс затронул объекты бытового обслуживания и торговли,

транспортные средства, а также заправочные станции. Иначе говоря, приватизация основных объектов промышленности отложена на будущее. Вот почему независимые эксперты считают, что приватизация по-азербайджански пока не способствует достижению поставленных целей (переход от государственной к частной мобилизации капитала, создание более эффективной системы управления собственностью) и является игрушкой в руках правящей элиты, стремящейся всеми силами сохранить административный контроль [13].

Тем не менее, правящая элита сочла первые итоги приватизации и экономические показатели 1997 г. весьма оптимистичными, расценив их как приостановку кризиса и начало подъема экономики [14]. Основанием для этого послужили рост ВВП на 5% по сравнению с 1996 г., практически полное исчезновение инфляции (всего 0,35% — лучший показатель среди республик бывшего СССР), укрепление маната. Но главное, в экономику Азербайджана было инвестировано около 1,2 млрд долларов — второй результат по СНГ (после России).

Однако независимые эксперты более осторожны в выводах. С одной стороны, безусловно, по сравнению с 1992 — 1994 гг. прогресс налицо. В результате жесткой финансовой политики инфляция взята под контроль, заработала банковская система, в экономику направлены капиталовложения. При этом около 1 млрд долларов — составили иностранные инвестиции; из них 550 млн долларов связаны с "нефтяным" контрактом и пошли в нефтяной сектор. В другие сферы экономики направлено более 300 млн долларов, в основном, на строительство отелей, жилых домов, торговых центров и других объектов инфраструктуры.

В то же время удельный вес внутренних инвестиций составляет всего 19%, и по этому показателю Азербайджан заметно отстает не только от процветающих стран Азии (30 — 35%), но и стран Восточной Европы. Объясняется это тем, что при проведении кредитно-денежной политики эксперты МВФ не учли экономические реалии в республике и не создали условий для развития местного предпринимательства, которое могло бы включиться в инвестиционный процесс. Сегодня в Азербайджане лишь 3% предпринимателей имеют достаточные капиталы

для инвестирования. Еще 11% — это предприниматели со средним уровнем доходов, а остальные 86% имеют очень низкий уровень доходов. Поэтому лишь 8% предпринимателей вложили средства в производство, а для остальных сферой приложения капитала, как и ранее, является торговля [15].

К тому же надо иметь в виду, что в Азербайджане по-прежнему огромную роль играет "теневая" экономика, что признают и власти. Международные эксперты, изучавшие нефтехимические и другие промышленные объекты г. Сумгаита, пришли к выводу, что большинство из них занимается подпольным производством, и объем оборачиваемых только здесь незаконных капиталов измеряется миллионами долларов [16].

При этом надо иметь в виду, что подавляющее большинство средств вкладывается в г. Баку. В других городах экономическая ситуация мрачная. А в сельских районах обстановка уже на грани катастрофы. Даже официальные данные фиксируют обвальный спад в сфере сельского хозяйства. На сегодня приватизировано всего 240 тыс. га земли и 77,5 тыс. семей обеспечены наделами, что крайне мало. По данным правительства, проблемы с земельной приватизацией возникли в горных районах, а также в регионах с наибольшим количеством беженцев, где земля сдается только в аренду. Тем не менее, в ближайшие два года правительство рассчитывает приватизировать около 2 млн га земли [17].

Не дают повода для оптимизма и оценки деловыми кругами Запада нынешнего состояния Азербайджана. Так, британская консалтинговая служба "Контрол рискз груп" (Control risks group), опираясь на опрос руководителей 100 крупных корпораций США, Великобритании, Германии и скандинавских стран, пришла к выводу, что Азербайджан находится на четвертом месте в мире по уровню коррумпированности государственного аппарата [18]. Согласно же опросу британского журнала "Евромани" (Euromoney), Азербайджан занимает 139 место в рейтинге инвестиционной надежности среди 180 стран мира. При этом степень инвестиционного риска и надежности определялась по девяти показателям, в том числе таким, как эффективность экономики, уровень политического риска, состояние

задолженности, банковская система и т. д. После Азербайджана среди республик бывшего СССР находятся лишь Туркменистан, Кыргызстан и Грузия [19]. Что же касается внешних инвестиций в экономику Азербайджана, то, по мнению независимых экспертов, сегодня они в основном ориентированы на сырьевые сектора экономики. Но это приводит лишь к развитию зарубежных производств, в то время как азербайджанские ничего не выигрывают. Более того, ликвидируются даже те производства, которые были ориентированы на переработку добываемого сырья.

Проводимая ныне экономическая политика может быть достаточно ярко охарактеризована известной фразой, произнесенной в конце 1996 г. советником президента по экономическим вопросам В. Ахундовым: "Из Азербайджана лучше вывозить сырую нефть, нежели ее перерабатывать".

Но и здесь Азербайджан ждут серьезные проблемы. Единственная надежда — на нефть, но и она во многом преувеличена. Даже по графику (если он еще сохранится без изменений) реальную прибыль от продажи нефти Азербайджан получит не ранее 2010 г. Но уже сегодня внешняя задолженность составляет более 1,5 млрд долларов, а к 2010 г. эта цифра, по подсчетам независимых экономистов, возрастет до 10 — 12 млрд [20]. Иначе говоря, полученная прибыль пойдет на покрытие долга, а не на развитие страны.

Все вышеизложенное в первую очередь отражается на жизненном уровне населения. По данным Всемирного Банка, в конце 1995 г. 61,5% населения являлись бедными, из них 20% семей и чуть большая часть одиноких людей охарактеризованы как крайне бедные [21]. Однако данные Государственного комитета по статистике за 1995 г. еще более мрачные: около 90% населения следует считать бедными. По официальной статистике, в ноябре 1997 г. минимальная зарплата, не менявшаяся с февраля 1995 г., составляла 5 500 манат (чуть более 1 доллара); средняя зарплата — около 126 тыс. манат (примерно 31 доллар). Стоимость же минимальной потребительской корзины для пенсионеров и безработных оценивается сегодня Конфедерацией профсоюзов Азербайджана в 364 тыс. манат (91 доллар), а для

работающих — около 440 тыс. манат (110 долларов). При этом в Азербайджане 1 млн 200 тыс. пенсионеров (16% населения страны), из которых лишь пятая часть (178 тыс. чел.) работают [22]. Кроме того, в республике сегодня, по данным Конфедерации профсоюзов, более 1 млн безработных [23]. Добавим к этому колоссальную задолженность государства по выплате зарплаты и пенсий — на ноябрь 1997 г. 218 млрд манат или около 56 млн долларов.

Ко всему прочему с каждым месяцем усиливается диспропорция в региональном развитии страны. Между Баку и регионами пролегает целая пропасть. Газ и свет подается только в Баку и отчасти в города Сумгаит, Гянджа и Мингечаур. Остальные регионы, особенно северные и западные, влачат нищенское существование. В поисках топлива сельское население активно вырубает близлежащие леса, что уже сегодня грозит серьезной экологической катастрофой.

Строительство государства

Наряду с объективными факторами, сыгравшими свою роль в ухудшении ситуации в Азербайджане (распад СССР, карабахский конфликт), были и субъективные. Главные из них — проблемы, возникшие при строительстве государственных органов власти, в первую очередь, исполнительной.

Еще при Муталибове в связи с созданием института президентства весной 1991 г. была принята новая структура власти, в соответствии с которой появились новые для общества посты государственного секретаря и госсоветников. Но их функции были неясны, а принципы государственного строительства расплывчаты.

Придя к власти в мае 1992 г., Народный фронт Азербайджана (НФА) взялся было за кардинальную смену системы управления. Но после бурных закулисных дискуссий о том, какая система необходима стране — президентская или парламентская — НФА так и не решился на структурные перемены. Во многом это было связано с отсутствием кадров: на более чем 5 000 руководящих постов в системе управления — от аппарата президента, кабинета министров до органов местной власти — НФА и союзная партия "Мусават" смогли выдвинуть чуть более

200 человек. Не говоря уже об их профессиональном качестве, в количественном отношении это было слишком мало для серьезной реформы. Поэтому правительство Эльчибея предпочло оставить все как есть и опираться в своей политике на так называемые номенклатурные кадры советских времен. Это и стало одной из главных причин падения власти правительства Эльчибея в июне 1993 г., ибо оно кроме декларативных заявлений реально не смогло ни подготовить кадры, ни разработать конкретную программу государственного строительства. В условиях войны с Арменией, резкого усиления давления России и хаоса внутри страны подобное легковесное отношение к системе управления могло привести лишь к провалу.

Именно потому население восприняло с надеждой приход к власти многоопытного в этих вопросах Гейдара Алиева. Колоссальный опыт и выдающиеся способности в борьбе за власть дали свои плоды: ему удалось сравнительно легко и безболезненно для себя овладеть ситуацией в республике и остановить крайне пагубную для молодого государства практику ежегодной смены власти.

Стабилизация политической ситуации и государственный опыт Алиева, казалось, создают хорошие условия для структурных перемен. Ведь было абсолютно ясно, что одной из основных причин, приведших к глубокому социально-политическому и экономическому кризису — неэффективность исполнительной власти. Время от времени президент принимает указы и постановления, призванные решить основные проблемы в социально-экономической жизни страны. Однако решения главы государства как правило так и остаются на бумаге. Независимые эксперты, проанализировав более 100 документов в области экономики, принятых в 1996 г., констатировали: их реальное исполнение составило примерно 20% [24].

Сегодня уже ясно, что старая система исполнительной власти абсолютно не соответствует задачам и требованиям нынешнего этапа развития Азербайджана — становлению государственности и частнособственнических отношений, а новая еще не сложилась. Вся полнота государственной власти сконцентрирована в руках президентского аппарата, который занимается практически всеми вопросами — начиная от асфальтирования улиц и заканчивая законодательным обеспечением экономической реформы. По сути, нынешний президентский аппарат — это прежний ЦК компартии советских времен. Но если в условиях командно-административной системы это себя часто оправдывало, то в нынешних условиях это лишь усугубляет кризис и может впоследствии привести к полному краху.

Тяготение к старой советской практике определено тем, что при всем своем колоссальном опыте и недюжинном уме Гейдар Алиев все же политик, обращенный в прошлое, а не в будущее. Под стать ему и кадровый состав органов государственного управления — это старые, проверенные бойцы, взращенные в недрах коммунистического аппарата. Характерная их черта — знание технологии управления, но не современной действительности. Именно это и приводит к дестабилизации работы всей системы исполнительной власти. Давно стало нормой, что поручения, которые дает президент, выполняются с опозданием в 30 — 40 дней, а то и несколько месяцев.

И уж совсем неэффективна работа кабинета министров и региональных структур. И дело не только в некомпетентности и безынициативности государственных чиновников, их раболепии и боязни власти. Кабинет министров практически никакой роли не играет в жизни общества. Вот почему ни один из премьер-министров за 6 лет независимости так и не обнародовал свою экономическую программу — ее попросту не было и нет. После отставки осенью 1995 г. Ф. Гулиева целый год (!) страна жила без премьер-министра, пока, наконец, не был назначен новый.

Нынешняя правящая элита — это президент и серая безликая масса за его спиной. Ими легко управлять, но с ними нельзя осуществить реформы. Фактически все управление в современной системе государственной машины Азербайджана сводится к постоянным заседаниям, в ходе которых при помощи элементарного нагоняя президент пытается решать серьезные проблемы. Эти давно устаревшие методы командно-административной системы в лучшем случае сохранят стагнационное положение в экономике, но не выведут страну из кризиса.

Политическая жизнь

Политическая жизнь Азербайджана теснейшим образом связана с предшествующим периодом. Как и многие бывшие советские республики, Азербайджан не имел традиций государственности. Не было организованной, финансово обеспеченной и политически активной диаспоры. Никогда в Азербайджане не было сильного диссидентского движения. Вот почему политическая жизнь Азербайджана, особенно в период "перестройки", во многом в своем развитии повторяла процессы, которые шли в других республиках бывшего СССР.

Еще в 1985 — 1987 гг. в Азербайджане начали появляться первые клубы и общества по изучению и переосмыслению истории и культуры азербайджанского народа. На их базе в 1987 — 1989 гг. уже стали создаваться многочисленные политические организации, главной из которых стал НФА [25]. Как и в других советских республиках, на этом этапе политические организации Азербайджана делились на прокоммунистические и их противников. При этом последние включали в себя разные слои общества (национал-патриотов, либералов, фундаменталистов и др.).

После прихода к власти в мае 1992 г. НФА начинается новый этап в политической жизни республики. Это было время расцвета партий, 29 из них были зарегистрированы, а всего функционировало 44 организации. Формально, по программным установкам, они подразделялись на национал-патриотические, либерально-демократические, социалистические, неокоммунистические и исламские. Однако это было достаточно условное подразделение, поскольку политические организации делали только первые шаги, а традиции отсутствовали. Привычной была другая картина: возникали блоки и союзы партий, программы которых порой были диаметрально противоположны, зато противник общий. И потому в обществе привычно делили партии на сторонников власти, центристов (или "конструктивную" оппозицию) и радикалов.

С приходом к власти летом 1993 г. Гейдара Алиева кратковременный период правления национал-демократов завершается, начинается третий этап в политической жизни республики.

К власти пришла практически та же партийно-хозяйственная номенклатура, которая уже правила страной в 70-х — начале 80-х гг. Но есть и перемены: в советские времена власть в республике все же принадлежала Москве. Теперь же Г. Алиев — полновластный правитель Азербайджана. Именно он определяет политическую жизнь в стране, решает, кто будет депутатом парламента, какие партии нужны республике и, следовательно, их можно регистрировать, а какие нет и т. д. Как точно заметил обозреватель журнала "Монитор", сегодня в Азербайджане идет процесс перехода уже сложившегося авторитаризма в абсолютизм. И Гейдар Алиев может, как в свое время французский король Людовик XIV, с полным правом сказать: "Государство — это Я" [26].

С другой стороны, с приходом Алиева в обществе вновь стала возрождаться клановость. Последнее, как явление, имеет в Азербайджане глубокие исторические корни и несколько выходит за рамки привычного понимания слова "клан". Прежде всего, оно не всегда означает принадлежность к одной определенной семье, а предполагает формирование групп, объединенных понятием "землячество". Это, в свою очередь, не значит, что принадлежность к клану должна обязательно определяться рождением в том или ином регионе Азербайджана. Для вхождения человека в клан достаточно иметь родителей, родившихся в соответствующей местности. В советское время клановость расцвела именно при Алиеве в 70-х — начале 80-х гг. Тогда же была заложена финансовая база господства в республике так называемого нахичеванского клана, откуда был родом Алиев. В 1988 — 1992 гг. позиции нахичеванского клана были сильно поколеблены, но клан сохранился. Более того, начавшийся карабахский конфликт увеличил его социальную базу: изгнанные из Армении азербайджанцы относились к этому клану. В силу исторически сложившихся условий (жизнь на окраине тюркского и вообще мусульманского мира в окружении христиан, в первую очередь, армян) представители этого клана традиционно в Азербайджане отличались повышенной политической активностью и опорой на земляков. Вот почему большую часть членов национального движения в тот период составляли

азербайджанцы — выходцы из Нахичевана и Армении. Тем не менее, до лета 1993 г. клановость в постсоветском Азербайджане не играла доминирующей роли, хотя и имела место.

Ситуация кардинально изменилась с возвращением к власти Г. Алиева. В первую очередь по принципу клановости стала строиться кадровая политика. На сегодня окружение президента, центральные и даже многие местные структуры власти республики на 70 — 80% состоят из представителей этого клана. В настоящее время назначение практически на любую ответственную должность происходит только с учетом происхождения кандидата. Финансовая база клана колоссальна. Он в данный момент контролирует практически все сферы хозяйственной жизни республики, в первую очередь, нефть, таможню, внешнеэкономическую деятельность, банки и т. д. К осени 1995 г. нахичеванский клан оформился и политически: вокруг основной правящей партии "Новый Азербайджан" (председатель — Г. Алиев) сгруппировались еще 7 небольших проправительственных партий. Из оппозиции клан предпочитал в тот период иметь дело с Партией национальной независимости Азербайджана (ПННА), лидер которой Этибар Мамедов воспринимался как "свой", к тому же "конструктивный". Отношение к НФА (лидер — экс-президент Эльчибей) и особенно "Мусавату" (лидер — Иса Гамбар) было в то время несколько иным: хотя значительную часть рядовых членов этих организаций, в первую очередь НФА, составляли выходцы из Армении и Нахичевана, тогда клан относился к ним настороженно, предпочитая жесткий прессинг и репрессии. А радикальная оппозиция вообще воспринималась кланом как "вражеская".

Укрепив свои позиции в республике после парламентских выборов 1995 г., клан серьезно взялся за оппозицию. Последняя была разделена на официальную (ПННА, НФА, "Мусават") и радикальную. Первую власть признавала и начала заигрывать с ней, а второй было отказано в праве на существование. Формально находившийся в розыске после падения власти НФА в июне 1993 г. представитель этого клана, бывший госсекретарь Панах Гусейнов был в мае 1996 г. срочно "найден" и арестован. В начале 1997 г. после встречи с Алиевым П. Гусейнов был

выпущен на свободу и развил бурную деятельность по консолидации оппозиции вокруг Алиева.

Резко изменилась, особенно в 1997 г., и тональность выступлений государственных чиновников, в первую очередь, силовых министров в отношении НФА и его лидера, экс-президента Эльчибея, находившегося с июня 1993 г. в одном из сел Нахичеванской АР. Наконец, в конце октября 1997 г. Эльчибей вернулся в Баку, чтобы еще более укрепить позиции клана, но теперь уже среди оппозиции.

Среди других кланов следует выделить прежде всего так называемый бакинский. Он играл решающую роль в политической жизни республики в 1988 — 1992 гг., а при Аязе Мутталибове находился у власти и имел солидную финансовую базу. Но сегодня бакинский клан после серии ощутимых ударов отчасти нейтрализован — как политически, так и экономически. Вместе с тем свою силу клан не потерял и сохранил хорошую перспективу. Ведь политический и экономический климат республики по-прежнему определяется в Баку и прилегающих населенных пунктах, где традиционно сильны позиции этого клана. По мере ухудшения экономичекого положения, в связи с нерешенностью карабахского конфликта и засильем нахичеванского клана будет нарастать социальная напряженность. В этих условиях неизбежно будут усиливаться роль и активность бакинского клана, раздраженного и недовольного своим положением в обществе. Политические симпатии клана сегодня на стороне партии "Вахдат" (лидеры — Лейла Юнусова и Хаджи Джабраил Ализаде).

В 1988 — 1990 гг. в политической жизни республики была заметна и роль карабахского клана, который тогда сделал ставку на первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Абдурахмана Везирова. Именно этот клан нанес серьезный удар по нахичеванскому: при Везирове из государственных структур было уволено до 1 тыс. выходцев из Нахичевана и Армении. В настоящее время карабахский клан сделал ставку на другого своего земляка, лидера партии "Мусават"Ису Гамбара. На стороне последнего и симпатии бакинского клана. Отнюдь не случайно, что оба клана и партии, представляющие их, стали

налаживать связи. 18 марта 1997 г. партии "Мусават" и "Вахдат" подписали соглашение о тесном сотрудничестве, что вызвало резкое раздражение нахичеванского клана.

Остальные кланы (гянджинский, талышский, лезгинский) и связанные с ними партии сегодня слабы или затаились до лучших времен [27].

***

Итак, подведем итоги вышесказанного. Азербайджан вступил на путь независимости в крайне неблагоприятной для себя обстановке. Необъявленная война с Арменией из-за Нагорного Карабаха существенно изменила демографическую и конфессиональную ситуацию в республике. Заметно сократилось количество представителей нетитульной национальности, а число азербайджанцев и мусульман еще более возросло и стало определяющим в республике.

Разрыв экономических связей с бывшими советскими республиками, оккупация значительной части территории армянами, наличие огромной армии беженцев и постоянная миграция населения создали колоссальные экономические и социальные трудности в республике.

Несмотря на это, политическая активность населения до начала 1993 г. была очень высокой, ибо оно верило, что с приходом к власти своего, "национального" правительства можно будет в короткий срок решить карабахский конфликт и построить уже не коммунистический, а капиталистический рай с его демократией и рыночной экономикой.

Однако эта наивная романтическая вера очень скоро обернулась горьким разочарованием. Пришедшее к власти в 1992 г. "национальное" правительство Эльчибея в силу многих объективных и субъективных причин не поставило точку в карабахской войне, не решилось на экономическую реформу и реконструкцию системы управления в соответствии с новыми отношениями. Грубые промахи во внешней политике только усугубили положение. В стране разразился социально-политический кризис. Значительная часть населения, в особенности, старшее поколение, осознав невозможность быстрого прыжка в капиталистическое рыночное общество, затосковала по скромному

советскому достатку, порядку и стабильности 70-х гг. Именно их настроения позволили вернуть к власти в 1993 г. Гейдара Алиева и прежнюю номенклатурную элиту.

Но и эти наивные ожидания очень скоро развеялись. Старая номенклатура начала быстро обогащаться, тогда как значительная часть населения борется уже не за хорошую жизнь, а просто за физическое выживание.

Экономика Азербайджана, несмотря на некоторые успехи, все еще находится в тяжелом положении. Промышленное производство все время падает, а ситуация в социальной сфере близка к катастрофе. Политика властей уже привела к формированию в Азербайджане экономики сырьевого типа, ориентированной на валютные поступления от торговли сырьем, в основном нефтью. Сегодня в Азербайджане практически функционирует только одна сфера экономики — нефтяная. Катастрофически низкие доходы населения и непродуманная фискальная политика государства породили бегство капитала из страны и постоянную нехватку средств.

Так и не проведена реформа государственного управления. В Азербайджане господствует прежняя командно-административная система, которая сегодня привела к диктатуре одного человека, то есть к авторитаризму. В политической жизни после кратковременного этапа (1988 — 1992 гг.) продвижения по европейскому пути с созданием в перспективе сильных партий со своей идеологией и определенной социальной базой, с 1993 г. возобладали другие тенденции: Азербайджан все более демонстрирует намерение идти по традиционно восточному пути развития с опорой на кланы и связанные с ними партии. Азербайджанское общество по-прежнему в своей основе остается образованием, в котором интересы отдельных групп или кланов значительно выше интересов нации.

Ситуация усугубляется и тем, что основные политические силы, в том числе и этнические (лезгины и талыши), не смирились со своим положением, а просто отложили свои политические амбиции до посталиевского периода. Отсутствие же реальных, а не декларированных механизмов смены власти не позво-

ляет надеяться на то, что будущая борьба за власть будет вестись легитимными методами.

Каковы перспективы у Азербайджана в канун XXI века? С одной стороны, миграционные процессы и социально-экономические проблемы в связи с карабахским конфликтом и распадом СССР свидетельствуют, что Азербайджан все быстрее становится обычной азиатской страной с традиционными проблемами -- с экономикой, ориентированной на валютные поступления от продажи сырья, в первую очередь, нефти; нестабильной и не структуризованной политической системой с ее клановостью; обогащением небольшой группы и обнищанием значительной части населения. В то же время, наличие в обществе значительной европейски образованной прослойки, относительно развитых пока еще отраслей промышленности и богатых запасов сырья дает надежду на движение общества по восточноевропейскому пути. Но для этого необходимо срочно осуществить кардинальные экономические и политические реформы.

Библиография

1. Arif Yunusov. Demographic disaster. Index on Censorship (London). Vol. 26. No 4. July/August 1997. P. 70.
2. Ариф Юнусов. Шесть лет лишений, потерь и горя. О статистике карабахской войны. Газета "Содружество". 1995. NN 1,3.
3. Arif Yunusov. Ibid. P. 71.
4. Там же. С. 72 — 73.
5. Газета "Зеркало", 1996. 27 января.
6. Там же.
7. Там же.
8. Azerbaijan Human Development Report, 1996. UNDP. Baku. 1996. P. 15.
9. Зураб Тодуа. Азербайджан сегодня. М. 1995. С. 14.
10. "Зеркало". 1995. 30 декабря.
11. Экономике все хуже. Журнал "Монитор". 1996. N2 (октябрь). С. 42 — 43.
12. Газета "Аврасия". 1997. 5 ноября.
13. Приватизация, как зеркало азербайджанской реформы. "Монитор". 1997. N 5 (май). С. 51 — 53.
14. См. газеты "Панорама". 1997.22 ноября и "Мулкиййат". 1997. 25 ноября — 2 декабря.

15. Скованные одной целью. Журнал "Тренд". 1996. N5. С. 22
16. Газеты "Азадлыг". 1997. 20 июля и "Мулкиййат". 1997. 25 ноября — 2 декабря.
17. "Панорама". 1997. 20 ноября.
18. "Зеркало". 1997. 15 ноября.
19. Газета "Ежедневные новости". 1997. 21 ноября.
20. См. журнал "Монитор". 1997. N4 (январь). С. 9 и N5 (май). С. 7.
21. Azerbaijan Human. P. 26.
22. "Зеркало". 1997. 7 и 28 июня.
23. "Зеркало". 1997. 11 ноября.
24. Исполнительная власть — голова без тела. "Монитор". 1997. N5 (май). С. 18
25. См.: Лейла Юнусова. Пестрая палитра неформальных движений в Азербайджане. Газета "Новое русское слово" (Нью-Йорк). 1989. 19 сентября; Audrey L. Altstadt. The Azerbaijani Turks. Stanford. 1992. P. 204 — 205.
26. Государство — это Он. "Монитор". 1997. N5 (май). С. 18.
27. См. подр.: Зураб Тодуа. Указ. раб. С. 29 — 31.

Г. Авакян

ВЛИЯНИЕ КАРАБАХСКОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ

С недавних пор в политическом лексиконе Армении утвердилось, вначале в качестве шутки, а затем и чуть ли не в ранге термина, определение "карабахизация Армении".

Однако, если принять, что это словосочетание адекватно отражает определенные тенденции, то надо отметить, что подобный процесс реально начался отнюдь не в последнее время. Видимо, следует признать, что именно карабахский вопрос стоял у истоков нынешней армянской государственности и предопределил основные векторы ее развития.

Учитывая все геостратегические и макроэкономические показатели (потенциально весьма опасное, даже враждебное окружение; теснейшая интегрированность республики в советскую экономику), Армении полагалось бы быть наиболее инертной в вопросе обретения независимости. Однако, вопреки линейной логике, именно Армения в конце 80-х гг. последовательнее всех остальных советских республик стремилась к достижению суверенитета. Кажущийся алогизм подобного поведения был продиктован единственным мотивом — для армянского общества стало совершенно очевидно, что в рамках советской политической модели приемлемого решения карабахской проблемы не существует. Нерешаемость же вопроса автоматически влекла за собой абсолютную неприемлемость пребывания в данной политической системе, невзирая на все, казалось бы, объективные показатели социального, экономического или иного характера. Подобная императивность карабахского фактора для армян предопределена причинами как исторического, так и этнопсихологического свойства.

Сегодня наметилась тенденция все тлеющие в Европе, да и не только в ней, межнациональные конфликты ассоциативно, по формальным признакам, так или иначе объединять, ставить в один ряд. Это, соответственно, предполагает в дальнейшем и

унифицированный для всех "рецепт излечения". Именно по формальным признакам карабахский конфликт нередко сравнивают, например, с событиями в Сербской Краине, Боснии. Однако вряд ли это правомочно. В восприятии армян Карабах — это, в первую очередь, не война за определенную территорию и даже не борьба за физическое выживание части армянского народа. Все эти причины, безусловно, присутствуют, но они вторичны. А уж такую непременную составляющую боснийского конфликта, как межрелигиозное противостояние, в карабахском случае невозможно отнести к фактору хотя бы третьестепенной важности.*

Карабах вызывает в сознании армян прямые ассоциации с геноцидом 1915 г. Тогда угроза уничтожения нависла над всей нацией, а не над отдельной ее частью, как в случае с геноцидом евреев в годы второй мировой войны. Однако, в отличие от евреев, армяне до сих пор не добились ни моральной, ни

* Это утверждение вполне корректно в настоящий момент. Однако оно может перестать быть таковым в дальнейшем. В политологии стало уже тривиальным мнение, что традиционный для последних десятилетий антагонизм между демократическим Западом и тоталитарным Востоком сменяется новой осью противостояния: развитый Север и бедный Юг. При этом часто замалчивается, что под Севером подразумеваются не просто развитые страны Европы и Америки, а именно те, население которых традиционно исповедует христианство. Соответственно понятие Юг вбирает в себя страны с мусульманским населением, прежде всего — исламские теократии. Можно констатировать, что в последнее время напряжение по всей линии соприкосновения между Севером и Югом, христианством и исламом последовательно возрастает. В одних точках противостояние уже вылилось в вооруженные конфликты — Таджикистан, Босния; в других, таких как Греция, Турция, Кипр в любой момент могут начаться военные действия; в третьих — Египте, Алжире, происходит активное накопление взрывного потенциала.
Пока еще ни один из перечисленных конфликтов нельзя характеризовать как межрелигиозный в классическом определении. Однако все они, несмотря на объективно разные причины их возникновения, сейчас так или иначе рассматриваются через призму религиозной принадлежности противостоящих сторон. Поэтому весьма вероятно, что конфликт в Карабахе, вне зависимости от воли и желания непосредственных его участников, в дальнейшем может приобретать все более выраженный религиозный оттенок. принадлежности, отстаивать свою позицию в отношении Карабаха.

какой-либо иной сатисфакции. Именно это обстоятельство привело к тому, что нынешнее поколение армян воспринимает события 1915 г. не только как величайшую национальную трагедию, но, прежде всего, как величайшее национальное унижение и испытывает при упоминании о них чувство глубочайшего стыда за свою тогдашнюю беспомощность и неумение отстоять безопасность и достоинство.

Практически моментальный перевод карабахской проблемы из плоскости политического, т. е. относительно цивилизованного противостояния на уровень организации массовой резни армян в Сумгаите, а затем в Кировобаде и Баку, столь же стремительно предельно обострил все комплексы армян, связанные с опасениями повторения геноцида. Отсюда и сегодняшняя готовность практически всех армян, независимо от их социальной, политической, даже географической принадлежности, отстаивать свою позицию по Карабаху.

Явившись стимулом к достижению Арменией суверенитета, карабахский фактор стал затем своего рода концептуальной доминантой новой армянской государственности. Приоритеты в отраслях экономики, выбор внешнеполитических ориентиров, разработка государственной идеологии — все это находилось в жесткой зависимости и соподчиненности тенденциям развития ситуации вокруг Карабаха.

Оценки же данной ситуации и связанные с ними прогнозы однозначно указывали на неотвратимость попыток решения проблемы силовым путем. Эта предопределенность вытекала из того факта, что Закавказский регион стал в последние годы "яблоком раздора" между Россией, пытающейся возродить поколебленный статус великой державы, и США, целенаправленно расширяющих "зону своих жизненных интересов" за счет составных частей бывшей советской империи.

К таковым, в первую очередь, было причислено Закавказье, издревле являвшееся своего рода перекрестком, через который проходили наиболее рациональные и оживленные пути, связывающие Север с Югом, Запад с Востоком, в том числе знаменитый "шелковый путь". Приоритет в Закавказье сегодня обеспечил бы США контроль за этим стратегически важнейшим для

России регионом, без которого она будет лишена "оперативного простора" как в южном, так и в восточном направлениях. Завтра же это будет означать контроль над путями транспортировки нефти из месторождений Каспия и Средней Азии в Европу. И наконец, — это единственно надежный выход России на Иран, на оформляющийся стратегический союз с которым весьма нервно реагируют в Вашингтоне. Естественно, переделы сфер влияния легче проводить на фоне военных конфликтов.

Что же касается России, утратившей после развала СССР почти все рычаги воздействия в Закавказском регионе, то политика посредничества в конфликтах, подобных карабахскому, давала ей единственную возможность сохранить здесь свое присутствие.

Справедливости ради надо сказать, что, учитывая настрой противоборствующих сторон в карабахском конфликте, перевод последнего в ранг полномасштабной современной войны особых усилий от "посредников" не потребовал.

Излишне говорить, что с началом масштабных боевых действий влияние карабахского фактора на все сферы внутри— и внешнеполитической жизни Армении неизмеримо возросло. Однако о "карабахизации" Армении заговорили не в разгар военной кампании, а лишь спустя три года после установления относительного перемирия на линии соприкосновения карабахской и азербайджанской армий.

Причины, вызвавшие именно сегодня к жизни это определение, можно условно дифференцировать на несколько пластов. Первый — как надводная часть айсберга — у всех на виду. Речь идет об ощутимом перетоке кадров из Карабаха на самые высокие должности в руководстве Армении.

Этот своеобразный кадровый импорт был обусловлен серьезными проблемами с легитимностью правящего в Армении режима, возникшими из-за достаточно спорных итогов выборов — в парламент в 1995 г. и президента — в 1996 г. Предоставление высоких государственных постов популярным в Армении деятелям Нагорно-Карабахской Республики (так, кресло премьер-министра было предоставлено президенту НКР Роберту Кочаряну) должно было, по замыслу администрации, сбить

накал наметившегося в конце 1996 г. противостояния между народом и властями, умерить критику оппозиции в адрес режима.

Приход на многие руководящие посты карабахцев неизбежно повлек за собой основательную коррекцию государственной политики, в первую очередь, на уровне принятия решений. Сегодня с Робертом Кочаряном и его командой связывают актуализацию в Армении проекта построения "государства национального согласия". Были задействованы программы по социальной защите необеспеченных слоев населения, усилена борьба с коррупцией. Так, наверное, впервые с 1920 г. (год советизации Армении) в нынешнем году при приеме в вузы конкурировали исключительно знания, а не кошельки или связи. Практически был дезавуирован запрет на деятельность партии "Дашнакцутюн", стали регулярными консультации с руководством оппозиции.

Что касается внешнеполитического курса, то в нем теперь более четко обозначена традиционно характерная, в первую очередь для Карабаха, приоритетность отношений с Россией. Здесь как бы стало облекаться в реальную плоть нынешнее настороженное отношение армянского социума к Западу. Причем под Западом подразумеваются в основном Соединенные Штаты. Настороженность эта проистекает из прямого отождествления недавних событий с трагедией 1915 г., когда, по мнению армян, именно невмешательство западных союзников Армении позволило Турции организовать геноцид. Поэтому любое, скажем так, "антикарабахское" действие или даже высказывание представителей Запада вызывает крайне болезненную реакцию. Любопытно, что аналогичные поступки со стороны России воспринимаются совершенно иначе, не как позиция России в целом, а как усилия ангажированных опять-таки Западом политических элит, действующих против коренных интересов и России, и Армении. Таким образом, мы становимся очевидцами парадоксальнейшей ситуации — "антикарабахские" акции ряда российских структур увеличивают в Армении не антироссийские (что было бы логично), а антизападные настроения. Кстати, любое высказывание не в пользу Карабаха

со стороны уже собственно армянских политиков также классифицируется как доказательство их ангажированности со стороны именно Запада.

С перетоком кадров из Карабаха ускорилась и структуризация Вооруженных сил Армении по карабахской модели. Безусловно, влияние военных институтов Нагорного Карабаха на армию собственно Армении было постоянным, но ныне следует говорить о качественно новых импульсах и темпах этого процесса.

Сегодня, по мнению военных экспертов, на постсоветском пространстве армия НКР — третья по мощи после российской и украинской и первая — по боеготовности и оперативным возможностям. Ее отличает иерархически детально выстроенная и четко функционирующая структура управления. Такие общекавказские явления как, скажем, автономно "робингудствующие", каждый в своем отдельном "Шервудском лесу", полевые командиры в карабахской армии просто немыслимы.

Подчеркнутое внимание к проблемам военного строительства всегда являлось главным приоритетом для Карабаха. Здесь исходят из того, что большинство долгосрочных прогнозов по развитию ситуации в регионе однозначно предрекают новый виток военных действий. Оснований для столь неутешительных выводов достаточно. Связано это с тем, что для Азербайджана актуальной остается модель экстраполяции внутренних политических кризисов на уровень внешнего военного противостояния. Каждая смена власти в Азербайджане (а в последние годы это случалось неоднократно) неизбежно приводила к резкому обострению ситуации на карабахском фронте. Преклонный возраст нынешнего лидера Азербайджана, усиливающиеся слухи о проблемах с его здоровьем переводят упомянутый фактор из потенциальных в разряд реальных. Тем более, что нынешняя пирамида власти в Азербайджане выстроена и подогнана лишь под одного человека — Гейдара Алиева. С уходом Алиева, как считают в Карабахе, неизбежно ее стремительное разрушение. Поэтому плавный, мирный передел власти в Баку без новой вспышки страстей вокруг карабахской проблемы здесь считают нереальным.

Единственным препятствием для осуществления подобного сценария могло бы стать определение к этому времени окончательного статуса Карабаха. Но логика нынешнего переговорного процесса в рамках Минской группы ОБСЕ, где предпочтение отдается т. н. поэтапному подходу, практически исключает эту возможность, так как обсуждение вопроса о статусе предполагается провести только в самом конце.

Подобные подходы Минской группы укрепляют подозрения карабахцев, что в их случае вновь взят на вооружение вариант "разрешения" кризиса по образцу Сербской Краины. Здесь так же в свое время откладывался на конец вопрос окончательного статуса, так же преподносилась как большое достижение договоренность о прямых переговорах между всеми сторонами конфликта. Гарантом же безопасности краинских сербов должен был стать размещенный здесь контингент миротворческих сил. Именно последнее обстоятельство в качестве самого весомого аргумента предлагают Карабаху.

Дальнейшее развитие событий, однако, поводов для оптимизма карабахцам не оставляет. Несмотря на гору подписанных международных договоров и обязательств, на оперативные переговоры при посредничестве лидеров крупнейших европейских стран и США, Хорватия предпринимает масштабное наступление на Сербскую Краину. Миротворцы при первых же выстрелах — без малейших попыток хотя бы имитировать выполнение своей миссии — отбывают на родину. В течение 32 часов секторы "Юг", "Запад", "Север" переходят под контроль хорватской армии. Не успевших бежать мирных жителей, как водится, уничтожают на месте. Избегшие этой участи пополняют многотысячную армию беженцев и изгоев.

Реакция со стороны так называемого мирового сообщества — более чем сдержанная. В итоге превалирующим стало мнение, что Хорватия, хоть и не совсем гуманными методами, восстановила свою территориальную целостность. Упоминания о подписанных ранее договорах, равно как и о праве народов на самоопределение расцениваются как дурной тон. Экономические санкции против Хорватии, в отличие от Югославии, никто применять не собирается, на скамье подсудимых Международного трибунала в Гааге ожидают исключительно сербов — Караджича, Младича, но никак не Туджмана. В Совет Европы, также в отличие от Югославии, для Хорватии путь не заказан. Демарш США по этому поводу европейцами был (неслыханное дело) "мужественно" проигнорирован. США (тоже неслыханное дело) молча проглотили пилюлю и больше к этой теме не возвращались. Таким образом, все каноны сценического приличия были соблюдены, и кризис считается благополучно разрешенным.

Имея перед глазами столь "радужную" перспективу, карабахцы в качестве единственной реальной альтернативы той участи, которая постигла краинских сербов, рассматривают укрепление собственной армии. По-прежнему главенствующей для последней остается тактика активной обороны, поставившая в свое время противника на грань фактической капитуляции.

Однако сегодня следует говорить о существенном расширении оперативных возможностей вооруженных сил Карабаха. Об этом свидетельствует создание авиационных частей и, по некоторым данным, дивизионов ракет тактического назначения. А это означает, что карабахцы готовятся к отражению возможной агрессии не только со стороны одного Азербайджана. В Карабахе не исключают вероятности того, что при определенных обстоятельствах (если события будут развиваться не совсем по хорватскому варианту) НАТО может пойти на оказание прямой поддержки другому участнику конфликта. Сами карабахцы на помощь с этой стороны не рассчитывают, так как в Карабахе нет нефтяных месторождений. Подобные опасения выглядят еще основательнее на фоне неоднократных заявлений Азербайджана о том, что возврат НКР под его юрисдикцию — это не столько забота самого Азербайджана, сколько мирового сообщества, подразумевая под таковым Запад, НАТО и, в первую очередь, Турцию.

Чтобы не допустить реализации подобного сценария наличия одной только армии может оказаться недостаточным, и в Карабахе это отчетливо осознают. Здесь считают, что безопасность может быть гарантирована лишь при условии превращения

Карабаха в своего рода крепость, штурм которой приведет к неприемлемым для противной стороны потерям.

Такого рода трансформация начала осуществляться еще во время военных действий, теперь же она близка к завершению. Основным ее принципом стало формирование так называемых укрепрайонов, которые территориально совпадают с административным делением НКР. Каждый укрепрайон имеет развернутую систему фортификационных сооружений и обладает собственным гарнизоном (в основном, из жителей данной местности) с вооружением, позволяющим автономно вести долговременные военные действия как оборонительного, так и, в случае необходимости, наступательного характера без поддержки главных вооруженных сил, дислоцированных в центральной части НКР.

Однако понятие укрепрайон подразумевает не только чисто армейские структуры — сюда входит весь комплекс социальных и экономических отношений. Таким образом, карабахские укрепрайоны представляют собой своего рода казачьи станицы времен Кавказской войны или кибуцы первых лет существования Израиля. Эта система обеспечивает также высочайшую мобилизационную готовность: если сегодня из 150-тысячного населения НКР в армии служит от 10 до 12 тысяч человек, то при необходимости в самые сжатые сроки под ружье становятся еще 45 — 50 тысяч резервистов, имеющих боевой опыт.

Превращение в современную Спарту неизбежно ведет к основательной корреляции социальной, экономической и культурной политики. В Карабахе по сравнению с Арменией, как уже говорилось, всегда проводилась гораздо более взвешенная социальная политика, в результате которой здесь никогда не происходило ничего схожего с ереванскими событиями сентября 1996 г. Степанакертское руководство также значительно терпимей относилось к оппозиции. Так, например, запрет на деятельность партии "Дашнакцутюн", введенный в Армении, в Карабахе продублирован не был.

Теперь весь этот комплекс государственного моделирования с его экономической, идеологической и военной составляющими, апробированный и зарекомендовавший себя в Карабахе,

трансплантируется в Армению. В целом такого рода "карабахизация" Армении была достаточно благожелательно воспринята населением республики, естественно, за исключением узкого слоя лиц, которые в результате этих пертурбаций потеряли свои должности. Но не они делают погоду в стране. Таким образом, правящая администрация, казалось бы, достигла своих целей — своего рода карабахской имплантацией снизила накал неприятия со стороны общества. Однако, это было скорее латание дыр, ибо, решив таким путем одну проблему тактического плана, власти создали тем самым для себя ряд новых — стратегических проблем. В чем они заключаются, можно понять, лишь рассмотрев второй, значительно менее осязаемый, нежели первый, пласт явлений, приведших к возникновению термина "карабахизация" Армении.

Руководством Армении Нагорно-Карабахская Республика с момента своего возникновения вначале воспринималась как тривиальная армянская провинция (или как сейчас их называют — марз) с элементами игры (не без блефа) в самостийную государственность, причем игры, рассчитанной исключительно на стороннего зрителя. "Великодушно" допускались различия в восприятии нюансов той или иной проблемы, но не более того. Последнее решающее слово, естественно, должно было оставаться за Ереваном.

Однако в самой НКР с первых дней ее существования четко обозначилась тенденция к совершенно самостоятельному управлению своим вполне реальным государственным образованием. И эта линия последовательно выдерживается, невзирая ни на какие изменения в персональном составе карабахского руководства.

Сегодня Карабах достиг подлинной самостоятельности и может отстаивать свои позиции уже не в нюансах, а на концептуальном уровне. Более того, Нагорно-Карабахская Республика именно в качестве государственного образования и, соответственно, пользуясь методами и рычагами государственного уровня, имеет возможность, как никогда ранее, существенно влиять на позицию Армении и контролировать происходящие здесь процессы. Для этого НКР ныне располагает не только своим

весьма высоким моральным авторитетом в армянском социуме, но и активно использует возможности своего кадрового "десанта". Последний, образно выражаясь, из "службы спасения" для правящего в Армении режима трансформируется в своего рода пятую колонну. Этот процесс зашел уже так далеко, что утвердилось мнение: мол, если у Левона Тер-Петросяна сегодня нет каких-либо видимых реальных рычагов воздействия на руководство Карабаха, то президенту НКР Аркадию Гукасяну после принятия окончательного решения понадобится порядка 24 часов, чтобы сменить режим в Армении. И кстати, в этом случае главной его опорой будут отнюдь не только выходцы из Карабаха, а многие уроженцы Армении, убежденные, что именно политика НКР наиболее адекватно отвечает коренным интересам армянского народа.

Здесь уместно говорить об определенной трансформации общественного сознания. Выход из—под жесткого пресса советской идеологической машины был ознаменован броуновским движением общественной мысли, когда одна крайность с калейдоскопической быстротой сменяла другую. В поисках идеологической основы диапазон метаний простирался от языческих вероучений до перманентного эсхатологического мессианства. Вулканический выброс на первых порах "перлов" современного мифотворчества был призван заменить столь привычные и любезные нашим сердцам "Песнь о буревестнике" и "Как нам реорганизовать Рабкрин". Всю эту продукцию объединяли лишь воинствующий дилетантизм и полное пренебрежение требованиями формальной логики. Так, в рамках одной статьи могли мирно уживаться концепции (а вернее, мифы) о себе, как о народе — вечной жертве и о народе — славном воине.

Пресыщение такого рода суррогатами наступило довольно скоро, и господствующим стало подчеркнуто индифферентное отношение граждан ко всякого рода идеологическим постулатам.

Вместе с тем образовавшийся вакуум не мог быть не заполнен хотя бы на уровне общественного сознания. Сейчас можно констатировать, что процесс замещения проходил под отчетливым воздействием выработанных именно в Карабахе стандартов

общественного самосознания. В армянском социуме, и в первую очередь, среди людей репродуктивного возраста и молодежи, постепенно адаптировалась и стала доминировать принесенная из Карабаха уверенность в собственных силах (без налета истеричности), или, как говорят, психология победителя. Ранее это на уровне массового сознания было присуще только карабахцам. Синкретичность психологических установок еще более обозначила приоритет Карабаха во всех сферах общественной жизни Армении.

В том, что дело обстоит именно так, убеждают следующие события. В конце сентября 1997 г. президент Левон Тер-Петросян во время встречи с журналистами позволил себе, хотя и в завуалированной форме, связать перспективу роста социально-экономического уровня населения со скорейшим разрешением карабахского конфликта, видимо, подразумевая необходимость серьезных уступок. Это заявление моментально вызвало бурю негодования практически во всех точках мира, где проживают армяне. Тер-Петросяна очень резко осадили даже его сторонники, в первую очередь, силовые министры. Причем эти события проходили на фоне еще недавно кажущейся совершенно безнадежной политической апатии и психологической усталости народа. Так, проведенные буквально за неделю до заявления Тер-Петросяна социологические опросы констатировали, что лишь 17% жителей РА интересуют публикации в прессе по карабахской проблематике (причем, в Ереване таковых было всего 6%). Однако моментальная жесткая реакция абсолютно всего населения показала, что проблема для него вовсе не перестала быть ключевой, а скорее, в силу своей изначальной важности, перекочевала из разряда злободневной в ранг воспринимаемой уже чуть ли не на подсознательном уровне.

Одновременно эти события лишний раз стимулировали Карабах к активизации самостоятельной политики во всем объеме государственного управления. Наиболее заметны эти процессы в сфере внешней политики, где руководство НКР умело использует возможности достаточно влиятельной армянской диаспоры в различных странах мира. Для последней Карабах — не просто очередной всплеск вокруг (очередное воплощение) так называ-

емого армянского вопроса, а реально существующее государство, последовательно отстаивающее интересы армянского народа. Для многих в диаспоре уже давно не Левон Тер-Петросян, а именно руководители НКР являются истинными лидерами нации. Таким образом, буквально на глазах Карабах как бы перехватывает штурвал управления диаспорой у Армении, которая, впрочем, до сих пор недостаточно использовала возможности зарубежных соотечественников. НКР же установила прочные контакты с госструктурами и влиятельными организациями десятков стран мира.

Отчетливая независимость проводимой политики и действенные каналы выхода на внешний мир стали привлекать сегодня внимание к Карабаху многих кавказских народов. Однако рассуждать о том, станет ли Карабах одним из центров политического притяжения на Кавказе, не приходится в силу чрезвычайно сложной и постоянно меняющейся ситуации в этом регионе. Надо отметить, что время от времени на Кавказе находятся силы или государственные образования, пытающиеся "добровольно", не считаясь с мнением остальных, взвалить на себя бремя регионального лидера. Вариации этих начинаний обычно довольно однотипны, и фантазия дальше "Общекавказского дома" не идет. Правда, в связи с последними событиями в Чечне следует ждать актуализации, видимо, "Общекавказской сакли". Думается, что процессы эти будут продолжаться перманентно, и столь же перманентно терпеть фиаско, т. к. никаких объективных предпосылок для формирования подобного лидерства в ближайшее время не предвидится, да и слишком велики пока различия между народами, населяющими регион, разброс их интересов.

Третий пласт причин, приведших к возникновению термина "карабахизация", наименее осязаем. Строго говоря, проблемами этого ряда обычно занимаются лишь "сливки" политических элит и представители философских школ, если позволительно будет так выразиться, прикладного характера. В Армении, однако, интерес к ним вышел за обозначенные выше рамки и вызвал оживленные дискуссии в значительно более широких кругах.

Речь идет о выборе типа цивилизации, которая была бы наиболее органичной для армян и Армении. Здесь следует сказать, что армянская культура, а стало быть, и принципы, формирующие мировоззрение армянина, являются частью христианской культуры. С этой точки зрения, выбор как бы уже предопределен исходными данными. Но в Армении сегодня понятие "христианская культура" не отождествляется с понятием "западная цивилизация". Последняя здесь воспринимается как, хотя и во многом доминирующий, но не единственный продукт еврокультуры, вернее, ее англосаксонской субкультуры.

Есть ли своя ниша в этой цивилизации, во всем ли приемлема принятая в ней шкала ценностей для армянского мировоззрения — вопросы, которые стали предметом обсуждения в Армении. Необычно возросший интерес к этим вопросам за пределами узкого круга специалистов — также во многом следствие нерешенности карабахской проблемы. Это же обстоятельство может определить и конечный результат дискуссии.

В самом начале статьи было сказано, что невозможность решения карабахского вопроса в рамках советской политической модели привела к отчуждению от нее Армении. Сходная картина наблюдается и сегодня, но уже по отношению к тому, что называют Западом. В Армении попытки решить вопрос Карабаха в контексте западных подходов воспринимается сейчас скептически — играя в игру, придуманную соперником, по правилам, созданным им, на его поле и при его же судействе, нельзя рассчитывать на успех. Наметившееся отчуждение экстраполируется на западную модель цивилизации в целом, для которой, как здесь считают, из двух равноправных принципов — территориальной целостности и права на самоопределение, первый всегда будет "равнее".

Таким образом, проблема не сводится к некой обидчивости — мол, не решите вопросы по нашим рецептам, больше с вами дел иметь не будем. В данном случае нерешенность карабахской проблемы лишь стимулировала более пристальный и критический взгляд на сложившиеся в западной модели реалии. А обозначившиеся фундаментальные различия в ценностных ори-

ентирах породили опасения раствориться и затеряться в достаточно, как выяснилось, чужеродной системе.

Следующим логическим шагом были поиски своей цивилизационной общности в контурах европейского культурного поля. В качестве таковой сейчас представляется восточнохристианская общность — так называемый византийский дом.

Соответственно, выбор таких векторов развития диктует внесение серьезных поправок во внешнеполитическую ориентацию. И это уже осуществляется. О тенденциях сближения с Россией говорилось выше, подобные процессы характерны и во взаимоотношениях с Грецией, Кипром, Болгарией и рядом других государств — реальными и потенциальными участниками "византийской" цивилизационной модели. Одновременно в самой Армении происходит постепенное вытеснение с политической арены партий и деятелей, идентифицируемых в качестве приверженцев западной модели цивилизации в полном ее объеме.

Думается, такой вариант политического развития Армении в достаточной степени объективен и предопределен множеством глубинных факторов. Карабах же в данном случае является своеобразным катализатором, ускоряющим естественные процессы и делающим их более динамичными.

Библиография

1. Геноцид армян в Османской империи. Ереван. 1983.
2. Младотурки перед судом истории. Ереван. 1986.
3. The Karabagh File — Watertown, Massachusetts. 1990.
4. The Lawof Exluding the Third Force — Armenia an the Crossroads; Watertown, Massachusetts. 1991.
5. The Idea of Independence and its Protectors
6. Граница свободы. Бюллетень Ереванского пресс-клуба. Ереваню 1996ю N 1
7. Информационный бюллетень "Арка". Ереван. 1996. N 1 — 2.
8. Доклад UNDP по человеческому развитию в Армении за 1997 г.
9. СМИ Армении. Оценки и самооценки. Ереван. 1997.
10. Karabagh. White Papers. Yerevan. 1997.

Сведения об авторах

Анчабадзе Юрий Дмитриевич, сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Москва. Россия.

Авакян Гагик Самвелович, директор Аналитического центра Тим. Ереван. Армения.

Баснукаев Муса Шамсудинович, сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук. Чеченская Республика Ичкерия.

Власов Сергей Николаевич, главный консультант Администрации Президента Украины. Киев.

Воркунова Ольга Алексеевна, директор Центра исследований проблем мира и развития "Форум". Москва. Россия.

Воронков Лев Сергеевич, директор Международного института исследований проблем мира. Вена. Австрия

Гогсадзе Гиорги Карлович, директор Центра демократического развития и урегулирования конфликтов. Тбилиси. Грузия.

Геворгян Карине Александровна, сотрудник Института востоковедения РАН. Москва. Россия.

Зоидзе Отар, директор Центра сотрудничества и развития. Тбилиси. Грузия.

Искандарян Александр Максович, директор Центра кавказских исследований. Москва. Россия

Малышева Дина Борисовна, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Москва. Россия.

Шперлинг Дитрих, депутат Бундестага. Германия.

Юнусов Ариф Сейфуллаевич, Институт мира и демократии, руководитель Департамента конфликтологии. Баку. Азербайджан.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ — ЗАКАВКАЗЬЕ: ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ответственные редакторы:
Воркунова О. А.
Искандарян А. М.

Редактор:
Степанова В. П.

ЛР № 061245 от 29 мая 1993 г.
Подписано в печать 10.12.97. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,3.

Компания Гриф-Ф Лтд.
127434, Москва, Ивановский пр-д, д. 18.